

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ**

2018 Том 20 № 1

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Ю.М. Почта, доктор философских наук,
профессор, РУДН, Россия

E-mail: pochta_yum@rudn.university

Ответственный секретарь

В.Г. Иванов, доктор политических наук,
доцент, РУДН, Россия

E-mail: ivanov_vg@rudn.university

Члены редакционной коллегии

Грачев М.Н. — доктор политических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, Россия

Мчедлова М.М. — доктор политических наук, профессор Российского университета дружбы народов, Россия

Платонов В.М. — кандидат юридических наук, профессор Российского университета дружбы народов, Россия

Гребенников В.В. — доктор юридических наук, профессор Российского университета дружбы народов, Россия

Карадже Т.В. — доктор философских наук, профессор Московского педагогического государственного университета, Россия

Батанина И.А. — доктор политических наук, профессор Тульского государственного университета, Россия

Коваленко В.И. — доктор философских наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Жильцов С.С. — доктор политических наук, профессор Российского университета дружбы народов, Россия

Абсаттаров Р.Б. — доктор философских наук, профессор Казахского национального педагогического университета им. Абая, Казахстан

Дуткевич Петр — доктор политических наук, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтоновском университете, Канада

Францке Йохан — доктор политических наук, профессор Потсдамского университета, ФРГ

Карлос Пачеко Амарал — доктор политических наук, профессор Университета Азорских островов, Португалия

Николя Када — доктор политических наук, профессор Университета Пьера Мендеса Франса, Франция

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский, французский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология (Вестник РУДН. Серия: Политология)* — периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Цель журнала — способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «Политический процесс в современной России: тенденции и перспективы», «Политические процессы в современном мире», «Актуальные вопросы политической науки».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии.

В своей деятельности редколлегии серии руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и студенты, обучающиеся по направлениям политология и международные отношения.

Электронный адрес: politjournalrudn@rudn.university; vestnikrudn@yandex.ru

Литературный редактор: *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «Политология»:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 936-85-28

e-mail: politjournalrudn@rudn.university

Подписано в печать 20.02.2018. Выход в свет 05.03.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 15,12. Тираж 500 экз. Заказ № 18. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2018

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2018 VOLUME 20 No. 1

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Yuriy Pochta

RUDN University, Russia

E-mail: pochta_yum@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Dr. Vladimir Ivanov

RUDN University, Russia

E-mail: ivanov_vg@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Prof. Mikhail Grachev, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Prof. Maria Mchedlova, RUDN University, Moscow, Russia

Prof. Vladimir Platonov, RUDN University, Moscow, Russia

Prof. Sergei Zhiltsov, RUDN University, Moscow, Russia

Prof. Valeriy Grebennikov, RUDN University, Moscow, Russia

Prof. Tatianna Karadje, Moscow State Pedagogical University, Russia

Prof. Irina Batanina, Tula State University, Russia

Prof. Valeriy Kovalenko, Moscow State University, Russia

Prof. Raushanbek Absattarov, Kazakh University named after Abai, Almaty, Kazakhstan

Prof. Piotr Dutkiewicz, Carleton University, Ottawa, Canada

Prof. Jochen Franzke, Potsdam University, Germany

Prof. Carlos Pacheko Amaral, University of the Azores, Ponta Delgada, Portugal

Prof. Nicolas Kada, University of Pierre Mendes France, Grenoble, France

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English, French

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Political Science. The journal is international with regard to its editorial board, contributing authors and topics of the publications.

The journal is published since 1999. Since its inception, the journal focused on the highest scientific and ethical standards and is today one of the leading and oldest political magazines in Russia.

The aim of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and international political scientists.

The journal publishes the original results of fundamental and applied scientific research. The thematic focus of the journal is presented in the following permanent rubrics: "Political process in contemporary Russia: trends and prospects", "Political processes in the modern world", "Some actual problems of political science".

As a Russian journal with an international character, the journal welcomes research articles, book reviews, round tables and scientific reports devoted to the actual problems of political science.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, scientists and post-graduate students in the fields of political science and international relations.

Further information regarding notes for contributors, subscription and archives is available at [**http://journals.rudn.ru/political-science**](http://journals.rudn.ru/political-science)

E-mail: politjournalrudn@rudn.university; vestnikrudn@yandex.ru

Review editor *K.V. Zenkin*

Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board

RUDN Journal of Political Science:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

Ph. 936-85-28, fax 936-85-22
e-mail: politjournalrudn@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: ipk@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- Пархитко Н.П., Мартыненко Е.В.** Геополитические аспекты речи В.В. Путина на 43-й Мюнхенской конференции по вопросам безопасности. К 10-й годовщине с момента события 7
- Петров В.П.** Геополитическое значение Крыма 21
- Almaqbal Mazin Said** The Challenges of Implementing Russia's Security Strategy in the Arab Gulf Countries after the Arab Spring (**Аль-Макбали Мазин Саид Мусабах** Проблемы реализации стратегии безопасности России в странах Персидского залива после «Арабской весны») 31
- Вахшитех А.** Политика России на Ближнем Востоке в контексте кризиса в Сирии: вызовы и возможности 36
- Диалло Саиду** Сепаратизм в Казамансе: как положить конец войне? Конституционный федерализм или автономия? 43

ГЕОПОЛИТИКА «НОВОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ»

- Лысенко А.И.** Взаимодействие России и КНР в рамках программы «Шелковый путь» 51
- Михайличенко К.М.** Роль Африки в инициативе Китайской Народной Республики «Один пояс и один путь» 60

СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

- Викторова Е.В., Петренко Д.А.** Деятельность негосударственных организаций в интеграционной политике Франции на примере региона Окситания 69
- Федина А.В.** Испытание ценностями: проблема беженцев и политические перспективы «Альтернативы для Германии» 76

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

- Карадже Т.В.** Формирование субкультуры бедности в России: миф или реальность 89
- Белов С.И.** Компьютерные игры как инструмент реализации политики памяти (на примере отображения событий Великой Отечественной войны в видеоиграх) 96
- Ислам Мд Сазедул** Влияние религии на внутреннюю политику в Бангладеш .. 105
- Мелконян Л.А.** Национальная идея в формировании политической системы Японии 114
- Перезолова А.С.** Практики партисипативного управления в публичной политике 122

CONTENTS

POLITICAL PROCESSES IN CONTEMPORARY WORLD

Parkhitko N.P., Martynenko E.V. Global Political Aspects of Putin's Speech at the 43-th Munich Security Conference. One Decade Past	7
Petrov V.P. Geopolitical Significance of the Crimea	21
Almaqbal Mazin Said The Challenges of Implementing Russia's Security Strategy in the Arab Gulf Countries after the Arab Spring	31
Vakhshiteh A.N. Russia's Policy in the Middle East in the Context of the Crisis in Syria: Challenges and Opportunities	36
Diallo Saidu Separatism in Casamance: How to End the War? Constitutional Federalism or Autonomy?	43

GEOPOLITICS OF THE NEW SILK ROAD

Lysenko A.A. Interaction of Russia and China in the Framework of the "Silk Road"	51
Mikhaylichenko K.M. Africa's Role in Chinese People's Republic Initiative "One Belt and One Road"	60

CONTEMPORARY MIGRATION PROCESSES: POLITICAL DIMENSION

Viktorova E.V., Petrenko D.A. Activity of Non-Governmental Organizations in the Integration Policy of France by the Example of the Occitanie Region	69
Fedina A.V. Testing with Values: the Refugee Problem and Political Prospects of the "Alternative for Germany"	76

SOME ACTUAL PROBLEMS OF POLITICAL SCIENCE

Karadje T.V. The Formation of The Subculture of Poverty in Russia: Myth or Reality	89
Belov S.I. Computer Games as a Tool for Implementation of Memory Policy (on the Example of Displaying Events of The Great Patriotic War in Video Games)	96
Md Sazedul Islam Influence of Religion in Internal Politics of Bangladesh	105
Melkonyan L.A. The National Idea in the Japanese Political System Formation	114
Perezolova A.S. Practice of Participatory Governance in Public Policy	122

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-7-20

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЧИ В.В. ПУТИНА НА 43-Й МЮНХЕНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ВОПРОСАМ БЕЗОПАСНОСТИ. К 10-Й ГОДОВЩИНЕ С МОМЕНТА СОБЫТИЯ

Н.П. Пархитко, Е.В. Мартыненко

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

10 февраля 2007 г. в Мюнхене в рамках 43-й Конференции по безопасности Президент России В.В. Путин выступил с речью, посвященной не столько самой политике безопасности, сколько проблемам геополитического характера. Как отечественные, так и зарубежные исследователи — политологи, журналисты, историки и другие представители аналитических кругов — практически единодушны во мнении, что именно выступление российского Президента заставило обратить внимание на данное ежегодное мероприятие, ранее не пользовавшееся такой популярностью у СМИ, как встречи «Большой восьмерки» или саммиты АТЭС. И хотя оценки положений, высказанных В.В. Путиным в ходе его выступления, по понятным причинам отличаются в зависимости от политических взглядов, степени политической ангажированности, а в ряде случаев — элементарной эрудированности тех или иных аналитиков, тем не менее важность этих положений сомнению не подвергается.

Сегодня, по прошествии 10 лет с момента выступления Президента РФ на мюнхенской конференции по безопасности, мы имеем возможность не только проанализировать основополагающие принципы, которые В.В. Путин попытался донести до своих зарубежных партнеров, но и, говоря научно-исследовательским языком, оценить их с точки зрения апробации. Но прежде чем приступать к изучению самого выступления, рассмотрим, при каких геополитических обстоятельствах оно имело место. Что представляла собой Россия как мировая держава (и являлась ли она в 2007 году таковой) в начале XXI века? Каков был авторитет руководителя российского государства на международной арене? Наконец, каково было восприятие России в западном сообществе спустя чуть более 15 лет с момента кардинальной трансформации геополитической роли страны в Европе и мире? Найдя ответы на эти вопросы, выявим основные тезисы выступления Президента и постараемся дать им по возможности максимально беспристрастную оценку.

В ходе работы авторами применялся широкий методологический инструментарий. Историко-аналитический метод позволил выявить эволюцию проблематики, затронутой в речи В.В. Путина в течение указанного временного периода (10 лет). Метод компаративистики позволил сравнить базовые условия, в которых находилась Россия на момент выступления Президента в Мюнхене в 2007 году, и условия, в которых наша страна находится сегодня. Метод политического прогнозирования лежит в основе построения основных выводов и прогнозов, которые, в свою очередь, обуславливают научно-теоретическую новизну исследования.

Ключевые слова: международные отношения, конференция, выступление, Президент РФ, Путин, НАТО, западное сообщество, внешнеполитические партнеры, Российская Федерация

ДЕСЯТИЛЕТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕГРАДАЦИИ

8 декабря 1991 г. в истории нашей страны произошла крупнейшая национальная катастрофа. Развал Советского Союза как юридический результат Беловежских соглашений, подписанных Б. Ельциным, Л. Кравчуком и С. Шушкевичем, стал отправной точкой для последующей деградации российской государственности, причем этот процесс затронул практически все аспекты. Государство утратило имя, флаг, объединяющую идеологию и почти третью часть своей территории. Страной было потеряно более 5 млн км² территории, при этом наиболее болезненной является потеря Украины (52 млн человек) и Белоруссии («связующий мост» между Россией и Восточной Европой). Были потеряны выходы к Балтике (кроме Санкт-Петербурга, а также Калининграда, оторванного от основной территории страны и превратившегося в анклав).

Уход в зарубежье таких портов, как Рига и Таллинн, резко ограничил доступ России не только к Балтийскому морю, но и к европейским морским торговым маршрутам в целом. Потеряно было доминирующее с военной точки зрения положение на Черном море. Иными словами, «смещение» всей территории страны на север и восток отдалило Россию от Западной Европы и Ближнего Востока. С торговой точки зрения с развалом СССР были потеряны прямые сухопутные выходы к Центральной и Западной Европе. Аналогичное положение возникло и с коммуникациями, включая авиационные, трубопроводные и др. Почти все пути, ведущие из России, стали транзитными, международными.

Промышленное производство в России в течение 90-х гг. сократилось в два с половиной раза (для сравнения — в годы Великой Отечественной войны лишь на четверть). В четыре раза сократились сельскохозяйственные угодья. Доля России в мировом ВВП сократилась с 4,5% в 1990 г. до 1,8% в 1995 г. В 1996 г. капиталовложения в основные фонды составили лишь 25,2% от уровня 1990 г. Вывоз капитала в несколько раз превышал ввоз и в середине 90-х гг. составлял от 8 до 50 млрд долл. в год, причем безвозвратно. Т.е. в среднем ежегодно из России вывозилось порядка 29 млрд долл. По данным ООН, на июль 2000 г. РФ по интегральному показателю занимала 71 место в мире (в июле 1991 г. — 24-е). После дефолта показатель импорта снизился с 52% до 40—45% [5. С. 23].

Но, пожалуй, наиболее тяжелым следствием развала единой страны стало «рассечение» русского народа, который в одночасье превратился в самый разделенный народ на планете. За рубежом оказались более 25 млн русских. Иными словами — вне России проживает каждый пятый русский. Всего же население России сократилось в сравнении с СССР почти в два раза: с 278 млн до 145, сокращаясь в период президентства Б. Ельцина каждый год на 700—800 тыс. человек. Кроме того, на территории страны возник как минимум один этнический конфликт — в Чечне — сопровождавшийся кровавыми террористическими актами далеко за пределами кавказского региона, включая Москву, Волгоград, Краснодарский край и др. В целом же в 90-е гг. в России национальный вопрос обрел не свойственную ему ранее остроту, что также являлось следствием демонтажа государственной идеологии в сфере воспитания населения в традициях этнической дружбы.

Продолжая упомянутый выше контекст, отдельного внимания заслуживает также и вовлечение России в процесс глобального религиозного противостояния. На юге Россия фактически вынуждена выполнять роль защитника Запада от исламского фундаментализма, что автоматически включило Россию в военное и религиозно-политическое противостояние различным силам религиозного толка в Средней Азии. Но теперь это противостояние Россия вынуждена была вести с гораздо менее выгодных позиций, чем даже в период ведения активных боевых действий в Афганистане с 1979 по 1989 г. Кроме того, 8 декабря 1991 г. Россия в одночасье «получила» необустроенные границы с теперь уже бывшими союзными республиками, притом что общая протяженность границ России составляет 61 тыс. км (это расстояние в полтора экватора) [7].

Деструктивный перечень можно продолжить, включив в него и утрату передовых технологий, вызванное сокращением числа научных работников России в течение 90-х гг. более чем в три раза. В период с 1991 по 2001 г. порог финансирования науки оставался критически низким, а отечественной промышленности приходилось довольствоваться внедрением зарубежных технологий, устаревших много лет назад (что отнюдь не сказывалось на их высокой цене). Названный процесс привел к тотальному и скоростному разрушению военно-промышленного комплекса.

Самым наглядным индикатором регресса, происходящего в отечественном ВПК в 90-е гг., служит статистика SIPRI (Стокгольмский институт исследования проблем мира), приведенная в докладе, посвященном экспорту вооружений. К примеру, в 1998 г. США продали оружия на 21 млрд долл., а Россия — на 2,5 млрд [12]. Геополитическая безопасность России до начала XXI в. последовательно снижалась, военные структуры разрушались, инфраструктура военных городков, казарм, полигонов, учебных центров, на базе которых можно было за считанные недели развернуть полнокровные соединения, практически исчезла.

Одним из знаковых событий утраты былого международного престижа страны как космической сверхдержавы было затопление станции «Мир» 23 марта 2001 г. С развалом СССР Байконур оказался на территории независимого государства Казахстан, а единственный на тот момент российский космодром в районе города Плесецк существенно уступал своему казахстанскому «коллеге» по техническим характеристикам и показателям геолокации. Затянувшийся экономический кризис, поразивший все отрасли отечественной промышленности, сказался и на ведущем аэрокосмическом предприятии России, РКК «Энергия», что не преминуло негативно отразиться как на количестве, так и на качестве выпускаемых корпорацией космических аппаратов.

На международной арене позиции России выглядели наиболее ослабленными с момента становления еще советского государства в начале 20-х гг. XX столетия. Пассивная реакция на агрессию США и НАТО против Югославии в 1999 г., сворачивание военного сотрудничества с давними союзниками (прежде всего с Кубой и Вьетнамом), выразившееся в конечном итоге в закрытии военных баз (крайне выгодных с точки зрения своего военно-стратегического расположения) на территории этих стран и, по сути, утрате союзнических отношений с ними — лишь

малая часть тех добровольных внешнеполитических «уступок», на которые в одностороннем порядке пошла наша страна в 90-е гг. XX в. Вполне вероятно, что под воздействием анализа вышеозначенных тенденций США уже в 2001 г. вышли из Договора о ПРО от 1972 г. и приступили к созданию системы противоракетной обороны, потенциал которой может быть направлен исключительно лишь против России (в противном случае развертывание системы подобных масштабов не имеет под собой ни оперативно-тактических, ни материальных оснований). Финансирование этой программы начало осуществляется с марта 2001 г.

РОССИЯ К 2007 ГОДУ

Таким образом, придя к власти в январе 2000 г. сначала в качестве и.о. президента, а затем по итогам президентских выборов 26 марта 2000 г., В.В. Путин принял страну в состоянии, близком к распаду по целому ряду признаков и первопричин.

Первая чеченская кампания завершилась полукапитуляцией в виде Хасавюртских соглашений, вторая чеченская кампания фактически разразилась в результате нападения боевиков с территории Чечни на соседний Дагестан. Экономическая ситуация также не внушала оптимизма — достаточно было посмотреть хотя бы на внешний долг Российской Федерации, который в 2000 г. был равен 158,7 млрд долл., а суммарный внешний и внутренний государственный долг составлял 84% ВВП [2]. Международный престиж страны также находился в перигее даже в сравнении с началом 90-х гг. Наконец, уровень доверия населения к власти (вне зависимости от декларируемых ею политических принципов) был даже не столько низким, сколько отражал политическую апатию, сформировавшуюся у населения за предыдущее десятилетие.

В этих условиях в июне 2000 г. Президент РФ В.В. Путин подписал Концепцию внешней политики Российской Федерации. В ее основе лежали следующие принципы: обеспечение надежной безопасности страны и ее населения, защита, сохранение и укрепление ее суверенитета и территориальной целостности, завоевание прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе. Руководство страны исходило из того, что, несмотря на все потери, понесенные в 90-е гг., Россия продолжает сохранять статус великой державы, не в последнюю очередь благодаря сохраненному ядерному потенциалу. В связи с этим ставилась задача обеспечить воздействие на общемировые процессы в целях формирования стабильного, справедливого и демократического миропорядка. Другой задачей стало формирование «пояса добрососедства» по периметру российских границ. В отношениях с другими государствами имелось в виду вести поиск согласия и совпадающих интересов с зарубежными странами. Отмечалось значение всесторонней защиты прав и интересов российских граждан и соотечественников за рубежом, а также популяризации Российской Федерации в мире, русского языка и культуры народов России в иностранных государствах.

Во многом следуя положениям вновь утвержденной Концепции, Россия интенсифицировала включение в борьбу с мировым терроризмом. После терактов

в США 11 сентября 2001 г. Россия присоединилась к усилиям США и их союзников в борьбе против терроризма. Руководство России шло на эти шаги в интересах обеспечения безопасности своих южных рубежей (Северный Кавказ). В течение короткого времени началась нормализация обстановки на Северном Кавказе.

Говоря о российско-американских отношениях в период первого срока президентства В.В. Путина, отметим, что отношения между Россией и США занимали центральное место во внешней политике страны. После президентских выборов 2000 г. отношения между Москвой и Вашингтоном впервые с 1991 г. претерпели серьезные качественные изменения. Исходя из идеи однополярного мира, где сохранилась лишь одна сверхдержава в лице США, администрация Президента Дж. Буша взяла курс на изменение баланса сил на мировой арене в свою пользу. Как уже отмечалось, было объявлено о выходе США из договора 1972 г. по противоракетной обороне (ПРО), о создании национальной системы ПРО. Это разрушало всю систему стратегической стабильности, которая существовала к этому времени уже порядка 30 лет. Однако наряду с этим США продолжили усилия по изменению стратегического баланса, расширив НАТО в 2002 г. за счет Болгарии, Румынии, Словакии, Словении, Латвии, Литвы и Эстонии. Было объявлено о грядущем вступлении в НАТО Украины и Грузии.

С началом иракской кампании США (2003) Россия решительно выступила против американской агрессии, назвав поводы для этого нападения надуманными. Правильность этих оценок и подходов подтвердилась несколько позднее.

Для борьбы с «иранской угрозой» Дж. Буш объявил о необходимости развертывания американской системы ПРО на территории Польши и Чехии, что создавало прямую военную угрозу России. Все эти шаги мало согласовывались с публичными заявлениями лидеров Запада о стремлении к партнерству с Россией и в итоге вызвали ответные шаги с ее стороны. Забегая несколько вперед, укажем, что в апреле 2007 г. Россия заявила о моратории на исполнение подписанного ранее Договора об ограничении вооруженных сил в Европе (ДОВСЕ), после чего отношения между двумя странами стали еще более отчужденными с точки зрения США и прагматичными с точки зрения России.

Президенту России приходилось проводить огромный объем работы практически по всем направлениям внешней политики. Прежде всего, это касалось ближнего зарубежья. Утрата влияния в этом регионе в 90-е гг. привела к изменению его военно-стратегической конфигурации не в пользу России. Вступление в НАТО Латвии, Литвы и Эстонии, выдвижение ими территориальных и материальных претензий к России, переписывание общей истории, нарушение прав русскоязычного населения, глумление над памятью погибших в годы Великой Отечественной войны не могли не сказаться на отношениях с этими странами. А между тем «именно язык и культура представляют собой ту самую „мягкую силу“, которая играет ключевую роль в международных отношениях, влияя напрямую, или косвенно, на мировую политику и деловые связи», — как полагает один из ведущих политологов США Дж. Най [11. Р. 105]. Это предопределило существенное сокращение экономических, культурных и гуманитарных связей между Россией и государствами прибалтийского региона.

Далее — «революция роз» 22—23 ноября 2003 г. в Грузии, в результате которой к власти пришел прозападный политик М. Саакашвили. Уже в 2004 г. была спровоцирована кампания непризнания итогов президентских выборов на соседней Украине. Итоги выборов были, по сути, отменены, а избирательное законодательство изменено в ходе самих выборов. В результате проведенного в стране третьего тура президентских выборов к власти был приведен В.Ющенко. Эти события получили название «оранжевой революции», ставшего впоследствии нарицательным понятием при насильственной смене власти в странах не только постсоветского пространства, но и в других регионах мира.

Исходя из отстаиваемой идеи многополярного мира, руководство России предприняло усилия по развитию союзнических или, как минимум, дружеских отношений с ближайшими соседями на Востоке. В 2001 г. был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем. Были урегулированы и пограничные вопросы между двумя странами. Летом того же года была создана Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС), в состав которой вошли Россия, Китай, Казахстан, Киргизия и Таджикистан и Узбекистан. ШОС последовательно выступала за укрепление стратегической стабильности, нераспространение оружия массового уничтожения, за поддержание международного правопорядка. И в наши дни ШОС является динамично развивающейся региональной международной организацией. В качестве наблюдателей в работе ШОС участвуют Индия, Иран, Пакистан и Монголия.

Открытое провозглашение национальных интересов руководством России, твердое отстаивание самостоятельности внешнеполитического курса вызвали укрепление авторитета нашей страны в мире. В июле 2006 г. Россия, в качестве страны-председателя, принимала у себя лидеров «большой восьмерки» в Санкт-Петербурге.

2007 год был отмечен исключительно интенсивной дипломатической активностью. Крупные достижения во внутреннем развитии страны, ставшие результатом созидательных усилий предшествовавших семи лет, проецировались на внешние дела. Впервые в истории у России появилась возможность одновременно решать внутренние и внешнеполитические задачи. Свидетельством признания возросшей ответственности нашей страны в международных делах стали решения о проведении саммита ШОС в Екатеринбурге в 2009 г., саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 г. [1]. Международный Олимпийский комитет в ходе 119-й Сессии МОК в Гватемале принял положительное решение о проведении зимних Олимпийских игр 2014 г. в Сочи.

Благодаря комплексу мер, предпринятых в экономической политике страны, к началу 2007 г. экономика России испытывала ощутимый подъем, завершившийся к концу года вторым рекордным показателем в 8,1% ВВП, уступая лишь рекордному показателю в 10%, который страна продемонстрировала в 2000 году [8. С. 12—13]. Активная фаза боевых действий на территории Чеченской республики была завершена, хотя режим контртеррористической операции сохранялся еще достаточно долго. В целом, Россия вышла из политического, экономического и по большей части — военного пике, в котором непрерывно находилась в течение целого десятилетия в 90-е гг.

Но, с другой стороны, несмотря на положительный эффект от всех мер, принятых Президентом страны в течение своего первого (а к моменту произнесения им речи в Мюнхене — уже практически и второго) срока, говорить можно было лишь о частичном восстановлении Россией ранее утраченных позиций. Иными словами, в вопросе «возвращения» своего законного места и своей традиционной роли в глобальном политическом процессе Россия находилась лишь в начале избранного пути. Впрочем, приверженность этому пути сомнений уже не вызвала. На этом прочном фундаменте, включая наше видение нового, многополярного миропорядка, подтверждаемое практикой современных международных отношений, российское руководство в основном завершило формулирование внешнеполитической стратегии, отвечающей коренным национальным интересам страны и требованиям нынешнего этапа мирового развития. Она была четко изложена в выступлениях Президента В.В. Путина в Мюнхене в феврале 2007 г. в ходе 43-й Конференции по безопасности.

РЕЧЬ В. В. ПУТИНА В МЮНХЕНЕ КАК ОБОЗНАЧЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА БЛИЖАЙШИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Речь, произнесенная Президентом России В.В. Путиным в рамках мюнхенской Конференции по вопросам безопасности 10 февраля 2007 г., можно условно разделить на 4 смысловых блока. Первый и основной — блок, посвященный сложившемуся миропорядку и трактовке однополярного мира. Второй блок, прямо вытекающий из первого — о ситуации в сфере разоружения (включая как обычные виды вооружений, так и вопросы, связанные с нераспространением ядерного оружия). Третий блок был посвящен вопросам развития мировой экономики и интеграции России в глобальную экономическую систему. Наконец, вопросы гуманитарного плана В.В. Путин выделил в четвертый проблемный блок.

Не умаляя важности всех выявленных Президентом проблемных областей, подробно остановимся на главной из них, посвященной видению сложившегося к тому моменту миропорядка. Полагаем, что, давая характеристику однополярному миру и критически оценивая роль США в его поддержании, В.В. Путин обозначил вектор развития всего будущего мира, которому суждено стать многополярным. Говоря языком маркетологов, Президент задал тренд, которым и сегодня определяется внешняя политика России и под влияние которого вольно или невольно попадают практически все игроки международной политики.

Говоря об однополярном мире, президент тогда подчеркнул: «Глобальное противостояние отодвигало на периферию международных отношений и повестки дня крайне острые экономические и социальные вопросы. И как всякая война — „война холодная“ оставила нам и „неразорвавшиеся снаряды“, образно выражаясь. Имею в виду идеологические стереотипы, двойные стандарты, иные шаблоны блокового мышления. Предлагавшийся же после „холодной войны“ однополярный мир — тоже не состоялся» [6].

В первой части нашего небольшого исследования авторами умышленно было приведено описание бедственного положения, в котором оказалась Российская Федерация после развала СССР и в течение последующего десятилетия. Находясь

в состоянии глубокого упадка, наша страна не могла не что претендовать на роль равного партнера при выстраивании конструкции нового миропорядка, но едва ли могла рассчитывать даже на учет своих национальных интересов при описываемом процессе. Годы, прошедшие с момента прихода к власти в России В.В. Путина, еще не заложили на Западе четкого понимания того, что Россия намерена отныне проводить самостоятельную и независимую внешнюю (и внутреннюю) политику, руководствуясь при этом не только нормами международного права (которые со стороны руководства страны никогда и не подвергались), но и собственными национальными интересами.

Комментируя само понятие однополярного мира, российский Президент предлагает следующую дефиницию: «Однако что же такое однополярный мир? Как бы ни украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри. И это ничего общего не имеет, конечно, с демократией. Потому что демократия — это, как известно, власть большинства, при учете интересов и мнений меньшинства».

По-видимому, именно этот тезис вызвал эмоциональную реакцию американской газеты *The Financial Times*, в которой по итогам Конференции был помещен следующий комментарий: «Путин провозгласил конец однополярного мира и заявил, что его строительство привело США к провалу, от которого пострадали все» [10].

Подвергнув критике сложившуюся модель однополярного мира, В.В. Путин на протяжении всей своей речи воздерживался от прямых обвинений или заявлений, способных трансформировать разногласия в конфронтацию. Никаких угроз или намеков на таковые в его речи не усматривается. Напротив, Президент России подчеркнул: «...демократический образ действий в политике обязательно предполагает дискуссию и кропотливую выработку решений. <...> Камни и бетонные блоки Берлинской стены давно разошлись на сувениры. Но нельзя забывать, что ее падение стало возможным и благодаря историческому выбору, в том числе нашего народа — народа России, выбору в пользу демократии и свободы, открытости и искреннего партнерства со всеми членами большой европейской семьи. <...> И, конечно, нам бы также хотелось иметь дело с ответственными и тоже самостоятельными партнерами, с которыми мы вместе могли бы работать над строительством справедливого и демократического мироустройства, обеспечивая в нем безопасность и процветание не для избранных, а для всех» [6]. На наш взгляд, представить себе более открытый призыв к диалогу и транспарентному сотрудничеству просто невозможно.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ВЫСТУПЛЕНИЯ

В целом, подвергая критике однополярный миропорядок и политику натоцентризма, российский Президент ставил перед собой несколько задач, часть из которых можно назвать историческими. Выявим их.

Задача № 1. Остановить расширение НАТО в восточном направлении и продвижение военной инфраструктуры альянса к российским границам.

В принципе, эту задачу вполне успешно мог решить еще М. Горбачев, если бы взамен устных заверений со стороны тогдашнего Генерального секретаря НАТО Манфреда Вёрнера о нерасширении НАТО в сторону стран самораспускающегося Варшавского Договора потребовал бы письменных гарантий. В англо-саксонском праве это является обыденной практикой, а значит, не должно было вызывать возражений у противоположной стороны, если, конечно, эти заверения были искренними. На наш взгляд, в этом состоял долг руководителя тогда еще советского государства по отношению к своему народу и своей стране. Тогда этого сделано не было. В.В. Путин упомянул о данном обстоятельстве, заявив в частности: «Хотел бы привести цитату из выступления Генерального секретаря НАТО господина Вернера в Брюсселе 17 мая 1990 года. Он тогда сказал: „Сам факт, что мы готовы не размещать войска НАТО за пределами территории ФРГ, дает Советскому Союзу твердые гарантии безопасности“. Где эти гарантии?» [6].

Таким образом, российский Президент вновь привлек внимание западных коллег к тому факту, что расширение НАТО в восточном направлении расценивается как угроза национальной безопасности России, а значит, при принятии последующих решений этот фактор необходимо учитывать в будущем.

Задача № 2. Уважение сферы естественных исторических интересов России.

Как любая другая крупная держава (даже если опустить рассуждения на тему — была ли Россия в 2007 г. мировой державой или же, до конца не преодолев последствий деградации 90-х, являлась региональным игроком), Россия имеет право на сферу политического и экономического влияния. Тем более когда речь идет о странах, ранее входящих в состав некогда единого государства и исповедующих те же ценности, ту же религию, а также связанных с Россией семейными узами и общей историей. В первую очередь это относится к Белоруссии, Украине, Молдове, Армении и Грузии. Как уже отмечалось выше, в Грузии и на Украине к 2007 г. уже произошли события, результатом которых стало политическое отчуждение этих государств от России.

В своей речи В.В. Путин осудил вмешательство третьих стран и организаций во внутренние дела независимых государств. «Очевидно, что такое вмешательство отнюдь не способствует вызреванию подлинно демократических государств. И наоборот, делает их зависимыми, и как следствие — нестабильными в политическом и экономическом плане» [6], — заявил он. Иными словами, Президент попытался донести до западных коллег мысль о том, что применение насилия в любой его форме рано или поздно приведет к тяжелым политическим последствиям и вызовет дестабилизацию как в отдельно взятых странах, так и в целых регионах. Вероятно также, что в этой части своего послания западным элитам Путин в завуалированной форме намекал на возможность конфронтации с Россией в случае, если порочная практика насильственной смены режимов в странах, рассматриваемых Россией в качестве сферы своих национальных интересов, не будет прекращена.

Задача № 3. Признание за Россией статуса равноправного партнера.

Эта последняя в списке, но не по значению задача представляется нам особенно масштабной. И, как показывает практика, ее актуальность не утрачена и сегодня.

В ходе выступления В.В. Путин заострил внимание участников Конференции на проблемах реализации на практике Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), адаптированный вариант которого на момент Конференции не был ратифицирован подавляющим большинством стран НАТО. На примере позиции, которую страны Запада заняли в этом вопросе, Президент России выявил саму сущность их подхода к сотрудничеству с нашей страной. Президент напомнил, что: «Адаптированный Договор об обычных вооруженных силах в Европе был подписан в 1999 году. Он учитывал новую геополитическую реальность — ликвидацию Варшавского блока. С тех пор прошло семь лет, и только четыре государства ратифицировали этот документ, включая Российскую Федерацию. Страны НАТО открыто заявили, что не ратифицируют Договор, включая положения о фланговых ограничениях (о размещении на флангах определенного количества вооруженных сил) до тех пор, пока Россия не выведет свои базы из Грузии и Молдавии. Из Грузии наши войска выводятся, причем даже в ускоренном порядке. Эти проблемы мы с нашими грузинскими коллегами решили, и это всем известно. В Молдавии остается группировка в полторы тысячи военнослужащих, которые выполняют миротворческие функции и охраняют склады с боеприпасами, оставшиеся со времен СССР. И мы с господином Соланой постоянно обсуждаем этот вопрос, он знает нашу позицию. Мы готовы и дальше работать по этому направлению. <...> А в это самое время в Болгарии и Румынии появляются так называемые легкие американские передовые базы по пять тысяч штыков в каждой. Получается, что НАТО выдвигает свои передовые силы к нашим государственным границам, а мы, строго выполняя Договор, никак не реагируем на эти действия» [6].

Забегая вперед, отметим, что не получив должного ответа на высказанные озабоченности, Россия с 11 марта 2015 г. полностью приостановила свое участие в ДОВСЕ. По-видимому, этот шаг можно считать символической реакцией на бездействие Запада в вопросе учета интересов России.

Была ли речь, произнесенная В.В. Путиным, понята западными партнерами верно? Удалось ли им уловить тот посыл, который направил им российский Президент с трибуны международной конференции?

Если судить по реакции зарубежных газет (прежде всего западных) на выступление российского Президента, то становится очевидным, что смысловой посыл, направленный В.В. Путиным правящим элитам Запада, был ими услышан. В то же время насколько серьезно он был воспринят, а главное — насколько верно истолкован, стало очевидно сегодня, спустя 10 лет с момента выступления президента в Мюнхене.

В принципе, на момент произнесения В.В. Путиным его речи в Мюнхене наших западных коллег едва ли можно осуждать за оценку услышанного, варьирующуюся от здорового скептицизма (присущего тогдашним европейским эли-

там) до шоковой критики (например, со стороны сенатора США Д. Маккейна). В конце концов, полтора десятилетия, предшествующие изучаемому событию, весьма прочно укоренили в их сознании восприятие России как второстепенного партнера, мнение которого можно «не услышать», если оно не коррелируется с их собственным. Непонятно другое — почему по прошествии 10 лет с момента завершения конференции (на сегодняшний день), западные элиты не только не сделали надлежащих выводов, но и в значительной степени усугубили напряженность международной обстановки, отчетливо выявленную Президентом России еще в 2007 году?

ВЫВОДЫ

Мюнхенская речь Президента РФ В.В. Путина была по своему характеру программной. В ней были сформулированы вопросы к западным партнерам и обозначены основные принципы, согласно которым Россия планирует выстраивать свою внешнюю политику. Фактически выступление Президента России было приглашением западных коллег к дискуссии. К сожалению, это приглашение в 2007 году услышано не было. Об этом свидетельствует целая череда событий, произошедших в мире за последние 10 лет. Выдвижение военной инфраструктуры НАТО к границам России не остановилось. Развертывание позиционных районов американской ПРО продолжается, равно как и увеличивается число эсминцев ВМФ США, оснащенных системой Aegis. 8 августа 2008 г., т.е. через полтора года после мюнхенской речи В.В. Путина, тогдашний Президент Грузии Михаил Саакашвили предпринял попытку силового решения проблемы Южной Осетии, результатом чего стало принуждение Грузии к миру со стороны Вооруженных сил Российской Федерации. С начала 2011 г. страны Ближнего Востока подверглись дестабилизации (т.н. «арабская весна»), что повлекло за собой развал Ливии, гражданскую войну в Сирии, появление «Исламского государства» (ИГИЛ), переворот в Египте, гражданскую войну в Йемене и др. Наконец, с февраля 2014 г. по сегодняшний день разгорается опаснейший политический, этнический и военный кризис на Украине.

Инициированная США и ЕС санкционная политика против России олицетворяет собой диаметрально противоположный вектор отношений тому, что был предложен В.В. Путиным в Мюнхене в 2007 г. Попытки втянуть Россию в прямую военную конфронтацию не прекращаются с весны 2014 г. и иницируются как правящим режимом Украины (с момента госпереворота в феврале 2014 г. фактически находящейся под внешним управлением США), так и самой НАТО, что, по мнению авторов, представляет собой критическую опасность не только для России, но и для всей международной безопасности и едва ли имеет прецеденты даже в период холодной войны.

Уже упоминавшиеся нами в рамках исследования зарубежные СМИ и ранее (в 2007 г.) не отличались объективностью подхода к инициативам России. Сегодня же ими против России развязана беспрецедентная по своим масштабам информационная война, доходящая зачастую до абсурда и элементарного непрофес-

сионализма, но упорно создающая в глазах западной общественности негативный образ как нашей страны в целом, так и ее руководства в частности.

Выступление В.В. Путина в Мюнхене в феврале 2007 г. было первым открытым обращением к западным элитам с призывом содействовать деэскалации международной обстановки, напряженность которой уже в 2007 г. представлялась чрезмерной, однако даже она не идет ни в какое сравнение с тем, что мы наблюдаем сегодня. Тем не менее есть все основания констатировать, что в той речи В.В. Путин вольно или невольно сумел спрогнозировать большую часть деструктивных явлений в современных международных отношениях, которые сегодня осложняют взаимное сотрудничество и мирное сосуществование народов и государств. Характерно, что после 2007 г. Президент России более Мюнхенскую конференцию не посещал. Вторая попытка «вразумить» западных «партнеров» была предпринята Президентом России 28 сентября 2015 г. в рамках пленарного заседания 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Как бы напоминая им о предложении, сделанном им 8 (на тот момент) лет назад, Президент задал им риторический вопрос: «Вы хоть понимаете теперь, чего вы натворили?» [9].

К сожалению, мир и безопасность в наши дни во многом зависят от того, насколько быстро к ним это понимание придет. «Мяч был отдан» нами другой стороне еще десять лет назад. Но создается впечатление, что там до сих пор не знают, что с ним делать. Ввиду этого представляется, что, к сожалению, политический вектор, принятый сегодня странами Запада в отношении нашей страны в качестве основного сохранится в течение ближайшего десятилетия. Одностороннего отхода от политики конфронтации англо-саксонского тандема ожидать не приходится, а это означает, что слова, сказанные Президентом РФ 10 лет назад, не только не утратили своей актуальности сегодня, но напротив — обрели новую остроту.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2007 году. Обзор МИД России. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/345430.
2. Внешний долг России в 2000 году. Режим доступа: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikCBR/2001/vestnikcbr29052001/vestnikcbr29052001020.htm>.
3. *Дамаскин О.В.* Выборы и суверенитет государства в современных условиях // *Избирательное законодательство и практика*. 2016. № 2. С. 38—40.
4. Ежегодник СИПРИ. Вооружения, разоружение и международная безопасность // *Strategic export controls in 1998: military equipment*. Режим доступа: https://www.sipri.org/sites/default/files/research/armaments/transfers/transparency/national_reports/sweden/SWE98.pdf.
5. *Климантова Г.И., Мухетдинова Н.М.* Политика доходов и уровень жизни населения России в 1990-е годы // *Проблемы развития человеческого потенциала в деятельности Совета Федерации / Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации ФС РФ*. 2001.
6. Мюнхенская речь Путина 2007 года. Режим доступа: <http://maxpark.com/community/politic/content/2362131>.
7. Общая протяженность границ России. Режим доступа: <http://fb.ru/article/214654/obschaya-protyajennost-granits-rossii>.

8. Основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020—2030 годов. Москва, август 2008. С. 12—13.
9. Полный текст и видео выступления Путина на Генеральной Ассамблее ООН. Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/119712>.
10. Эхо Мюнхена // Российская газета. 16.02.2007. Режим доступа: <https://rg.ru/2007/02/16/putin-myunhen.html>.
11. *Mye J.S.* Soft Power. The Means to success in world politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. 208 p.
12. Strategic export controls in 1998: military equipment. Режим доступа: https://www.sipri.org/sites/default/files/research/armaments/transfers/transparency/national_reports/sweden/SWE98.pdf.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-7-20

GLOBAL POLITICAL ASPECTS OF PUTIN'S SPEECH AT THE 43-TH MUNICH SECURITY CONFERENCE. ONE DECADE PAST

N.P. Parkhitko, E.V. Martynenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. In February 10th 2007 President of Russia V. Putin held a speech at the 43th Munich Security Conference. The speech included both the matters of security and global policy. Researchers in Russia together as well as their western colleagues (political scientists, journalists, historians and other analysts) obviously came to the same opinion — that was the speech of the Russian president that attracted all the attention to this annual conference not being so traditionally popular as, for example, the “G-8” or the APEC summits. And though the estimations of the ideas advocated by Putin in his speech predictably differ depending on political creed and engagement of the analysts (sometimes that was also the matter of their erudition), the importance of the event was undisputable.

Today one decade past the event we have the opportunity not just to analyze the crucial principles which Putin tried to clarify to his foreign partners, but also to verify them through the prism of approbation, as the scientists say. But before we start to study the speech itself, we should reveal the global political circumstances, in which the Conference took place. What was Russia as a global power in the beginning of the XXI century and was it a true global power in 2007? Was the political weight of the Russian president enough for bringing the influence into the world? Finally, what was the perceptions of Russia in the western community 15 years after the greatest transformation of the global political role of the country in Europe and in the world? After finding the answers on these questions we will reveal the main theses of the Russian presidents' speech and will try to give them possibly candid estimation.

In the work the authors used a wide methodological list. The historical-analytical method made it possible to reveal the evolution of the problems outlined in the speech of V.V. Putin for the specified time period (10 years). The comparative method allowed us to compare the basic conditions in which Russia was at the time of the president's speech in Munich in 2007 and the conditions in which our country is today. The method of political forecasting underlies the construction of the main conclusions and forecasts, which determine the scientific and theoretical novelty of the study.

Key words: international relations, conference, speech, president of Russia, Putin, NATO, western community, partners, Russia

REFERENCES

1. *Vneshnepoliticheskaja i diplomatičeskaja dejatel'nost' Rossijskoj Federacii v 2007 godu. Obzor MID Rossii*. Available from: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/345430. (In Russ).
2. *Vneshnij dolg Rossii v 2000 godu*. Available from: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikCBR/2001/vestnikcbr29052001/vestnikcbr29052001020.htm>. (In Russ).
3. Damaskin O.V. Vyборы i suverenitet gosudarstva v sovremennyh uslovijah. *Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i praktika*. 2016; 2: 38—40. (In Russ).
4. Ezhegodnik SIPRI. Vooruzhenija, razoruzhenie i mezhdunarodnaja bezopasnost'. *Strategic export controls in 1998: military equipment*. Available from: https://www.sipri.org/sites/default/files/research/armaments/transfers/transparency/national_reports/sweden/SWE98.pdf (In Russ).
5. Klimantova G.I., Muhetdinova N.M. Politika dohodov i uroven' zhizni naselenija Rossii v 1990-e gody. *Problemy razvitija čelovečeskogo potenciala v dejatel'nosti Soveta Federacii. Informacionno-analitičeskoe upravlenie Apparata Soveta Federacii FS RF*. 2001. (In Russ).
6. *Mjunhenskaja rech' Putina 2007 goda*. Available from: <http://maxpark.com/community/politic/content/2362131>. (In Russ).
7. *Obshhaja protjazhennost' granic Rossii*. Available from: <http://fb.ru/article/214654/obschaya-protyajennost-granits-rossii>. (In Russ).
8. *Osnovnye parametry prognoza social'no-jekonomičeskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020—2030 godov*. Moskva, avgust 2008: 12—13. (In Russ).
9. *Polnyj tekst i video vystuplenija Putina na General'noj Assamblee OON*. Available from: <https://russian.rt.com/article/119712>. (In Russ.).
10. Jeho Mjunhena. *Rossijskaja gazeta*. 16.02.2007. Available from: <https://rg.ru/2007/02/16/putin-myunhen.html>. (In Russ).
11. Nye J.S. *Soft Power. The Means to success in world politics*. N.Y.: Public Affairs; 2004. 208 p.
12. *Strategic export controls in 1998: military equipment*. Available from: https://www.sipri.org/sites/default/files/research/armaments/transfers/transparency/national_reports/sweden/SWE98.pdf.

Сведения об авторах:

Пархитько Николай Петрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики Российского университета дружбы народов (e-mail: scharnchorst@mail.ru)

Мартыненко Елена Викторовна — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой теории и истории журналистики Российского университета дружбы народов, проректор РУДН по организации приема и довузовской деятельности (e-mail: martynenko_ev@rudn.university)

Information about the authors:

Parkhitko Nickolay Petrovich — PhD in History, associate professor of the Department of Theory and History of Journalism of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: scharnchorst@mail.ru)

Martynenko Elena Viktorovna — PhD in politics, head of the Department of theory and history of journalism of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: martynenko_ev@rudn.university)

Статья поступила в редакцию 07.11.2017.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-21-30

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КРЫМА

В.П. Петров

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются основные геополитические и исторические аспекты воссоединения Крыма с Россией с точки зрения политики РФ и западных стран в регионе Черного моря и конкретно в области энергетической безопасности и сотрудничества. Стремление России закрепить свои позиции влиятельного центра формирующегося полицентрического мира требуют от нее выстраивать конструктивные и содержательные отношения в первую очередь со странами-партнерами в регионе Ближнего Востока, в каспийско-черноморском регионе, а также в Азии в рамках БРИКС, особенно с учетом роли «китайского фактора» в XXI-м веке. Становление сотрудничества в биполярном мире является предпосылкой сохранения мира и перспектив социально-экономического развития всех стран упомянутых регионов и основным стратегическим приоритетом внешней политики России. Важное место в этом плане занимают проблемы обеспечения энергетической безопасности и сотрудничества в Черноморском регионе.

Ключевые слова: Черное море, полицентрический мир, энергетическая безопасность, Крым, украинский кризис, Турция, политика США и ЕС в черноморском регионе.

1. ЗАКАТ ДВУХ ИМПЕРИЙ

Геополитическое значение Крымского полуострова связано с борьбой двух великих сил в Черноморском регионе — Российской и Османской империй.

Приобретение Крымского полуострова Российской империей и его потеря Османской империей в конце 18 века (1783 г.) являются двумя **ключевыми историческими моментами**. Именно в тот период началось преобразование Российской империи в великую глобальную силу и впервые Османская империя, несмотря на поддержку западноевропейских стран (Англии и Франции, а позже и Германии), потеряла значительную территорию Крымского полуострова (Крымского ханства), населенную мусульманами. Российский император Петр I начал военное расширение Российской империи, стремясь к выходу на Черное море, но эта стратегия увенчалась успехом только во время Екатерины Великой. В результате победоносной войны с Османской империей весь Крым и ряд других областей были присоединены к Российской империи в 1783 году. В начале нынешнего столетия Крым вновь вернулся к своим корням и — благодаря политике В. Путина и свободного волеизъявления своего народа — вновь воссоединился с РФ. Таким образом, присоединение Крымского полуострова и выход России к Черному морю восстановил **исконные исторические права России** и открыл ей новые горизонты на запад.

С 1783 года Российская империя начала свое значительное расширение на запад, увеличивая свое влияние и свои морские операции вплоть до Эгейского и Сре-

диземного морей, приобретая все новые территории. Однако западные державы, в частности Англия и Франция, которые никогда не хотели, чтобы Россия доминировала в Черноморском регионе, успели приостановить российское расширение до Босфора и Дарданелл. В этот период произошла Крымская война (1853—1856). Основной причиной Крымской войны стала политика Англии и Франции ни в коем случае не допустить доминирования России в Черноморском регионе за счет Османской империи, у которой имелись свои претензии к региону [5].

Россия проиграла Крымскую войну Османской империи, но настоящими победителями явились французские и английские силы, которые скрывали свои интересы и «помогали» Османской империи. Однако Российская империя сумела использовать потерю в этой войне, чтобы провести ряд важных реформ, благодаря которым к концу XIX века она была вновь готова доминировать над Османской империей на Кавказе, на Балканах и в регионе Черного моря.

Эти реформы привели к укреплению российского суверенитета и мощи, но не изменили османскую политику и претензий в отношении Крыма. В те годы Крым стал как бы Парижем для турецкой интеллигенции. Он превратился в место возрождения турецкого национализма в лице таких идеологов, как Юсуф Акчурин и Исмаил Гашпрински. Для Турции Крым — это не только культурный центр в регионе, но и решающий фактор геополитического влияния. Как свидетельствуют документы, османская разведка считала, что **если Крым будет отделен от России, то Россия окажется искалеченной**. Лучшей стратегией для достижения этой цели явилась бы встряска мусульманско-татарского контингента в Крыму. Таким образом Турция закладывала основы для восстановления и экспансии своего влияния в Черноморском регионе.

Подобные попытки реализовать эту стратегию и дестабилизировать Крым методами косвенного воздействия осуществлялись и в начале нашего столетия. Неудивительно, что Османская империя свое участие в Первой мировой войне начала именно с бомбардировки военно-морского порта Севастополя, который стал символом русского влияния и мощи. Атака была успешной и нанесла немалый ущерб российским черноморским силам во время войны.

И еще раз иностранные державы помогли османской победе. Из-за отсутствия собственной военно-морской техники Турция использовала два немецких военных корабля — Гьобен и Бреслау. Когда посол России в Османской империи покинул Стамбул сразу после бомбардировки Севастополя, он предположил, что османы могут выиграть битву, но потеряют в целом: «Если бы немцы выиграли, османы стали бы их колонией. Если бы Англия выиграла, Османская империя бы рухнула». К тому времени, после окончания войны, вернувшись в Стамбул, посол подчеркнул, что он уже вполне мог бы стать российским городом. В конечном итоге Россия одержала больше побед над Османской империей, чем многие турки ожидали. Однако большевистская революция в 1917 году заставила русского царя отозвать свою армию из восточной Анатолии. Таким образом, Османская империя была спасена от полного уничтожения [8].

После окончания войны русско-турецкие отношения постепенно оттаивали. Новопровозглашенный СССР отказался от стратегии царской экспансии и вос-

принял политику сотрудничества. Между тем в Османской империи произошли изменения, которые привели к созданию Турецкой республики под руководством Кемалья Ататюрка. Некоторые аналитики считают, что это единственный период (Ленина—Ататюрка) подлинного сотрудничества в истории русско-турецких отношений [2].

Потеплевшие отношения между двумя державами вскоре ухудшились, так как СССР под руководством Иосифа Сталина вышел из Второй мировой войны как общий гегемон на Евразийском пространстве. Сталин настаивал на возвращении в СССР северо-восточных Анатолийских провинций — Ардахана, Артвина и Карса, на установлении специального режима для советских морских судов, пересекающих Босфор. Несколько раз он оспаривал и Конвенцию Монтрё о турецких проливах 1936 года, которая регулировала морское пересечение судов через Босфор и Дарданеллы на протяжении более десятилетия. В опубликованных архивах Ялтинской конференции [3] имеются записки с вопросами И. Сталина к У. Черчиллю и Ф. Рузвельту по поводу претензий Великобритании и США к статусу Крыма: «Что Англия будет делать, если Испания или Египет имели бы право закрыть Суэцкий канал, или что США сказали бы если какая-нибудь южноамериканская республика имела бы право закрыть Панамский канал?» [1].

В наше время — после развала СССР — черноморский регион стал еще более важным в геополитическом отношении, а прилегающие к нему страны стали участвовать в многосторонних организациях, таких как ОЧЭС, и создавать систему региональной взаимозависимости. Сегодня страны НАТО, прежде всего США, не признают воссоединения Крыма с Россией, разжигают напряженность и агрессивность на Украине, исходя из своих особых исторических претензий в отношении РФ. Турция также не признает воссоединения Крыма с Россией, но не воспринимает политику конфронтации с Россией, а проводит политику партнерства и сотрудничества, исходя из своих стратегических интересов на Ближнем Востоке и в глобальном плане, о чем свидетельствует ее борьба против ИГИЛ в Сирии и принимаемая на себя роль стабилизатора в Черноморском регионе. Со своей стороны, Россия выдвигает на первый план общие интересы и предлагает выгодные возможности совместной эксплуатации своих природных ресурсов и рынка, особенно в энергетической сфере. Природный газ, например, Россия поставляет и Турции и другим странам — членам ЕС, как показывают документы ОЧЭС [18].

В марте 2014 года, когда Крым воссоединился с Россией, РФ заявила о своих намерениях «полностью развернуть геостратегический потенциал Крыма» и продолжить развитие Черноморского флота России. Следует подчеркнуть, что сегодня стратегическое значение всего Каспийско-Черноморского региона возросло не только для прилежащих стран, но и в более широком геополитическом плане — для развития Евразийского союза и реализации ряда крупных инвестиционных проектов в рамках БРИКС.

Сегодня воссоединение Крыма с Россией активно используется всеми антироссийскими силами в качестве удобного прецедента неосновательно обвинять

Россию в агрессии, экспансионистической империалистической политике, нарушении мира и стабильности в регионе, а Президента В.В. Путина — в попытках сохранения своего управления, возрождения старой советской практики доминирования и т.д. Такие же утверждения относятся в адрес России особенно в связи с ее политикой в регионе Средиземного моря и Ближнего Востока, с борьбой против международного терроризма и вообще с политикой России за утверждение нового полицентричного миропорядка.

Западные силы рассматривают присутствие российских военно-морских судов в Средиземном море как угрозу. Поэтому они постоянно пытаются ограничить или затруднить доступ через Босфор и Дарданеллы [21]. Однако Россия успешно продемонстрировала свой военный потенциал и быстрое развертывание военных операций в Сирии. Многие западные аналитики и военные представители признали, что даже у Соединенных Штатов нет такой возможности военного взаимодействия. Даже Президент США Дональд Трамп открыто заявлял во время своих предвыборных кампаниях, что американские военные системы созданы в коммерческих целях, а русские — в целях эффективности. Он также открыто признал, что операции США на Ближнем Востоке являются ошибкой [19].

Какова политика Турции в этом плане?

В августе 2013 года правящая Партия справедливости и развития Турции (ПСР) приостановила почти десятилетний морской проект (MILGEM), программу модернизации и создания нового высокотехнологичного поколения стелс-корветов. Приостановление является скорее внутривластным, чем экономическим, и связано с проектом между ПСР и подрядчиком корпорации Koch. В 2013 году Турция выбрала китайские системы противоракетной обороны HQ-9 T-LORAMIDS вместо американских Raytheon and Lockheed Martin's Patriots, российские S-400 и итальяно-французские SAMP/T Aster 30. Своим выбором заморозить проект MILGEM и модернизировать свои системы обороны Турция ясно показывает, что она не намерена выступать против планов России о развитии в регионе [9].

Последний заказ поколения новейших ракетных систем ПВО С-400 вызвал возмущение у представителей Пентагона. Однако Турция все больше подчеркивает важность своих отношений с Россией в регионе и перспектив реализации совместных проектов. Эрдоган прокомментировал реакцию Вашингтона на совместную военную сделку между Анкарой и Москвой на следующий день после подписания договора: «Должны ли мы ждать вас (США)? Мы предпринимаем и продолжаем предпринимать все необходимые меры для обеспечения нашей национальной безопасности. Мы сами хозяева в наших домах», — заявил турецкий лидер [13].

Марк Галеотти (профессор Нью-Йоркского университета) считает, что российские черноморские возможности по-прежнему остаются элементарными и что они не могут пережить более крупную конфронтацию с НАТО. Это также говорит о том, что Россия рассчитывает на то, что НАТО не будет участвовать в конфронтации, а также о том, что россияне помнят Крымскую войну 1853 года и как далеко они могут зайти, если они спровоцируют большую реакцию Запада. Россия

убеждена, что Башар Асад выиграет гражданскую войну в Сирии и в знак благодарности за военную поддержку позволит Москве использовать военную базу Тартус на более длительный период времени (49-летний срок уже договорен).

С Севастополем и Тартусом Россия уже обладает более широким обхватом и маневренностью в регионе всего Анатолийского полуострова.

По этой причине эксклюзивные права обсуждаются по экономическим зонам в регионе, а также по турецким научно-исследовательским работам в области нефти и газа. Скорее всего, переговоры о правовом статусе мореплавания через Босфор будут возобновлены и будет рассмотрена необходимость обновления соглашений Монтрё, позволяющих беспрепятственный доступ в регионе российским морским судам.

Российский военно-морской флот продемонстрировал свою готовность повысить свою значимость и в восточно-средиземноморском регионе, где Израиль и Кипр уже начали исследования и разработки в области природного газа. В ответ Россия напомнила Кипру, что она контролирует кипрские банки.

Однако отношения между Россией и США в регионе развиваются иначе. Американские исследовательские компании Exxon, Chevron и Shell начали свою деятельность по разведке сланцевого газа с турецкого побережья еще до воссоединения Крыма с Россией. Три компании подписали контракты на разведочные работы и дренаж вдоль береговой линии Украины до присоединения Крыма. Но в то время, когда в регионе полно кораблей ВМФ России, все эти разведочные работы, а также будущие контракты могут оказаться в полном забвении, а их дальнейшая реализация под вопросом.

Окружив Анатолийский полуостров, Россия таким образом открыто заявляет свою позицию против европейской стратегии по южному газовому коридору. Таким образом ставится прямой вызов реализации проекта транс-анатолийского газопровода — Trans-Anatolian Natural Gas Pipeline Project (TANAP), который направлен на обход России поставками азербайджанского газа [20]. Дмитрий Рогозин, вице-премьер РФ, еще до присоединения Крыма подтвердил, что два французских военных корабля класса Mistral будут доставлены России в кратчайшие сроки или Франция вернет 1,2 млрд евро. Каждый корабль способен перевозить 16 вертолетов, 70 бронемашин и 450 солдат, что должно было дать России возможность быстро развернуть военные операции в регионе. С геополитической точки зрения весь Анатолийский полуостров взят в кольцо Россией, конкретнее — в военном плане и в плане поставки стратегически важных энергетических ресурсов [6].

2. СЕВАСТОПОЛЬ — РУССКАЯ КРЕПОСТЬ В ЧЕРНОМ МОРЕ

Всего лишь несколько лет назад, когда Крым воссоединился с Россией, НАТО увидело как его 25-летний проект установления партнерских отношений с «Восточной силой» срывается буквально в течение суток. С тех пор НАТО обращается к балтийским странам, на границе с которыми Россия уже мобилизовала свои войска и совершает регулярные воздушно-разведывательные полеты. Концентри-

руя свои усилия на северо-востоке европейского региона, НАТО рискует ослабить свое присутствие в Черноморском регионе, где Россия увеличивает свое влияние, и которое, как многие аналитики считают, может быть дестабилизировано в течение следующих нескольких лет.

Многие западные аналитики часто пренебрегают важностью Черноморского региона. Но Черное море всегда было критическим пересечением энергичных и торговых отношений между Европой, Центральной Азией, Турцией и Россией. Для России Черноморский регион привлекателен, поскольку предлагает несколько тепловодных портов. До развязывания украинского конфликта Россия использовала на правах аренды Севастопольский порт. В то время у России был Черноморский флот, который многие западные аналитики считают устаревшим советским наследием, более символического, чем военно-стратегического значения. С другой стороны, многие западные аналитики опасаются именно этой «советской техники», потому что большая ее часть с доказанной эффективностью и реальным боевым опытом.

Особо важным является и факт, что Севастополь — единственная военноморская база на Черном море с потенциалом для оснащения и отправки новых судов и военной техники стратегического назначения. Пока Россия его контролирует, она будет оставаться единственной региональной силой с возможностями контроля над водой во всем Черноморском регионе [4].

После воссоединения Крыма Москва не стала терять время и сумела поставить на вооружение на полуострове тяжелой военной техники, в т.ч. самолеты-истребители, бомбардировщики и передовые системы ПВО последнего поколения. Накопление и развитие современного вооружения реально ограничивает возможности НАТО и их союзников работать в регионе и не допускает сбор военной разведки в воздухе. Верховный главнокомандующий НАТО генерал-полковник Филипп Брейдлав неоднократно высказывал опасения по поводу того, что происходит, также относительно зон безопасности «anti-access, area denial» (A2/AD). Россия также начала активно инвестировать в модернизацию своего военноморского флота в Севастополе, превращая его в современную боеспособную силу последнего поколения в Черном и Средиземном морях [7].

Разумеется, российские амбиции не ограничиваются Черным морем. Москва начала посылать боевые и вспомогательные грузовые суда от Черного моря до Восточного Средиземноморья для высокоскоростных морских учений и поддержки своих военных операций в Сирии. Россия продемонстрировала свои возможности в Средиземноморском регионе, запуская баллистические ракеты по террористическим целям в Сирии из подводных лодок, расположенных в Средиземном и Каспийском морях, и отправила бомбардировщики в Средиземноморский регион, которые пролетели через Гибралтарский пролив. Операции России в Сирии укрепили положение и возможности военно-морской базы в Тартусе, положили начало создания зон безопасности A2/AD в Средиземноморском регионе при критической поддержке с Черного моря [10].

На протяжении десятилетий оба региона Черного и Средиземного морей находились под контролем турецких вооруженных сил. Турция по-прежнему имеет

односторонний контроль над проходом из Черного в Средиземное море, регулируемый Конвенцией 1936 года Монтре. Однако Анкара не осложняет прохождение российских военных кораблей через проливы и вряд ли предпримет какие-либо действия после периода напряженных отношений, связанных с инцидентом с российским истребителем в ноябре 2015 года.

Если Россия превратится в новую постоянную силу в Черноморском регионе, как она уже утвердилась в Сирии, в конечном итоге — полагают некоторые западные аналитики — это могло бы спровоцировать новое противостояние с Турцией. Более вероятен сценарий дальнейшего сотрудничества с Турцией и реализации уже подписанных долгосрочных проектов между двумя странами.

Разумеется, НАТО сможет смоделировать Черноморскую воздушную программу по принципу своей программы Балтийского воздушного патрулирования, которая обеспечивает постоянное наблюдение воздушного пространства над Эстонией, Литвой и Латвией в качестве противодействия российским полетам в регионе.

Балтийская программа воздушного патруля призывает государства — члены НАТО патрулировать воздушное пространство на ротационном принципе, уверяя, что ни одна страна в отдельности не будет брать на себя ответственность защищать регион. Такая программа может быть применена в болгарском, румынском и турецком воздушном пространстве, как предлагают западные стратеги. Хотя государства — члены ЕС в регионе Черного моря имеют свои собственные военно-воздушные силы, коллективная оборона может успокоить нервных союзников.

НАТО также рассматривает возможность постоянного морского присутствия в Черноморском регионе. Совместные патрули между США и НАТО после присоединения Крыма к России были плохо сложены и не принесли почти никакого стратегического вклада. НАТО смогла смоделировать такую программу, как текущая Операция «Активное Усилие» [16]. Этот проект начался в 2016 году и должен слиться с такими операциями, как «Морской Страж» и «София» в Средиземном море [12].

Эти операции должны включать США и военные суда с баллистическими системами обороны Иджис. Предусматривается, что это присутствие НАТО должно поддержать известную архитектуру ПРО — Европейский поэтапный адаптивный подход — который уже включает в себя ракеты-перехватчики в Румынии [16].

Следует отметить, что Турция, со своей стороны, не одобряет более масштабное присутствие НАТО в Черном море, так как это ограничивает ее собственное военно-морское влияние в регионе [15; 17].

Однако эти желания расходятся с реальными возможностями военной организации и целями США, как заявил Дональд Трамп в мае 2017 г., подчеркнув, что из 28 государств-членов 23 не оплачивали и не оплачивают достаточно справедливого взноса за годы членства в организации. Это несправедливо по отношению к другим налогоплательщикам, а также углубляет финансовый дефицит НАТО, не говоря уже о возможности развертывания более крупных проектов... [11].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Запись заседания глав правительств. 6 февраля 1945 г., Ливадийский дворец // Материалы Ялтинской конференции 1945 г. Электронная библиотека исторического факультета МГУ. Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/krim05.htm.
2. К истории советско-турецких отношений и дружбы большевиков с Ататюрком // Ноев ковчег. 2015. № 10—11(262—263). Режим доступа: <http://noev-kovcheg.ru/mag/2015-10-11/5060.html>.
3. Конвенция о режиме проливов (Конвенция Монтре) 1936 года. Режим доступа: <https://ria.ru/spravka/20160720/1470115652.html>.
4. Корабельный состав Черноморского Флота по состоянию на 2017 // Черноморский флот. Режим доступа: <http://www.kchf.ru/ship/today/today.htm>.
5. Крымская война // История Российской империи. Режим доступа: <http://www.rosimperija.info/post/231>.
6. «Мистраль». Проекция силы России: деловые интересы Франции перевешивают санкции США // Regnum. 17.05.2014. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1802948.html>.
7. НАТО обеспокоено «милитаризацией» Крыма // tvzvezda.ru. 28.11.2014. Режим доступа: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201411280458-8u12.htm.
8. Черноморский флот в годы Первой Мировой войны // Военное обозрение. 22.12.2010. Режим доступа: <https://topwar.ru/2795-chernomorskij-flot-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny.html>.
9. Ada Class (Milgem) Turkish ship. Режим доступа: <https://turkishnavy.net/ada-class-milgem/>.
10. Burton L. Bubble Trouble: Russia's A2/AD Capabilities // Foreign Policy Association. 25.10.2016. Режим доступа: <https://foreignpolicyblogs.com/2016/10/25/bubble-trouble-russia-a2-ad/>.
11. Donald Trump tells Nato allies to pay up at Brussels talks // BBC.com. 25.05.2017. Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-europe-40037776>.
12. Enhanced NATO Air Policing Patrols Baltic Airspace. Режим доступа: <https://www.shape.nato.int/enhanced-nato-air-policing-patrols-baltic-airspace>.
13. Erdogan Says Turkey's Deal With Russia on S-400 Supplies "Made US Furious" // sputnik-news.com. 13.09.2017. Режим доступа: <https://sputniknews.com/politics/201709131057347565-erdogan-turkey-russia-s400-us>.
14. NATO Air Policing. Режим доступа: <https://www.ac.nato.int/page5931922/-nato-air-policing>.
15. NATO Operation Sea Guardian. Режим доступа: <http://www.mc.nato.int/media-centre/news/2017/nato-operation-sea-guardian-observes-western-med-in-focused-security-patrol-.aspx>.
16. Operation Active Endeavour. Режим доступа: <http://www.mc.nato.int/missions/operation-active-endeavour.aspx>.
17. Operation Sea Guardian Coordinates with Operation Sophia in Central Mediterranean. Режим доступа: <http://www.mc.nato.int/media-centre/news/2017/operation-sea-guardian-coordinates-with-operation-sophia-in-central-mediterranean.aspx>.
18. Organization of the Black Sea Economic Cooperation. Режим доступа: <http://www.bsec-organization.org/Pages/homepage.aspx>.
19. "The War in Iraq was a Big, Fat Mistake": Trump & Bush Spar over War & 9/11. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=whX35NKthQw>.
20. Trans-Anatolian Natural Gas Pipeline Project (TANAP). Режим доступа: <http://projects.worldbank.org/P157416?lang=en>.
21. Turkey's Blockade of Russian Naval Vessels' Access to the Mediterranean, Russia's Black Sea Fleet Completely Cut Off // Global Research. 01.12.2015. Режим доступа: <https://www.globalresearch.ca/turkeys-blockade-of-russian-naval-vessels-access-to-the-mediterranean-russias-black-sea-fleet-completely-cut-off/5492688>.

GEOPOLITICAL SIGNIFICANCE OF THE CRIMEA

V.P. Petrov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article examines the main geopolitical aspects of the reunification of the Crimea with Russia from the point of view of the policies of the Russian Federation and Western countries in the Black Sea region and specifically in the field of energy security and cooperation.

Russia's desire to consolidate its positions as an influential center of the emerging polycentric world requires it to build constructive and meaningful relations primarily with partner countries in the region of the Middle East, the Caspian-Black Sea region, and also in Asia within the BRICS taking into account the "Chinese factor" in the 21st century. The establishment of cooperation in the bipolar world is a prerequisite for preserving peace and prospects for the socioeconomic development of all countries of the regions mentioned and one of the main strategic priorities of Russia's foreign policy. An important place in this regard is occupied by the problems of ensuring energy security and cooperation in the Black Sea region.

Key words: polycentric world, energy security, Crimea, Ukrainian crisis, Turkey, US and EU policies in the Black Sea region

REFERENCES

1. Zapis' zasedaniya glav pravitel'stv. 6 fevralja 1945 g., Livadijskij dvorec. *Materialy Jaltinskoy konferencii 1945 g.* Jelektronnaja biblioteka istoricheskogo fakul'teta MGU. Available from: http://www.hist.msu.ru/ER/EText/War_Conf/krim05.htm. (In Russ).
2. K istorii sovetско-tureckih otnoshenij i druzhby bol'shevikov s Ataturkom. *Noev kovcheg*. 2015; 10—11 (262—263). Available from: <http://noev-kovcheg.ru/mag/2015-10-11/5060.html>. (In Russ).
3. *Konvencija o rezhime prolivov (Konvencija Montre) 1936 goda*. Available from: <https://ria.ru/spravka/20160720/1470115652.html>. (In Russ).
4. Korabel'nyj sostav Chernomorskogo Flota po sostojaniju na 2017. *Chernomorskij flot*. Available from: <http://www.kchf.ru/ship/today/today.htm>. (In Russ).
5. Krymskaja vojna. *Istorija Rossijskoj imperii*. Available from: <http://www.rosimperija.info/post/231>. (In Russ).
6. «Mistral'». Proekcija sily Rossii: delovye interesy Francii pereveshivajut sankcii SShA. *Regnum*. 17.05.2014. Available from: <https://regnum.ru/news/1802948.html>. (In Russ).
7. NATO obespeknoeno «militarizaciej» Kryma. *Tvzvezda.ru*. 28.11.2014. Available from: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201411280458-8u12.htm. (In Russ).
8. Chernomorskij flot v gody Pervoj mirovoj vojny. *Voennoe obozrenie*. 22.12.2010. Available from: <https://topwar.ru/2795-chernomorskij-flot-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny.html>. (In Russ).
9. *Ada Class (Milgem) Turkish ship*. Available from: <https://turkishnavy.net/ada-class-milgem/>.
10. Burton L. Bubble Trouble: Russia's A2/AD Capabilities. *Foreign Policy Association*. 25.10.2016. Available from: <https://foreignpolicyblogs.com/2016/10/25/bubble-trouble-russia-a2-ad/>.
11. Donald Trump tells Nato allies to pay up at Brussels talks. *BBC.com*. 25.05.2017. Available from: <http://www.bbc.com/news/world-europe-40037776>.
12. *Enhanced NATO Air Policing Patrols Baltic Airspace*. Available from: <https://www.shape.nato.int/enhanced-nato-air-policing-patrols-baltic-airspace>.
13. Erdogan Says Turkey's Deal With Russia on S-400 Supplies "Made US Furious". *Sputnik-news.com*. 13.09.2017. Available from: <https://sputniknews.com/politics/201709131057347565-erdogan-turkey-russia-s400-us>.

14. *NATO Air Policing*. Available from: <https://www.ac.nato.int/page5931922/-nato-air-policing>.
15. *NATO Operation Sea Guardian*. Available from: <http://www.mc.nato.int/media-centre/news/2017/nato-operation-sea-guardian-observes-western-med-in-focused-security-patrol-.aspx>.
16. *Operation Active Endeavour*. Available from: <http://www.mc.nato.int/missions/operation-active-endeavour.aspx>.
17. *Operation Sea Guardian Coordinates with Operation Sophia in Central Mediterranean*. Available from: <http://www.mc.nato.int/media-centre/news/2017/operation-sea-guardian-coordinates-with-operation-sophia-in-central-mediterranean.aspx>.
18. *Organization of the Black Sea Economic Cooperation*. Available from: <http://www.bsec-organization.org/Pages/homepage.aspx>.
19. *“The War in Iraq was a Big, Fat Mistake”: Trump & Bush Spar over War & 9/11*. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=whX35NKthQw>.
20. *Trans-Anatolian Natural Gas Pipeline Project (TANAP)*. Available from: <http://projects.worldbank.org/P157416?lang=en>.
21. Turkey’s Blockade of Russian Naval Vessels’ Access to the Mediterranean, Russia’s Black Sea Fleet Completely Cut Off. *Global Research*. 01.12.2015. Available from: <https://www.globalresearch.ca/turkeys-blockade-of-russian-naval-vessels-access-to-the-mediterranean-russias-black-sea-fleet-completely-cut-off/5492688>.

Сведения об авторе:

Петров Виктор Петров — аспирант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (Болгария) (e-mail: tunguska81@gmail.com)

Information about the author:

Petrov Victor Petrov — postgraduate student of the Department of Political Analysis and Management of Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University) (Bulgaria) (e-mail: tunguska81@gmail.com)

Статья поступила в редакцию 30.10.2017.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-31-35

THE CHALLENGES OF IMPLEMENTING RUSSIA'S SECURITY STRATEGY IN THE ARAB GULF COUNTRIES AFTER THE ARAB SPRING

Mazin Said Almaqbali

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The paper deals with the Russia's policy in the Middle East. Considered Russia's security strategy and interests in the Arab Gulf. Illuminated the influence of the Arab Spring events on the relationship of Russia and Gulf states.

Key words: Russian foreign policy, security strategy, Arab Spring, GCC

INTRODUCTION

By 2010, Russia had succeeded in strengthening its influence in the Middle East, having established good relations with each government and with most of its resistance movements. However, after the events of the Arab Spring in 2011, Russia lost some of this influence in the region briefly during the early Arab Spring, which Russia describes as a series of coups against governments started in some countries of North Africa in 2011 by the US private services, where Russia saw the hands of the West, especially the United States of America in these coups, which threatens the interests of Russia in the region, including security interests, and then Russia sought to, for example, Russian President Putin arrived to the leader of the Muslim Brotherhood in Egypt, Mohamed Morsi. Although the Russian Supreme Court had designated this group as a terrorist organization in 2003, Putin has revealed that although he prefers to work with the secularists in Egypt, he will work with the Islamists to secure Russia's influence in the region, even if this group, in the view of the Kremlin, encourages terrorism and supports instability in Russia [1. P. 2—3].

The Russian interest in the Middle East, including the Arab Gulf states, has shown that Russia has cooperated with a terrorist organization — in the eyes of the Russian Kremlin — in order to strengthen its influence in the region, indicating that Russia is ready to do anything for the sake of to build its influence in the region because of the strategic importance of this region to Russia, and this paper comes to try to identify the range of challenges facing Russia in the implementation of its security strategy in the region, specifically in the Arabian Gulf, after the events of the Arab Spring. To illustrate this, the study board was divided into the following axes.

FIRST: RUSSIA'S SECURITY STRATEGY

In its security strategy for the period 2010—2012, Russia has made significant changes, most notably: reconsidering its view of the West. It no longer views the West as a security challenge but as a partner to face global challenges. Russia's security strategy

also laid out a new framework for Russian security policy based on national strategic priorities in the areas of defense and security of the state and society and sustainable development, where the new security strategy of Russia is centered on the need to improve the quality of life of Russian citizens, and takes a less hostile attitude towards the United States and NATO, and despite this its new strategic security of Russia, but it is still considered to Western countries, countries compete to achieve their interests, including security in all parts of the world [3. P. 1—2].

As for the Middle East region, including the Gulf states, the most prominent political analysts stressed that this region is less important than Europe and Asia in Russia's security strategy, where Russia sees relatively limited opportunities in the Middle East to protect or strengthen its vital interests. This region was driven by international prestige, trade and regional stability, not driven by a political vision or a special strategy for Russia in the Middle East, based on its belief that it was a global force that was pushing it to play certain roles in this region only [6. P. 2—3].

Although the Middle East occupies the third place in the Russian priority after Europe and Asia, the Middle East is of strategic importance to Russia, which stems from a number of reasons, including: physical-geographical proximity between Russia and the Middle East, where Iraq is about 600 km from the Chechen capital «Grozny». There is no ideological or physical wall that separates the Russian Muslims — who make up about seven of the population of Russia — with their brothers in the Middle East, and any religious or political unrest in the region will certainly be affected by Russia. The Middle East is rich with energy resources, not to mention that about 20% of the Jews in Israel are of Russian origin and speak Russian [7. P. 3—4].

SECOND: RUSSIAN INTERESTS IN THE ARAB GULF AFTER THE ARAB SPRING

The Gulf states are a strong strategic partner for energy with Russia and a competitor at the same time, as the Gulf states have a large strategic stocks of oil and gas, and the Gulf market is an important market for the consumption of Russian high-tech products [7. P. 5].

After the violent and rapid changes brought about by the Arab Spring in 2011 to Asian Arab countries such as Yemen and Syria, Moscow's fear that these changes could lead to profound changes that negatively affect their interests, while Russia did not consider the events of the Arab Spring as a comprehensive event and Russia evaluated the events of the Arab Spring in each country on the basis of how this affects their interests. In other words, what matters to Russia is to preserve its interests in the region by making every event in a country separate from the events in the region. To ensure that their interests remain with other countries such as the Gulf states where Russia is interested in preserving its interests with the Gulf states, although Russia's interests with these countries are of a short-term dimension, for the most part, Russia is not in depth in the Gulf region, unlike the United States of America with long-term strategic interests [7. P. 5].

Russia has also paid great attention to the Syrian revolution, which began in 2011 more than any revolution of the Arab Spring revolutions. This concern was at the expense

of its interests with the GCC countries, especially Saudi Arabia. Since the outbreak of the Syrian civil war, relations between Russia and the GCC have deteriorated sharply because of the differences between the two parties on the future of Syrian President «Bashar al-Assad», has supported Russia, «Assad» strongly claiming that his regime is a bulwark against Islamic extremism, while supported by the GCC countries led by Saudi Arabia to overthrow «Assad», because the demise will reduce the regional impact to Iran, in addition to war the Russian oil is Saudi Arabia because of the Russian position on Assad, which has led many analysts to say that Russia's relations with the GCC countries are in a historical turn. Nevertheless, Russia has sought to strengthen its economic relations with the rest of the GCC countries such as Qatar, Oman, Saudi Arabia it has failed to develop strategic security alliances with the rest of the GCC, prompting Saudi policy makers to consider Russia a marginal player in the Gulf, while before the Syrian crisis, Saudi Arabia considered Russia's policy in the Gulf to be completely mercenary, as many of the decision makers Saudi and many Saudi policymakers now believe that they will be able to obtain Russia compliance with Riyadh's policy because of Riyadh's preferences for Russia , simply by preventing Iran to be business partner and purchase of Russian weapons [5].

THIRD: CHALLENGES FACING RUSSIA IN THE REGION

As we have seen previously, the Russian security strategy has been affected by many changes, including turning the case of hostility with Western countries to a competitive situation, and the Gulf region as part of the Middle East, a region of low strategic importance compared to Europe and Asia, with the Arab Gulf States are non-long-term interests. In addition, Russia has given the Syrian revolution great importance at the expense of its relationship with the Gulf states. Nevertheless, it has become clear to us that the Middle East in general and the Arabian Gulf in particular are important for Russia. So Russia is keen to preserve its interests in one way or another, on other hand we find that there is no Russian security strategy especially towards the Persian Gulf, but there is only a set of Russian interests with the Gulf countries, which basically economic interests can change from time to time, and that the world sense is what drives Russia as a superpower to intervene in the region's issues, not from its own strategy. Although Russia is making concerted efforts to become a major supplier of arms to the countries of the region and the Gulf states [6. P. 9]. Russia faces a number of challenges in achieving its objectives in the Gulf region:

1) US-GCC Relations. Given the size of its economy and its political and military capabilities, the United States will remain the most prominent player in the Middle East. Its strategic relations will remain stronger than any other country in the region, especially the Gulf states and Israel. The United States has maintained its strong relationship with the Gulf states in addition to maintaining Israel's security. The events of the Arab Spring have not affected this great and strong position of the United States of America with the Gulf states, a major challenge for every country seeking to strengthen its influence in this region are China and Russia [2].

2) Russian-Israeli Relations. Although Russia has adopted the Israeli position in the Israeli-Palestinian conflict because of many Russian factors and interests with Israel,

Russia is not trying to lose its interests with the Arabs, especially with the Gulf states. Russia appears to be the neutral mediator between the Arabs and Israel, which is a major challenge to strengthen Russian relations with the Gulf states, since the Russian position is exposed to the Arabs that Russia is leaning towards Israel [7. P. 9].

3) Russia's interest in the Syrian issue. Russia played the role of a strong ally of the Syrian regime led by President Bashar al-Assad against the popular revolution that sought to overthrow him. Russia has done everything to stabilize the Assad regime for many reasons. The Assad regime is the most efficient to prevent radical Islamist movements from growing, which, as we have seen, has led to the deterioration of Russia's relations with the Gulf Cooperation Council (GCC) states that sought to topple Bashar Assad's regime [4. P. 32].

In addition to all these challenges, if Russia wants to identify and pursue a comprehensive long-term security strategy in the Middle East and the Arabian Gulf, Russia will not be able to do so, because Russia lacks the economic and military potential to achieve this comprehensive security strategy. Russia lacks the potential for soft power compared with the West.

CONCLUSION

— There is no Russian security strategy for the Middle East, including the Gulf states.

— Russia is associated with economic interests with GCC countries, and these interests are the main driver of Russia in its relationship with the Gulf states.

— The events of the Arab Spring have negatively affected Russia's relations with the GCC countries, where relations have deteriorated significantly.

— The Kingdom of Saudi Arabia is the most tense Gulf Cooperation Council with Russia, after the Arab Spring, despite the existence of relations and significant economic benefits to Russia with Saudi Arabia.

— The main challenges facing the Russian economic policy in the Arab Gulf region, after the Arab Spring, are: the American, the Israeli, and the Syrian specific.

— Russia does not have the means to draw up and implement a comprehensive long-term security strategy for GCC countries in particular and the Middle East as a whole.

REFERENCES

1. Borshchevskaya A. *Russia's Strategic Objectives in the Middle East and North Africa*. USA, The Washington Institute for Near East Policy; 2017: 2—3.
2. Keiswetter A. *The Arab Spring: Implications for US Policy and Interests*. Middle East Institute. Available from: <http://www.mei.edu/content/arab-spring-implications-us-policy-and-interests>.
3. Morales J. *Russia's New National Security Strategy: Towards a Medvedev Doctrine?* Real Institute Elcano; 2009: 1—2.
4. Notte H. *Russia's Role in the Syrian War-Domestic Drivers and Regional Implications*. Maison Du Futur-Policy Papers; 2017.
5. Ramani S. *How Russia is Courting the Gulf. The National Interest*. Available from: <http://nationalinterest.org/feature/how-russia-courting-the-gulf>.
6. Sladden, J. et al. *Russian Strategy in the Middle East*. RAND Corporation; 2017: 2—3.
7. Trenin D. *Russia's Policy in the Middle East: Prospects for Consensus and Conflict with the United States*. The Century Foundation; 2010: 3—4.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-31-35

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ
СТРАТЕГИИ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ
В СТРАНАХ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА
ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»**

Аль-Мақбали Мазин Саид Мусабах

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается политика России на Ближнем Востоке. Автором рассмотрена стратегия безопасности России и ее интересы в Персидском заливе. Освещено влияние политических событий «Арабской весны» на отношения России и стран Персидского залива.

Ключевые слова: Российская внешняя политика, стратегия безопасности, «Арабская весна», ССАГПЗ

Информация об авторе:

Аль-Мақбали Мазин Саид Мусабах — аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (Оман) (e-mail: mazinalmazbali@gmail.com)

Information about the author:

Mazin Said Almaqbali — postgraduate student of the Department of Comparative Politics of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Oman) (e-mail: mazinalmazbali@gmail.com)

Статья поступила в редакцию 10.08.2017.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-36-42

ПОЛИТИКА РОССИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА В СИРИИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

А. Вахшитех

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу внешней политики Российской Федерации в регионе Ближнего Востока. Автор рассматривает эволюцию и трансформацию данной политики в контексте сирийского кризиса. Теоретической базой исследования стали теория реалистической школы, теория «баланса сил», концепция «баланса угроз» Стивена Уолта и «секьюритизация» копенгагенской школы. Автор приходит к следующим выводам: российская внешняя политика на Ближнем Востоке после распада Советского Союза прошла несколько этапов развития от практически полного отстранения в решении региональных проблем до активной роли не только как игрока, но и медиатора многих региональных процессов, и, прежде всего, сирийского кризиса. Также в статье предпринимается попытка прогнозного анализа ситуации на Ближнем Востоке с точки зрения возможностей и вызовов для России.

Ключевые слова: Ближний Восток, Сирийский кризис, российская внешняя политика, реализм, секьюритизация, «баланс сил»

Сирийский кризис, продолжающийся в течение последних шести лет, в значительной степени изменил соотношение сил на Ближнем Востоке. До «арабской весны» и событий в Ираке и Афганистане только Соединенные Штаты Америки были главным внешним игроком в этом регионе. Усиление региональных позиций США произошло после событий 11 сентября 2001 года в рамках начала «глобальной войны с террором» и вмешательства во внутренние дела Ирака и Афганистана.

В 2012 году Национальный совет по разведке опубликовал стратегический доклад, в котором определил стратегические интересы Америки в разных регионах, но в особенности на Ближнем и Среднем Востоке. США хотели использовать борьбу с терроризмом как предлог для усиления своего военно-политического присутствия в регионе [2].

Россия после распада Советского Союза заняла достаточно пассивную позицию в ближневосточной повестке. Это объясняется тем, что в это время российская внешняя политика в регионе развивалась в русле так называемого «российско-американского стратегического партнерства» и не носила самостоятельного характера. И только сирийский кризис в значительной мере повлиял на соотношение сил в регионе. Сдвиги в геополитической карте региона тесно связаны с изменением роли внешних акторов, включая Россию и США. Одновременно трансформировалось и восприятие ведущих держав мира региональными игроками. Актуальность изучения ближневосточного вектора становится все более значимой по мере возрастания степени вовлеченности России в ближневосточную политику.

До начала сирийского конфликта ближневосточный вектор не являлся перво-степенным в общей иерархии приоритетов российской внешней политики. Единственная региональная повестка, от участия в которой Россия никогда не устранилась — это ближневосточное урегулирование в контексте арабо-израильского противостояния.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года от 13 мая 2009 г. Россия впервые за постсоветский период заявила о том, что она преодолела системный кризис, восстановила возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов в качестве ключевого субъекта формирующихся многополярных международных отношений [6]. Также в Стратегии указывалось, что для защиты своих национальных интересов Россия, оставаясь в рамках международного права, будет проводить рациональную и прагматичную внешнюю политику.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 года заявляется о том, что «в настоящее время создана устойчивая основа для дальнейшего наращивания экономического, политического, военного и духовного потенциалов Российской Федерации, повышения ее роли в формирующемся полицентричном мире» [6]. Также отмечается, что существенно возросла роль Российской Федерации в решении важнейших международных проблем, урегулировании военных конфликтов, обеспечении стратегической стабильности и верховенства международного права в межгосударственных отношениях.

Таким образом, можно заключить, что с приходом В.В. Путина к власти Российская Федерация постепенно возвращается в большую политику, в том числе при решении наиболее актуальных международных проблем, таких, например, как сирийский кризис.

Вооруженный конфликт в Сирии, имея сложную внутреннюю конфигурацию, продолжается с марта 2011 г. Самый серьезный противник сирийских правительственных сил — запрещенные в ряде стран, в том числе и в России, террористические группировки «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра». Еще один участник конфликта — так называемая умеренная оппозиция Сирии, в начале боевых действий основной ее ударной силой была «Свободная сирийская армия». Еще одна сторона сирийского конфликта — это курды, которые сначала сражались в рядах «Свободной сирийской армии», однако затем решили действовать самостоятельно.

С сентября 2014 года военно-воздушные удары по позициям ИГИЛ в Сирии наносит международная коалиция во главе с США, однако делает это без одобрения официальных властей Сирии.

30 сентября 2015 года глава администрации Кремля Сергей Иванов сообщил, что Президент Сирии Башар Асад обратился к Российской Федерации с просьбой об оказании военной помощи. Президент РФ Владимир Путин внес на рассмотрение Совета Федерации предложение о принятии постановления на использование контингента Вооруженных Сил России за рубежом. Совет Федерации единогласно поддержал обращение Президента. Официально целью военной операции

России в Сирии стала воздушная поддержка сирийских правительственных сил в их борьбе с террористической группировкой «Исламское государство».

В соответствии с решением Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами РФ Владимира Путина самолеты российских Воздушно-космических приступили к проведению воздушной операции с нанесением точечных ударов по наземным целям террористов группировки ИГИЛ на территории Сирийской Арабской Республики.

Первоначально целями российской боевой авиации являлись командные пункты, штабы, узлы связи, склады оружия, боеприпасов и горюче-смазочных материалов, мини-заводы по производству самодельных взрывных устройств, а также по оборудованию автомобилей для совершения террористических актов боевиков ИГИЛ. Затем акценты сместились, и первостепенное внимание стало уделяться подрыву источников доходов радикальных исламистов, таких как добыча, переработка и транспортировка нефти и нефтепродуктов.

Операция России в Сирии заставила оппозицию пойти на мирные переговоры, которые начались в Женеве 29 января 2016 года в соответствии с резолюцией СБ ООН 2254 [4]. Далее 22 февраля Россия и США объявили о достижении договоренности по перемирию в Сирии между правительственными войсками и вооруженными группами оппозиции. После вступления в силу режима прекращения огня Россия постепенно начала выводить российскую группировку из Сирии. Всего с сентября 2015 года по март 2016 года российская авиация совершила более девяти тысяч вылетов.

Кроме военной операции, Россия также сыграла очень важную роль и в политическом урегулировании сирийского вопроса. Так, в течение двух месяцев российские дипломаты вели переговоры с представителями Турции, Ирана и лидерами умеренной сирийской оппозиции по подготовке соглашения о прекращении огня, которое вступило в силу 30 декабря 2016 года в 0.00 часов на территории всей Сирии.

18 января 2017 года Россия и Сирия подписали соглашение о расширении и модернизации пункта обеспечения ВМФ РФ в сирийском Тартусе (согласно которому здесь могут размещаться 11 кораблей), а также протокол, определяющий условия размещения самолетов российских ВКС в Сирии на базе Хмеймим. В настоящее время на территории Сирии создана единая интегрированная система противовоздушной обороны, обеспечено информационно-техническое взаимодействие российских и сирийских средств разведки воздушного пространства.

В Сирии действует российский Центр по примирению, благодаря которому количество населенных пунктов, присоединившихся к мирному процессу в стране, постоянно увеличивается (сейчас их более 2200). Продолжаются и переговоры о присоединении к режиму прекращения боевых действий с отрядами вооруженной оппозиции в провинциях Алеппо, Дамаск, Хама, Хомс и Эль-Кунейтра.

Переговоры по сирийскому урегулированию благодаря активному участию России проходят не только на женевской площадке, но и в Астане. В 2017 году состоялось семь раундов межсирийских переговоров. Главным вопросом переговоров является мирное урегулирование сирийского конфликта между правитель-

ством САР и представителями оппозиции, где в роли посредников выступают Россия, Турция и Иран. Новая площадка была призвана дополнить женевский формат, который к концу 2016 года выглядел крайне неэффективным.

В первый же раунд переговоров в Астане Россия представила свой проект новой сирийской конституции, которая предлагала децентрализацию государственной власти, усиление парламента, осуществление концепции секуляризма, а также сохранение полномочий Башара Асада как легитимного президента до 2021 года. Главным результатом нового формата стало подписанное в мае текущего года Россией, Ираном и Турцией Соглашения о создании четырех зон безопасности, внутри которых запрещено применение любых видов оружия.

19 октября 2017 года прошла встреча министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова со специальным представителем Генерального секретаря ООН по Сирии Стаффаном де Мистурой, в ходе которой стороны обсудили выполнение резолюции СБ ООН 2254, а также возможность нового созыва переговоров по Сирии в Астане и Женеве.

В целом военная операция России в Сирии изменила расклад сил в регионе. Благодаря действиям российской армии сирийские правительственные силы смогли отбить около 1000 населенных пунктов, в том числе ключевые стратегические точки — Пальмиру и Алеппо. В итоге в настоящее время ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация) контролирует всего 5% территории Сирии. Операция также позволила остановить террористическую угрозу вдали от границ России, как того требовала военная доктрина РФ. Россия закрепила свое военно-политическое присутствие в Сирии и на Ближнем Востоке, повысила статус российских вооруженных сил, апробировала современные виды вооружений. Россия продолжает военное и политическое сотрудничество с Ираном и Турцией, в том числе в рамках астанинского процесса межсирийского урегулирования.

Если попытаться объяснить эволюцию позиции России по Ближнему Востоку с точки зрения теоретических направлений международных исследований, то, необходимо обратиться, прежде всего, к реалистической парадигме.

С точки зрения политического реализма основой внешней политики России в регионе Ближнего Востока является осознание национальных интересов и реалистическое поведение в процессе принятия внешнеполитических решений. Кремль четко определяет национальные интересы, угрозу терроризма и экстремизма, позиции США и Запада и не стремится к развязыванию новой Холодной войны. При этом Россия стремится усилить свой военный потенциал и военно-политическое влияние в регионе. Россия активизирует сотрудничество с региональными акторами для комплексного решения сирийской проблемы [3].

С точки зрения сторонников концепции «баланса сил» на Ближнем Востоке установился баланс влияния только двух акторов — Соединенных Штатов Америки и России. Есть еще региональные игроки, такие как Иран, Саудовская Аравия и Турция, возможно — Израиль. Для России важно понять интересы других игроков и выстраивать конструктивный диалог [7].

Теория «баланса угроз» возникла в конце 80-х годов XX века, когда Стивен Уолт предпринял попытку развить и усовершенствовать теорию «баланса сил».

Если теория «баланса сил» исходит из реакции государств на возможную разбалансировку системы международных отношений в связи с появлением нового сильного государства или коалиции государств, то теория баланса угроз — из реакции государств на отсутствие «баланса угроз». В этих случаях государства формируют союзы или увеличивают свои внутренние усилия с целью уменьшить свою уязвимость.

С точки зрения данной теории действия Москвы были продиктованы потенциальной угрозой, которая исходила из сирийского конфликта и возможности распространения терроризма. Во время «арабской весны» Россия соблюдала баланс сил и была хорошим наблюдателем. Но после «арабской весны» равновесие на Ближнем Востоке было нарушено, и региональная повестка стала анализироваться Россией с точки зрения «баланса угроз» [1].

Следуя логике копенгагенской школы «секьюритизации», на Ближнем Востоке формируется новая региональная конфигурация безопасности, в которой участвует и Россия. Безопасность включает не только военный аспект, но и такие аспекты, как экономика, политика, культура, социальная сфера и экология. На данном этапе в региональной политике безопасности в Сирии явно преобладает военный аспект, но Россия является также медиатором политического урегулирования и оказывает гуманитарную помощь сирийскому народу.

Для того чтобы подвести итоги и сделать прогнозный анализ российской внешней политики на Ближнем Востоке, используем метод SWOT-анализа, выделим слабые и сильные стороны данной политики, а также возможности и вызовы (табл. 1).

Таблица 1

SWOT-анализ российской внешней политики на Ближнем Востоке

Сильные стороны (Strengths)	Слабые стороны (Weaknesses)
<ul style="list-style-type: none"> — политика России изменила соотношение сил в регионе; — военная операция России помогла сирийской армии восстановить контроль над территорией страны; — Россия испытала новые виды вооружений, апробировала новые системы управления ВС; — Россия решила ряд внутренних проблем, таких как терроризм; — повысился престиж российских вооруженных сил 	<ul style="list-style-type: none"> — высокая стоимость военной операции России в Сирии; — нарастание напряженности в отношениях с США и Западом
Возможности (Opportunities)	Угрозы (Threats)
<ul style="list-style-type: none"> — Россия усиливает свое военно-политическое присутствие на Ближнем Востоке; — Россия выступает главным медиатором переговорного процесса по Сирии; — несмотря на разногласия, у РФ и США сохраняется ограниченное совпадение интересов и возможность для взаимодействия на Ближнем Востоке; — предотвращение угрозы терроризма, распространение на российскую территорию 	<ul style="list-style-type: none"> — отсутствие общего понимания сирийской ситуации; — отсутствие общепринятого определения терроризма; — отсутствие всеобщего политического диалога; — отсутствие на Ближнем Востоке явного лидера; — конкуренция с США; — продолжительность конфликта и возможность экспорта терроризма на территорию РФ; — неопределенность перспектив, истощение финансовых и военных ресурсов

Заключение. Сирийский кризис помог России выйти из наметившейся геополитической изоляции и повысить степень влияния на процессы в регионе Ближнего Востока. Операция в Сирии стала первой после Афганистана военной миссией, которую Россия проводила за пределами постсоветского пространства и в которой был использован одновременно потенциал Воздушно-космических сил, Военно-морского флота, Сил специального назначения и военной полиции.

Посредством военной кампании в Сирии, как неоднократно отмечал Президент В. Путин, Россия защищает свою независимость и суверенитет, предотвращает проникновение терроризма на свою территорию, а также борется за безопасность всего мира.

За последние два года Россия превратилась в активного участника женевского формата урегулирования сирийского конфликта и медиатора астанинского переговорного процесса.

Участвуя в военном решении сирийской проблемы, Россия закрепила на долгий период и свое военно-политическое присутствие в регионе. Ближневосточная повестка сохранится во внешней политике России, как с политической, так и с экономической точки зрения. Ближний Восток и в долгосрочной перспективе будет сохранять свое важное геополитическое значение как основной источник энергоресурсов. В перспективе после завершения военной фазы конфликта Россия будет принимать активное участие и в постконфликтном восстановлении Сирии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абдол-Али Г.* Международные отношения: теории и подходы. Тегеран: Самт, 2007 (на перс.).
2. *Вахшитех А.* 2030 с учетом Национального совета разведки США. Бейрут: Амджад, 2012 (на перс.).
3. *Кулаи Э.* Политика и правительство в Центральной Евразии. Тегеран: Самт, 2016 (на перс.).
4. Резолюция 2254 (2015), принятая Советом Безопасности ООН на 7588-м заседании 18 декабря 2015 года. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/443/37/PDF/N1544337.pdf?OpenElement>.
5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года 13 мая 2009 года. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/424>.
6. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.
7. *Zunes S.* US Policy toward Political Islam // *Foreign Policy in Focus*. 12.09.2001.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-36-42

RUSSIA'S POLICY IN THE MIDDLE EAST IN THE CONTEXT OF THE CRISIS IN SYRIA: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

A.N. Vakhshiteh

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str. 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article is devoted to the analysis of the foreign policy of the Russian Federation in the Middle East's region. The author examines the evolution and transformation of this policy in the context of the Syrian crisis. The theoretical basis of the study was the theory of realistic school, the theory of "balance of power", the concept of "balance of threats" by Stephen Walt and "securitization" of the Copenhagen school. The author comes to the following conclusions: Russian foreign policy in the Middle East after the collapse of the Soviet Union has gone through several stages of development from almost complete suspension in solving regional problems to an active role not only as a player, but also as a mediator of many regional processes, and above all the Syrian crisis. The article also attempts to forecast the situation in the Middle East from the point of view of opportunities and challenges for Russia.

Key words: Middle East, Syrian crisis, Russian foreign policy, realism, securitization, balance of power

REFERENCES

1. Abdol-Ali Gh. *International Relation: Theories and Approaches*. Tehran: Samt; 2007. (In Pers.).
2. Vakhshiteh A. *2030 in view of National Intelligence council of USA*. Beirut: Amjad; 2012. (In Pers.).
3. Koolae E. *Politics and Government in Central Eurasia*. Tehran: Samt; 2016. (In Pers.).
4. *Resolution 2254 adopted by the Security Council of the UN at its 7588th meeting, on December 18, 2015*. Available from: [https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/443/37/PDF/N1544337 .pdf? OpenElement](https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/443/37/PDF/N1544337.pdf?OpenElement). (In Russ).
5. *The National Security Strategy of the Russian Federation until 2020*. 13.05.2009. Available from: <http://kremlin.ru/supplement/424>. (In Russ).
6. *Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"*. Available from: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>. (In Russ).
7. Zunes S. US Policy toward Political Islam. *Foreign Policy in Focus*. 12 September 2001.

© Вахшитех А., 2017

Сведения об авторе:

Вахшитех Ахмад Насер — аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (Иран) (e-mail: ahmadvakhshiteh@gmail.com)

Information about the author:

Vakhshiteh Ahmad — postgraduate student of the Department of Comparative Politics of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Iran) (e-mail: ahmadvakhshiteh@gmail.com)

Статья поступила в редакцию 24.11.2017.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-43-50

СЕПАРАТИЗМ В КАЗАМАНСЕ: КАК ПОЛОЖИТЬ КОНЕЦ ВОЙНЕ? КОНСТИТУЦИОННЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ ИЛИ АВТОНОМИЯ?

Диалло Саиду

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу военного конфликта в самом южном регионе Сенегала, Казаманс. Этот конфликт за автономию региона продолжается уже более тридцати лет между сепаратистской группой MFDC (движение демократических сил Казаманс) и государством Сенегал. Появление данного кризиса связано с исторической, культурной и социальной спецификой региона. Но в большой степени на конфликт также влияет политическая нестабильность в соседних государствах Гвинея-Бисау и Гамбии.

Ключевые слова: военный конфликт, кризис Казаманса, Сенегал, Леополь Сенегор, автономия, регулирование политической ситуации, сепаратизм, экономическая отсталость, безработица

В первое десятилетие независимости Западная Африка стала театром многочисленных вооруженных конфликтов. В регионе были кровавые перевороты, восстания, насильственные сепаратистские проекты, ни одна западно-африканская страна не избежала внутренних вооруженных конфликтов. Сепаратисты в Западной Африке претендовали на независимость отдельных этносов или регионов. Нигерия и Чад являются наиболее наглядными примерами этой тенденции в 1960-х годах. Однако в 1980-х и 1990-х гг. в Нигере, Мали [21] и Сенегале появились новые сепаратистские движения. Так, в Сенегале движение демократических сил Казаманса (MFDC)¹ агитировало за региональную автономию начиная с 1947 года, выбрав путь насильственной сецессии только в 1982 году.

Данное сепаратистское движение строило свою борьбу вокруг регионального партикуляризма и исторической автономии провинции Казаманс. Конфликт Казаманс является одной из многочисленных гражданских войн в постколониальной Африке. В качестве сторон конфликта выступали государство Сенегал и Движение Демократических Сил Казаманса (ДДСК), которое боролось за независимость провинции Казаманс с 1982 года, но до настоящего времени (2017) не смогло достичь этой цели. Данный конфликт представляет собой, прежде всего, сепаратистский конфликт. Война в Казамансе была одной из наименее кровопролитных среди множества африканских конфликтов по количеству и характеру/типу жертв, несмотря на ряд нарушений прав человека².

¹ Полное название организации на французском языке: «Mouvement des Forces Démocratiques de la Casamance».

² Многочисленные факты нарушения прав человека были зафиксированы, в частности в докладах Amnesty International 1998, 1999, 2002 и 2003 г.

Тем не менее, по данным 2012 г. погибли более 788 человек, экономическое развитие региона было остановлено, что привело к распространению бедности, десятки поселков были разрушены и тысячи человек стали беженцами [19]. Парадоксально, что конфликт происходит в южной части Сенегала — страны, считающейся самой стабильной в Западной Африке.

КАКОВЫ ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА В ОДНОЙ ИЗ САМЫХ СТАБИЛЬНЫХ СТРАН АФРИКИ?

Протестные движения и беспорядки прошли в самом южном регионе Сенегала, Казаманс, в 1981 г. (забастовка лица Джинабо), и особенно в декабре 1982 и 1983 г. Эти повторяющиеся мятежи касались подавляющего большинства населения Казаманса, то есть департаментов Усуй, Зигиншор и Бинона, снова обнажив проблему, считавшуюся прежде решенной.

Не вызывает сомнений специфичность региона Казаманс по своей истории, населению, географическому положению. Условия его колонизации и вхождения в Сенегал, также очень специфичны. Регион богат полезными ископаемыми, экономический и производственный потенциал системы сельского хозяйства также очень высок. Коренное население в основном составляет этнос Диола, занимающий 4 место по численности населения в Сенегале. В своей истории Казаманс имел различный опыт колониализма [18].

Являясь частью португальской колонии, он был продан французам. Колониальная администрация Казаманса отличалась от остальной части французской колонии, то есть Сенегала. Во время колониального периода французские правители столкнулись с огромным сопротивлением в Казамансе [14. Р. 7—34]. Это повлекло за собой множество последующих соглашений с органом управления регионом. В частности, современный Казаманс являлся частью области, называемой Ле-Ривьер-дю-Сюд, что примерно соответствует территории между бывшими империями Судана и Мали и побережьем Атлантического океана. Этот период был характерен отсутствием широкой политической организации для объединения племен.

В 1845 г. Ле-Ривьер-дю-Сюд и все французские территории, в том числе Габон, перешли под руководством Иль-де-Горе в качестве столицы, где управлял губернатор. Казамансом управляли отдельно от остальной части Сенегала (здесь имеется в виду, что регион имел статус автономии от остальной колониальной территории Сенегала) с 1854 по 1939 г., под непосредственным руководством губернатора французской Западной Африки (АОФ), и присоединили только как единое унитарное государство к концу колониального периода.

После обретения независимости 4 апреля 1960 г. провинция Казаманс осталась частью Сенегала.

Казаманс был стратегически значим для колонизаторов, будучи торговым пунктом для рабов, воска, слоновой кости и риса. Народ Казаманса славится своей долгой историей сопротивления колониальным захватчикам, которая характеризуется жестокими битвами и убийствами [18. Р. 241—242]. Исторический опыт является частью коренных причин конфликта в Казамансе. В случае Сенегала попытки первых двух президентов страны к объединению различных

этнических групп под одной общей сенегальской идентичностью путем развития одного языка в ущерб другим, столкнулись с большим сопротивлением в Казамансе. Такие правила были восприняты как дискриминация со стороны центральной власти. Это противоречило эгалитарному характеру некоторых этнических групп в регионе Казаманс.

Более 90% населения Сенегала говорят на языке волоф, в том числе и нено-сителители языка, включая такие народности, как пулар и серер [8. Р. 101—106].

Казаманс пошел против всех этих стратегий объединения народа, потому что они воспринимались как дискриминационные меры в отношении своих традиционных обычаев, которые отвергают любое политическое руководство. При Президенте Л.С. Сенгоре введение французского языка сопровождалось согласием лидеров политических партий, представляющих правительство в своих регионах.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КАЗАМАНСА

Еще одним источником конфликта является развитие чувства дискриминации по занятости населения к остальным регионам страны. Руководство Сенегала не уделяло достаточного внимания развитию южного региона. Таким образом, самый богатый регион страны по полезным ископаемым и ресурсам оказался также и самым бедным по уровню и качеству жизни. Интересы южной части Сенегала не могут быть адекватно озвучены в Дакаре, поскольку он не имеет достойных представителей в органах, принимающих политические решения.

Одна из наиболее острых проблем заключалась в образовании местной молодежи. У населения Казаманса росло чувство колонизации в суверенной стране. Недостаточные инвестиции в Казамансе также вызывают недовольство властью в Дакаре на протяжении длительного времени. Отсутствие инвестиций в Казамансе привело к замедлению развития на юге и росту проблем местных жителей на рынке труда [16]. К причинам военного конфликта также можно отнести политику соседних стран.

Так, в Гвинее-Бисау [17] Африканская партия Независимости Гвинеи и Кабо-Верде (ПАИГК) вела успешную войну за независимость против колониальной власти Португалии в 1974 году. Важно отметить, что жители Казаманса поддерживали народ Гвинеи-Бисау в ходе освободительной войны против португальского колониального господства. Была определенная надежда, что совместное участие в этой войне обеспечит поддержку во время боевых действий за независимость региона Казаманс. В Гамбии военный переворот экс-президента Дауда Диавара усилил нестабильность региона. Кроме того, густой лес Казаманса, наличие ветеранов войн в Индокитае и Алжире, а также отставных офицеров армии Сенегала являлись дополнительными катализаторами конфликта [20. Р. 179—201].

СТОРОНЫ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА

Важную роль в конфликте сыграл католический священник отец Джамакун Августин Сенгор [7]. Ранее в 1967 г. он начал делать образовательные радиопрограммы и использовал эту возможность для того, чтобы подготовить почву для восстания в Казамансе. В своих программах он говорил об уникальности региона

Казаманс в плане культурной специфики и религиозной практики, которая больше склоняется к анимизму. С 1980 по 1981 г. отец Джамакун проводил конференции, писал письма властям Сенегала. Тайные встречи проходили в «священных рощах» Казаманса, известных как Ле-Буа Сакре [6. Р. 210—241], «священный путь», где большая часть восстания была тактически и духовно подготовлена при помощи и с благословения женщин.

Основными протагонистами в рассматриваемом конфликте являются, с одной стороны, сепаратистские движения, возглавляемые Движением демократических сил Казаманса, и государство Сенегал в лице правительства Сенегала. Конфликт оказался затяжным — он продолжался более 30 лет и привел к многочисленным жертвам.

ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ КОНФЛИКТ В КАЗАМАНСЕ ОТ ДРУГИХ ВОЙН В АФРИКАНСКИХ СТРАНАХ?

В отличие от многих конфликтов в Африке к югу от Сахары причины военного конфликта на юге Сенегала связаны не только с соперничеством за природные ресурсы. Конечно, важное значение имеют нефтяные месторождения, обнаруженные в 1970 г. у берегов Казаманса, на которые претендует также Гвинея-Бисау. Внешние державы пользуются возможностью оказать давление на Сенегал для дестабилизации ситуации, чтобы расширить свое влияние и воспользоваться «серыми зонами», возникающими в результате конфликта для любого вида трафика. Восстанию удалось найти поддержку у соседних государств, с которыми у Сенегала были сложные отношения: Гамбии и Гвинеи-Бисау. Споры между Сенегалом и Гамбией начались за несколько лет до возникновения ДДСК. Как известно, армия Сенегала дважды провела военные действия на территории у своего соседа Гамбии: первый раз — в 1980 г., чтобы избежать угрозы переворота, второй раз в 1981 г., чтобы свергнуть силы, совершившие революционный переворот, который приветствовало население страны. В настоящий момент с приходом к власти в Гамбии с помощью ЭКОВАС и Сенегала нового Президента Адама Барро страны улаживают соседские отношения и развивают политическое и экономическое сотрудничество для стабильности и развития региона.

НАПРЯЖЕННОСТЬ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СЕНЕГАЛОМ И ГВИНЕЕЙ-БИСАУ

Армии обеих стран пересекли границы друг друга в 1990 году, когда партизаны ДДСК начали свое наступление в Казамансе. Сложившиеся отношения между государствами возникли в ходе войны за независимости Гвинеи-Бисау, у которой находилась военная база в Казамансе. Также на отношения двух стран оказывает влияние спор о делимитации территориальных вод, в которых зона добычи нефти и обширные рыбные ресурсы находятся в исключительном экономическом владении Сенегала. Исчезновение коммунистического режима в Гвинеи-Бисау сопровождалось неолиберальными преобразованиями и сближением с Францией и Сенегалом: вход в Франкофонию и Зону франка способствовал урегулированию территориальных споров с Сенегалом и партнерству во всех сферах деятельности и кооперации.

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ В КАЗАМАНСЕ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Развитие Западной Африки невозможно без мира и стабильности. Нужно адаптировать политическую архитектуру на национальном и региональном уровнях и военный арсенал, правовые, административные механизмы и культурные привычки для решения нового типа политических задач. Это необходимо для того, чтобы построить будущее мира, солидарности, взаимного уважения и развития на благо населения. Гамбия и Гвинея-Бисау должны быть полноценными участниками, как и Сенегал, в обеспечении мира и безопасности на границах Сенегала. Их участие в процессе мира в Казамансе не должно быть следствием их доброй воли и их правильных положений в отношении с Сенегалом, но осознанием того, что там происходит и как это влияет на мир и безопасность в своих странах. Без «мира, стабильности и безопасности на Юге Сенегала» не может или не должно быть «мира, стабильности и безопасности в соседних странах, которые служат в качестве убежищ для вооруженных группировок, которые нарушают наши границы, нападают на наших сограждан, мирных жителей и наши силы безопасности, сеют опустошение среди населения, используя мины» [12].

Ситуация в Казамансе сложнее, поскольку на текущий момент не удалось договориться с сепаратистами. Необходимо отметить, что их внутренние фракции усложняют процесс поддержания мира. Для эффективного возвращения мира они должны «говорить одним голосом», то есть согласовать между собой условия переговоров. Объединение сепаратистов в единую структуру необходимо, однако этого пока не произошло. Возвращение мира в Казамансе основывается только на «продолжении и завершении мирного процесса» и «реализации активных действий, экономического, социального и культурного развития, учитывающего интересы населения Казаманса» [10]. Со стороны государства значительные усилия были предприняты с момента прихода к власти бывшего Президента Абдулай Вад, который в свое время предложил решить конфликт за 100 дней. К сожалению, 12 лет его правления прошли без значительных результатов. Политической воли обеих сторон оказывается недостаточно. Для прекращения огня жизненно необходимы воссоединение Казаманса с остальной территорией страны путем инфраструктуры (дороги, железные дороги, аэродром), важно разработать подходящий правовой статус, восстановить деревни, которые были разрушены, в соответствии с пожеланиями местных жителей, расчистить все заминированные районы, осуществить реабилитацию ветеранов, оказать помощь людям, пострадавшим от конфликта. К тому же необходима политическая воля для того, чтобы обратить внимание на интересы и мнения ассоциаций гражданского общества, глав религиозных и национальных традиций, лидеров общественного мнения [9. Р. 145]. Совокупность вышеперечисленных шагов является гарантией успеха в нормализации политической и экономической ситуации в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Дамаскин О.В.* Выборы и суверенитет государства в современных условиях // Избирательное законодательство и практика. 2016. № 2. С. 38—40.
2. Сенегал / внутренние конфликты и расколы // Политический атлас современности. Внутренние конфликты и расколы. Режим доступа: <http://www.hyno.ru/tom4/1545.html>.
3. Тэги: Казаманс, Сенегал, сепаратизм, война, повстанцы. Режим доступа: <http://www.conflictologist.org/dvijenie-za-nezavisimost-kasamanca-v-senegale.htm>.
4. *Хабенская Е.О.* Региональные конфликты, отношения Сенегала с Республикой Гамбия: опыт и перспективы // Конфликтология. 2014. 1. СС. 89—98. DOI: 10.7256/.2014.1.13241. Режим доступа: http://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=31685.
5. *Эбзеев Б.С.* Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Избирательное законодательство и практика. 2016. № 2. С. 3—12.
6. *Bassene R.C.* Casamance: récits d'un conflit oublié (1982—2014). 1 juin 2015 à Harmattan. 308 p.
7. *Bassene R.C.* L'abbé Augustin Diamacoune Senghor Broché. 1 février 2013. 216 p.
8. *Cisse M.* Langues, Etat et Societe au Senegal. Université Cheikh Anta Diop (Sénégal), 2005. 130 p.
9. *Boucouna D.* La Crise Casamançaise: Problématique et Voies de Solutions. L'Harmattan, 2009. 153 p.
10. *Ibrahima D.* Retour de la Paix en Casamance: La Solution Pour les Cadres Casamançais // Sudonline.sn — Webnews. Le 20 mars, 2012.
11. *Diouf L., Yaguello M.* J'apprends le wolof, (édition Karthala), 1991.
12. *Gnoungo F.* Crise gambienne — Pour le Sénégal, l'intérêt, la paix en Casamance // Rédaction Politikafrrique.info. 24 janvier 2017. Режим доступа: <http://politikafrrique.info/crise-gambienne-senegal-linteret-paix-casamance>.
13. *Jallow M.K.* Senegambia: Gambia's permanent state of crisis and Senegal's impossible peace // Senegambia News. 16 February 2014. Режим доступа: <http://www.senegambianews.com/1333/65871/a/senegambia-gambias-permanent-state-of-crisis-and-senegals-impossible-peace>.
14. *Hubert L.* Héroïnes Africaines. Vol. 1 // Aline Siteo Diatta-Anne Zingha-Lalla Fatma N'Soumer. Album — 30 mai 2012. 42 p.
15. Macky Sall à Banjul: «Nous allons consolider la Sénégambe des peuples et la Sénégambe économique» // Senego. 18.02.2013. Режим доступа: http://senego.net/senegal/2013/02/18/macky-sallhomologue-gambien-allons-consolider-senegambie-peuples-senegambie-economique_77699.html.
16. Ndiaye Amadou (contributeur Le Monde Afrique). Casamance: quatre raisons qui font perdurer un conflit // Le Monde.fr. 15.12.2015.
17. *O'Regan D., Thompson P.* Advancing Stability and Reconciliation in Guinea-Bissau: Lessons from Africa's First Narco-State // Africa Center for Strategic Studies. June 2013. Режим доступа: <https://africacenter.org/publication/guinea-bissau-stability-reconciliation-narco-state/>.
18. *Roche Ch.* Histoire de la Casamance. Conquête et résistance: 1850—1920 // Année. 1988. Vol. 75. № 279. P. 241—242.
19. *Sosthène M.* Guerre civile au Tchad: Souvenirs d'un survivant // La Voix. 15.02.2011.
20. *Straus S.* Wars Do End! Changing Patterns of Political Violence in Sub-Saharan Africa // African Affairs. 2012. 111 (443). P. 179—201.
21. *Themnér L., Wallensteen P.* Armed Conflicts 1946—2012 // Journal of Peace Research. 2013. 50 (4). P. 509—521.

SEPARATISM IN CASAMANCE: HOW TO END THE WAR? CONSTITUTIONAL FEDERALISM OR AUTONOMY?

Diallo Saidu

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str. 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article is devoted to analysis of the military conflict in the southern region of Senegal, Casamance. The conflict for autonomy in the region continues for more than thirty years between MFDC separatist group (Movement of democratic forces of Casamance) and the government of Senegal. The emergence of this crisis is due to historical, cultural and social specificities of the region. The author shows that the conflict is also largely affected by political instability in neighboring countries: Guinea Bissau and Gambia.

Key words: military conflict, the crisis in the Casamance, Senegal, Leopold Sedar Senghor, autonomy, regulation of the political situation, separatism, economic underdevelopment, unemployment

REFERENCES

1. Damaskin O.V. Vybory i suverenitet gosudarstva v sovremennykh usloviyakh. *Izbitatel'noe zakonodatel'stvo i praktika*. 2016; 2: 38—40. (In Russ).
2. Senegal / vnutrennie konflikty i raskoly. *Politicheskij atlas sovremennosti. Vnutrennie konflikty i raskoly*. Available from: <http://www.hyno.ru/tom4/1545.html>. (In Russ).
3. Tjeji: Kazamans, Senegal, separatizm, vojna, povstancy. Available from: <http://www.conflictologist.org/dvijenie-za-nezavisimost-kasamanca-v-senegale.htm>. (In Russ).
4. Habenskaja E.O. Regional'nye konflikty, otnoshenija Senegala s Respublikoj Gambija: opyt i perspektivy. *Konfliktologija*. 2014; 1. SS. 89—98. DOI: 10.7256/2014.1.13241. Available from: http://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=31685. (in Russ).
5. Jebzeev B.S. Narod, narodnyj suverenitet i predstavitel'stvo: doktrinal'nye osnovy i konstitucionnaja praktika. *Izbitatel'noe zakonodatel'stvo i praktika*. 2016; 2: SS. 3—12. (In Russ).
6. Bassene R.C. *Casamance: récits d'un conflit oublié (1982—2014)*. 1 juin 2015 à Harmattan. 308 p.
7. Bassene R.C. *L'abbé Augustin Diamacoune Senghor Broché*. 1 février 2013. 216 p.
8. Cisse M. *Langues, Etat et Societe au Senegal*. Université Cheikh Anta Diop (Sénégal), 2005. 130 p.
9. Boucounta D. *La Crise Casamançaise: Problématique et Voies de Solutions*. L'Harmattan, 2009. 153 p.
10. Ibrahima D. Retour de la Paix en Casamance: La Solution Pour les Cadres Casamançais. *Sudonline.sn — Webnews*. Le 20 mars, 2012.
11. Diouf L., Yaguello M. *J'apprends le wolof, (édition Karthala)*. 1991.
12. Gnoungo F. Crise gambienne — Pour le Sénégal, l'intérêt, la paix en Casamance. *Rédaction Politikafrrique.info*. 24 janvier 2017. Available from: <http://politikafrrique.info/crise-gambienne-senegal-linteret-paix-casamance>.
13. Jallow M.K. Senegambia: Gambia's permanent state of crisis and Senegal's impossible peace. *Senegambia News*. 16 February 2014. Available from: <http://www.senegambianews.com/1333/65871/a/senegambia-gambias-permanent-state-of-crisis-and-senegals-impossible-peace>.
14. Hubert L. Héroïnes Africaines. Vol. 1. *Aline Siteo Diatta-Anne Zingha-Lalla Fatma N'Soumer*. Album — 30 mai 2012. 42 p.

15. Macky Sall à Banjul: «Nous allons consolider la Sénégalie des peuples et la Sénégalie économique». *Senego*. 18.02.2013. Available from: http://senego.net/senegal/2013/02/18/macky-sallhomologue-gambien-allons-consolider-senegambie-peuples-senegambie-economique_77699.html.
16. Ndiaye Amadou (contributeur Le Monde Afrique). Casamance: quatre raisons qui font perdurer un conflit. *Le Monde.fr*. 15.12.2015.
17. O'Regan D., Thompson P. Advancing Stability and Reconciliation in Guinea-Bissau: Lessons from Africa's First Narco-State. *Africa Center for Strategic Studies*. June 2013. Available from: <https://africacenter.org/publication/guinea-bissau-stability-reconciliation-narco-state/>.
18. Roche Ch. Histoire de la Casamance. Conquête et résistance: 1850—1920. *Année*. 1988. Vol. 75; 279: 241—242.
19. Sosthène M. Guerre civile au Tchad: Souvenirs d'un survivant. *La Voix*. 15.02.2011.
20. Straus S. Wars Do End! Changing Patterns of Political Violence in Sub-Saharan Africa. *African Affairs*. 2012; 111(443): 179—201.
21. Themnér L., Wallensteen P. Armed Conflicts 1946—2012. *Journal of Peace Research*. 2013; 50(4): 509—521.

Информация об авторе:

Диалло Саиду — аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (Сенегал) (e-mail: wesley.wesley@yandex.ru)

Information about the author:

Diallo Saidu — postgraduate student of the Department of Comparative Politics of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Senegal) (e-mail: wesley.wesley@yandex.ru)

Статья поступила в редакцию 10.06.2017.

ГЕОПОЛИТИКА «НОВОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ»

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-51-59

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И КНР В РАМКАХ ПРОГРАММЫ «ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ»

А.А. Лысенко

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассмотрены вопросы усиления интеграции Российской Федерации в евроазиатскую транспортную систему на базе проекта Новый Шелковый Путь (НШП) в условиях расширения сотрудничества с КНР. Выявлены и обобщены мотивы взаимодействия стран, актуальное состояние реализации проекта, проблемы в его дальнейшем развитии. Обоснована авторская позиция по соотношению заинтересованности российской и китайской стороны в ускорении практической реализации проекта.

Ключевые слова: Новый Шелковый путь, Евразийский сухопутный мост, Транспортная стратегия РФ, проект «Западная Европа — Западный Китай», ТРАСЕКА

Актуальность проблематики взаимодействия России и КНР в рамках программы «Шелковый путь» («Новый Шелковый Путь», НШП, Евразийский сухопутный мост) формируется под воздействием широкой совокупности как позитивных, так и негативных факторов для обеих сторон проекта. Позитивными факторами можно назвать стремительную экспортную экспансию КНР в предшествующее десятилетие, логистический потенциал Российской Федерации, усиление инвестиционного сотрудничества КНР и стран Евросоюза. Негативными факторами, побуждающими обе страны к ускорению реализации проекта, выступают замедление темпов роста экономик РФ и КНР, углубляющийся кризис в финансовой системе РФ и усиление политического противостояния России со странами Запада.

Рассмотрим далее мотивы РФ и КНР в усилении взаимодействия в рамках программы НШП. Для российской стороны определяющими факторами участия в проекте НШП выступают:

— использование транзитного потенциала государства для упрочнения своей геополитической позиции в коммуникации с ЕС (как одной из определяющих экономических и политических сил в Евразии) и КНР (как одним из мировых промышленных и в перспективе — политических лидеров);

— потенциал расширения роли транспортной системы в национальной экономике, рост за счет этого уровня диверсификации национальной экономики;

- усиление конфронтации со странами Запада — исторически значимым источником иностранных инвестиций в российскую экономику;
- неблагоприятное состояние макроэкономической конъюнктуры, оказывающее негативное влияние на экономику и формирующее предпосылки для структурного национального кризиса.

Развитие транспортной инфраструктуры для Российской Федерации выступает одним из необходимых шагов по модернизации экономики и повышению качества жизни населения, как это следует из положений Транспортной стратегии РФ на период до 2030 года [12]. Необходимость развития российской транспортной системы определена ее социальной ролью [4], участием в формировании и поддержании национальной экономической безопасности [9].

За период 2011—2016 гг. вклад транспортной отрасли в экономику страны вырос с 6,56% до 7,05%, в отрасли занято порядка 8% населения страны [13]. Социально-экономический вклад транспорта в экономическое развитие РФ формируется также тем, что в большинстве видов экономической деятельности транспорт выступает связующим звеном [8]. Вносит свой вклад транспортная система и в общий экономический рост государства через мультипликативный механизм.

Данный эффект состоит в том, что инвестиции в ту или иную отрасль опосредованно создают продукты в связанных с этой отраслью видах экономической активности. К примеру, инвестиции в развитие транспортной инфраструктуры ожидаемо ведут к росту объема работ в строительстве, инвестиции в развитие транспортной инфраструктуры — к росту прочих форм экономической активности. По различным оценкам, мультипликативный эффект транспортной отрасли РФ составляет в отдельные периоды 1,75 [6].

В ретроспективе 2013—2017 гг. целесообразность расширения роли транспортной системы в национальной экономике РФ усиливается под воздействием неблагоприятных тенденций в экономическом и социальном развитии. Как часть мировой экономической системы РФ испытала на себе воздействие мирового кризиса 2008 г., которым и спустя 9 лет после его активной фазы объясняется торможение экономического роста в странах Северной Америки, Евросоюза и других. Негативное влияние этого кризиса усиливается для России кризисом внутренней природы, взявшем свое начало в 2014 г. В отличие от кризиса 2008 г. влияние внутреннего кризиса на социально-экономические процессы в РФ более деструктивно. Падение цен на энергоносители, выступающие основным направлением экспорта в экспортоориентированной и относительно низко диверсифицированной российской экономике привело к росту бюджетного дефицита. Параллельно с этими процессами растет объем внешней задолженности страны, снижаются финансовые резервы.

Повышение уровня вовлеченности транспортной системы Российской Федерации, стимулирование роста ВВП как за счет вклада транспортной системы, так и за счет мультипликативного эффекта от инвестиций в инфраструктуру и усиление геополитического влияния страны формируют базовые условия для расширения участия Российской Федерации в мировой транспортной системе. Нема-

ловажным фактором участия Российской Федерации в программе Новый Шелковый путь выступает и возможность решить в рамках этой программ широкую совокупность социальных и инновационных задач. К примеру, развиваемый параллельно с программой НШП проект высокоскоростной пассажирской железнодорожной магистрали из Пекина в Москву может стать стимулом к выравниванию экономического развития регионов РФ, привлечь в экономику столь необходимые ей инновации.

Примечательно, что российская транспортная система уже имеет ряд конкурентных преимуществ в региональном сегменте мировой транспортной системы. Россия граничит с востока с одним из наиболее динамично растущих производственных рынков (страны Азиатско-Тихоокеанского региона, КНР, Ю. Корея) и с запада — с одним из наиболее платежеспособных рынков спроса (страны Евросоюза). Логично, что связь этих рынков по территории РФ играет значимую роль в мировых транспортных потоках. Паромные линии на Балтике, Транссибирская магистраль, российские порты Приморья, а также другие элементы транспортной системы РФ либо уже занимают важное место в региональной транспортной системе, либо могут его занять при соответствующем уровне развития. В настоящее время в мире сформировалось три мировых экономических полюса: Евросоюз, Северо-Восточная, Восточная и Юго-Восточная Азия, Северная Америка. В перспективе Россия могла бы замкнуть на себя большую часть евроазиатских международных грузопотоков.

Для китайской стороны определяющими факторами участия в проекте НШП выступают:

— замедление темпов роста экономики. Пик современного экономического развития КНР пришелся на 2007 г., когда ВВП страны вырос на 14,23%. Далее, на фоне углубляющегося кризиса в мировой экономике и в экономике стран ЕС (как важного торгового партнера КНР) на протяжении уже порядка 10 лет темпы роста ВВП страны замедляются. В 2016 г. ВВП КНР вырос к прошлому году на 6,7% [11];

— необходимость усиления геополитического потенциала КНР в азиатском регионе, часть стран которого политически близки к РФ, часть — к США [7];

— потребность в повышении сбалансированности социально-экономического развития регионов КНР (снизить загрузку восточных территорий, повысить уровень промышленного развития западных территорий) [3];

— потенциал развития конфликтных ситуаций в Южно-Китайском море между КНР и отдельными странами АСЕАН на фоне нерешенных территориальных споров [12]. Эти конфликтные ситуации могут снизить эффективность используемого в настоящее время Морского Шелкового пути и вынуждают китайскую сторону диверсифицировать логистические потоки.

Таким образом, взаимодействие России и КНР в транспортно-логистической сфере можно считать закономерным результатом влияния на страны вышеперечисленных факторов. Помимо указанных факторов, на развитие проекта оказывают воздействие процессы глобализации, интеграции.

Реализация этого потенциала рассматривается в статье на примере проекта «Новый Шелковый Путь» — концепции паневразийской (а в перспективе — межконтинентальной) транспортной системы, которая позволит КНР ускорить доставку товаров на рынок стран Евросоюза относительно используемых в настоящее время морских путей сообщения.

Современная история развития проекта Шелковый путь берет свое начало в 1990-х гг., когда со сменой модели рыночных процессов в КНР усилилось присутствие страны на внешних рынках. Вовлечение КНР в мировую торговлю оказало свое воздействие на рост ВВП страны: если в 1990 г. сокращающийся на протяжении 5 лет ВВП страны вырос лишь на 3,9%, то в 1992 г. его рост составлял уже 14,21% [11].

Расширение объемов торговли КНР со странами Европы при использовании морских путей сообщения и частичном использовании сформированной транспортной инфраструктуры в Евразии не позволяло в полной мере реализовать возможности торгового присутствия КНР на европейском рынке. Объективными препятствиями для этого выступают сроки доставки товаров через Суэцкий канал (40—50 дней), отсутствие необходимых объектов наземной транспортной системы для использования исключительно наземного транспорта, отсутствие возможности использовать упрощенные процедуры транзита товаров через границы стран, политическая нестабильность в странах Ближнего Востока (через которые проходят отдельные существующие элементы наземной транспортной инфраструктуры). Снижают коммерческую привлекательность использования водного транспортного коридора в Европу для китайской стороны и более высокие издержки на страхование грузов (чем это было бы при использовании наземного транспорта), и более высокие требования к транспортно-логистическим центрам.

В 2008 г. концепция Нового Шелкового пути начала получать свое реальное воплощение в рамках проекта «Западная Европа — Западный Китай». Проект изначально связал страны, которые территориально способны выступить базой наземного сообщения между КНР и Европой (КНР, РФ, Казахстан). При этом китайская часть проекта уже реализована, а российская и казахстанская планируются к завершению до 2030 г.

Не только инфраструктурное наполнение проекта является предметом взаимодействия стран, но и решение регулятивных аспектов транзита товаров по территориям стран-партнеров. Согласование вопросов работы таможенных и пограничных служб в вопросах регулирования транзита по железным дорогам явилось предметом уже реализованных договоренностей между Россией, Китаем, Монголией, Белоруссией, Польшей и Германией. В 2013 г. концепция Нового Шелкового пути наряду с Морским Шелковым путем XXI в. легла в основу предложения «Один пояс — Один путь», выдвинутым китайской стороной [5]. Намерения КНР в части формирования транспортных коридоров в Европу получают закрепление на уровне национальных нормативно-правовых документов (Планов социально-экономического развития, пятилетних планов государства).

Финансовая поддержка проекта получила свое институциональное выражение в 2015 г., когда была создан инвестиционный фонд «Silk Road Company» (Фонд

Шелкового пути), целью которого является организация инвестиций в программу НШП. Инвестиционный и мультипликативный потенциал НШП как инфраструктурного проекта уже подтверждается реальными действиями Фонда Шелкового пути: меморандум о строительстве ГЭС в Пакистане, выкуп 98% акций итальянской компании *Pirelli*, участие в финансировании проекта российского ОАО «НО-ВАТЭК» «Ямал СПГ».

В 2016 г. из 40 млрд долл. США, планируемых к привлечению фондом, привлечено 10 млрд долл. США, основу которых составляют средства китайских инвесторов и государственных компаний. Помимо «*Silk Road Company*» участие в финансировании проекта принимает созданный в 2014 г. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), объединяющий средства более 60 азиатских и европейских стран и в перспективе способный составить конкуренцию по активам МВФ и Всемирному банку.

В 2015—2017 гг. из спектра декларативных договоренностей и подготовки объектов инфраструктуры взаимодействие России и КНР в рамках программы НШП наполняется реальным использованием объектов инфраструктуры. В 2015 г. по маршруту Харбин — Гамбург через Россию китайской стороной запущен самый длинный в мире железнодорожный маршрут (время в пути 15 дней). В 2016 г. открыт маршрут Харбин — Екатеринбург, позволивший сократить время в пути грузового состава с 40 до 10 дней. В 2016 г. транспортно-логистический центр в Челябинской области на постоянной основе начал принимать поезда из КНР. В 2017 г. через территорию РФ отправлен поезд из КНР в Великобританию (время в пути 18 дней).

Итак, взаимная мотивация Российской Федерации и КНР к развитию программы Шелковый путь получает на современном этапе инфраструктурное, нормативно-правовое и финансовое наполнение. В то же время дальнейшая реализация программы сдерживается под влиянием следующих факторов:

— структурные проблемы в развитии и функционировании транспортной системы РФ с точки зрения целесообразности ее коммерческого использования в рамках программ Новый Шелковый Путь;

— способность российской стороны в условиях неблагоприятного развития экономики участвовать на паритетных началах с КНР в реализации принятых на себя обязательствах в рамках программы НШП;

— наличие альтернативных вариантов реализации проекта;

— усиление политического противостояния РФ и стран Запада, усложняющее принятие международных договоренностей. Также негативным потенциалом влияния на проект обладают попытки возврата в азиатский регион США, что может привести к повышению нестабильности, усилению конфронтации стран региона.

Далее приводится совокупность фактов, характеризующих современное состояние указанных проблем. Состояние транспортной инфраструктуры РФ с точки зрения ее вовлеченности в проекты НШП характеризуется, на взгляд автора статьи, шестью базовыми недостатками. Во-первых, на фоне активизации строительства транспортных инфраструктурных объектов китайской стороной в РФ за предше-

ствующие написанию статьи 10 лет протяженность железнодорожных путей сообщения не подвергалась существенному расширению.

Во-вторых, за предшествующие подготовке статьи 10 лет доля полностью изношенных основных фондов отрасли «Транспорт и связь» в РФ выросла с 6,7% в 2007 г. до 12,7% в 2016 г. Это свидетельствует о росте технологического отставания отрасли, растущей вероятности техногенных и иных аварий и в целом может негативно сказаться на оценке зарубежными партнерами способности РФ выполнять принятые на себя транзитные обязательства.

В-третьих, несмотря на действия Правительства России по оптимизации и повышению эффективности работы таможенных служб, скорость прохождения таможенных формальностей на границе с РФ может быть негативным фактором для требовательных к скорости движения товаров участников проекта НШП.

В-четвертых, как показывает опыт реализации крупных инфраструктурных проектов в РФ, они характеризуются объективными проблемами в организации, финансировании, соответствии по срокам реализации программным документам. В рамках вовлекающихся в НШП проектов российская сторона уже характеризуется более длительными сроками подготовки инфраструктуры, нежели китайская (речь здесь идет о проекте «Западная Европа — Западный Китай»).

В-пятых, разность ширины железнодорожной колеи в российской транспортной системе и системах ЕС/КНР негативно сказывается на скорости движения грузовых составов. Даже при использовании существующих технологий (раздвижные колесные пары, железнодорожные пограничные перевалочные переходы и т.п.) срок нахождения грузовых составов на границе с РФ может составлять от нескольких дней до нескольких недель. При этом патенты на собственные технологические решения в сфере, к примеру, раздвижных колесных пар у РФ на данный момент отсутствуют.

И, наконец, в-шестых, основная проблема востребованности транзитного потенциала железнодорожного транспорта РФ состоит в неспособности сделать привлекательными транзитные перевозки грузов по суше между двумя экономическими центрами — странами ЕС и АТР. Причина заключается в том, что стоимость перевозок по Транссибу из портов Японии, Южной Кореи и Юго-Восточного Китая сделала их экономически бесперспективными [2]. По различным оценкам, себестоимость движения грузов по Транссибу превышает расходы на доставку грузов из стран Дальнего Востока в ЕС морем (даже с учетом затрат на прохождение Суэцкого канала) в 2 раза [10].

Альтернативными вариантами реализации проекта выступают как изменение географии в рамках НШП (к примеру, в форме замещения РФ Грузией, Турцией, Украиной), так и программа международного сотрудничества между Европейским Союзом и странами-партнерами по организации транспортного коридора «Европа — Кавказ — Азия» (ТРАСЕКА).

Коридор ТРАСЕКА на текущий момент включает в себя 13 стран (преимущественно страны СНГ) и обладает определенным логистическим потенциалом в рамках связи ЕС—КНР [1].

Таким образом, в развитии Нового Шелкового Пути заинтересованы как российская сторона, так и КНР. Для российской стороны вовлечение в проекты НШП позволит сформировать дополнительные условия для роста экономики за счет инвестиций в транспортную инфраструктуру, упрочнить свое геополитическое положение на континенте в свете санкционного противостояния со странами Запада и неблагоприятной обстановкой на мировом энергетическом рынке. Китайская сторона (помимо аналогичных усиления и без того существенного геополитического влияния и ускорения роста экономики) при реализации проекта сформирует условия для выравнивания социально-экономического развития своей территории, обеспечит усиление политических связей со странами ЕС, приобретет опыт европейской организации бизнес-проектов. Соразмерность уровня заинтересованности стран в реализации НШП в текущих условиях не обеспечивается в полной мере.

В то время как РФ находится в состоянии активного поиска способов привлечь в экономику иностранные инвестиции и компенсировать негативные эффекты для бюджета от падения цен на энергоносители, КНР может позволить себе рассматривать и альтернативные варианты реализации проекта (морской Шелковый путь, ТРАСЕКО). Усугубляется ситуация структурными проблемами транспортной системы РФ на фоне неблагоприятной для международных переговоров характеристики отношений РФ и стран ЕС.

Как видится, на обозримую перспективу потенциал реализации проекта находится под влиянием преимущественно китайской стороны, в то время как основными конкурентными преимуществами РФ могут стать способность обеспечить гарантии по принятым на себя обязательствам в рамках проектов НШП, снижение политической напряженности с торговыми партнерами КНР, поступательное повышение качества железнодорожной инфраструктуры и организации таможенного обслуживания транзитных потоков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абрамян В.Г., Григорян В.В., Саакян М.А., Мартиросян Г.К.* Новый Шелковый путь: политико-экономические аспекты и возможные пути развития // *Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение*. 2017. № 2 (50). С. 10—18.
2. *Бабынина Л.О.* Транспортные системы ЕС и ЕврАзЭС: перспективы интеграции // *ЕврАзЭС интеграционный опыт ЕС / Отв. ред. М.Г. Носов. Доклады Института Европы* № 242. М., 2009. С. 123—144.
3. *Байков С.А.* «Шелковый путь»: экономика и геополитика // *Постсоветский материк*. 2016. № 3(11). С. 84—92.
4. *Гарифулина П.Р., Кондрашов В.С., Гордеева А.А.* Значение пассажирского транспорта в развитии экономики РФ // *Актуальные проблемы управления экономикой и финансами транспортных компаний. сборник трудов Национальной научно-практической конференции*. М., 2016. С. 162—165.
5. *Гультяева Г.С.* Великий Шелковый путь — путь взаимовыгоды в эпоху глобализации // *Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего XVII Международные Лихачевские научные чтения. Российская академия наук, Конгресс петербургской интеллигенции, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Министерство иностранных дел РФ*. 2017. С. 472—473.

6. Кончаева Е.О. Оценка мультипликативного эффекта от реализации транспортных проектов на комплексное развитие территорий: применимость международного опыта в Российской Федерации // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 52. С. 163—176.
7. Литвинов А.И. Политика современных «шелковых путей» // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 4 (49). С. 176—180.
8. Максимов В.Л. Статистический анализ значимости транспорта для экономики РФ // Российская наука: актуальные исследования и разработки сборник научных статей I Всероссийской заочной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Самарского государственного экономического университета. Самара: Изд-во Самарского государственного экономического университета, 2016. С. 251—254.
9. Морозов С.А. Развитие транспортной инфраструктуры как фактор экономической безопасности // Современное состояние и проблемы развития мировой экономики материалы научной конференции бакалавров, магистров и аспирантов Института мировой экономики и бизнеса и кафедры международных экономических отношений. Российский университет дружбы народов; отв. ред. И.В. Андропова. 2016. С. 122—126.
10. Подберёзкина О.А. Транспортные коридоры в российских интеграционных проектах (на примере ЕАЭС) // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 1(40). С. 57—65.
11. Статистическая служба Всемирного Банка. Режим доступа: <http://www.worldbank.org/>.
12. Транспортная стратегия РФ на период до 2030 года Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 г. № 1734-р.
13. Федеральная служба государственной статистики России. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>.
14. Хунцзе Ч. «Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь 21-го века» с точки зрения экспертов КНР // Наука и Мир. 2015. № 7 (23). С. 184—186.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-51-59

INTERACTION OF RUSSIA AND CHINA IN THE FRAMEWORK OF THE “SILK ROAD”

A.A. Lysenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str. 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article considers the issues of strengthening the integration of the Russian Federation in the Eurasian transport system on the basis of the project of the New Silk Road in the context of broadening cooperation with China. The author identified and summarized the motives of cooperation between the countries, the current status of the project implementation, the problems of its further development. Author's position is justified by the ratio of the interest of Russian and Chinese sides to accelerate the practical implementation of the project.

Key words: New Silk Road, Eurasian Land Bridge, transport strategy of the Russian Federation, the project “Western Europe — Western China”, TRACECA

REFERENCES

1. Abramjan V.G., Grigorjan V.V., Saakjan M.A., Martirosjan G.K. Novyj Shelkovyj put': politiko-jekonomicheskie aspekty i vozmozhnye puti razvitija. *Sovremennye naukoemkie tehnologii. Regional'noe prilozhenie*. 2017; 2(50): 10—18. (In Russ).

2. Babynina L.O. Transportnye sistemy ES i EvrAzJes: perspektivy integracii. *EvrAzJeS integracionnyj opyt ES*. Ed. by M.G. Nosov. *Doklady Instituta Evropy*. 2009; 242: 123—144. (In Russ).
3. Bajkov S.A. “Shelkovyj put’”: jekonomika i geopolitika. *Postsovetiskij materik*. 2016; 3(11): 84—92. (In Russ).
4. Garifulina P.R., Kondrashov V.S., Gordeeva A.A. Znachenie passazhirskogo transporta v razvitii jekonomiki RF. *Aktual'nye problemy upravlenija jekonomikoj i finansami transportnyh kompanij*. Sbornik trudov Nacional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moscow, 2016: 162—165. (In Russ).
5. Gul'tjaeva G.S. *Velikij Shelkovyj put' — put' vzaimovyygody v jepohu globalizacii. Global'nyj mir: sistemnye sdvigi, vyzovy i kontury budushhego XVII Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chtenija. Rossijskaja akademija nauk, Kongress peterburgskoj intelligencii, Sankt-Peterburgskij gumanitarnyj universitet profsojuzov, Ministerstvo inostrannyh del RF*. 2017: 472—473. (In Russ).
6. Konchaeva E.O. Ocenka mul'tiplikativnogo jeffekta ot realizacii transportnyh proektov na kompleksnoe razvitie territorij: primenimost' mezhdunarodnogo opyta v Rossijskoj Federacii. *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik*. 2015; 52: 163—176. (In Russ).
7. Litvinov A.I. Politika sovremennyh “shjolkovyh putej”. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2016; 4(49): 176—180. (In Russ).
8. Maksimov V.L. Statisticheskij analiz znachimosti transporta dlja jekonomiki RF. *Rossijskaja nauka: aktual'nye issledovanija i razrabotki sbornik nauchnyh statej I Vserossijskoj zaochnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 85-letiju Samarskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta*. Samara: Izd-vo Samarskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta; 2016: 251—254. (In Russ).
9. Morozov S.A. Razvitie transportnoj infrastruktury, kak faktor jekonomicheskoy bezopasnosti. *V sbornike: Sovremennoe sostojanie i problemy razvitija mirovoj jekonomiki materialy nauchnoj konferencii bakalavrov, magistrrov i aspirantov Instituta mirovoj jekonomiki i biznesa i kafedry mezhdunarodnyh jekonomicheskikh otnoshenij*. Rossijskij universitet družby narodov; ed. by I.V. Andronova. Moscow, 2016: 122—126. (In Russ).
10. Podberjozkina O.A. Transportnye koridory v rossijskih integracionnyh proektah (na primere EAJeS). *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2015; 1(40): 57—65. (In Russ).
11. *Statisticheskaja sluzhba Vsemirnogo Banka*. Available from: <http://www.worldbank.org/>. (In Russ).
12. *Transportnaja strategija RF na period do 2030 goda Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 22 nojabrja 2008 g. № 1734-r*. (In Russ).
13. *Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki Rossii*. Available from: <http://www.gks.ru/>. (In Russ).
14. Huncze Ch. “Jekonomicheskij pojas Shelkovogo puti i Morskoj Shelkovyj put' 21-go ve-ka” s tochki zrenija jekspertov KNR. *Nauka i Mir*. 2015; 7(23): 184—186. (In Russ).

Информация об авторе:

Лысенко Алла Анатольевна — аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: ira.ivanova.1016.@gmail.com).

Information about the author:

Lysenko Alla A. — postgraduate student of the Department of Comparative Politics of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: ira.ivanova.1016.@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 09.11.2017.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-60-68

РОЛЬ АФРИКИ В ИНИЦИАТИВЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ «ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ»

К.М. Михайличенко

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье анализируется роль, место и формы участия государств африканского континента в новой стратегии Китая «Один пояс и один путь». Автор дает характеристику уже существующему партнерству между Китайской Народной Республикой и странами Африки, а также их перспективному взаимодействию в рамках проекта Нового Шелкового пути. Особое внимание в китайской инициативе уделяется выявлению плюсов и минусов сотрудничества Китай—Африка.

Ключевые слова: «Один пояс и один путь», Африка, Китай, Морской Шелковый путь XXI века, инвестиции, взаимовыгодное сотрудничество

С приходом к власти Си Цзиньпина внешняя политика Китая вздохнула совершенно по-другому, оживившись новыми подходами. Одной из самых важных инициатив XXI века, выдвинутой нынешним Председателем КНР, стал проект «Один пояс и один путь». Данная идея была озвучена Си Цзиньпином во время его визита в Казахстан в сентябре 2013 года в форме «Экономического пояса Шелкового пути» [10], простирающегося от Азии до Европы, а в октябре этого же года в Индонезии в виде «Морского Шелкового пути XXI века» [10], в свою очередь начинаясь в Поднебесной, проходя вдоль Индийского океана до Восточной Африки, а затем и Европы.

Новый Шелковый путь — это далеко не первая попытка возрождения Великого Шелкового пути, так как кроме Китая усилия в этой области делали США, ЕС, Индия и другие страны [16]. На данный момент Китай, в отличие от других государств, является единственным государством у кого эта попытка осуществляется не только на бумаге, а происходит на практике.

Стратегия «Один пояс и Один путь» с самого начала показала свои высокие амбиции, тем самым подвергаясь сильной критике по поводу своей нереализуемости, однако этот проект вскоре дал понять, что китайская инициатива не сойдет быстро с дистанции без широкомасштабного воздействия.

Хотя в фокусе Нового Шелкового пути в основном больше видятся взаимоотношения с Европой, странами Центральной и Юго-Восточной Азии, а также уделяется внимание евразийским проектам, тем не менее Африка для Китайской Народной Республики в рамках «Один пояс и Один путь» является одним из важнейших регионов.

В декабре 2015 года в Йоханнесбурге состоялся Форум сотрудничества Китай—Африка, прошедший под эгидой «Продвижения к взаимному выигрышу

и совместному развитию», на котором был принят план действий между государствами на 2016—2018 годы [2. С. 34]. Были определены пять опорных пунктов взаимодействия: 1) взаимный выигрыш в экономике; 2) доверие и равенство в политике; 3) обмены в культурной сфере; 4) взаимопомощь в безопасности; 5) сотрудничество в международных отношениях. К тому же были установлены приоритетные планы сотрудничества между Поднебесной и африканскими странами, например, в таких областях, как инфраструктура, финансы, здравоохранение, инвестиции, торговля, модернизация, индустриализация и др. [9].

Также в декабре 2015 года между Китайской Народной Республикой и Африканским Союзом было подписано меморандум о взаимопонимании в области объединения 54 государств Африки транспортными и другими коммуникациями инфраструктуры внутри континента [2. С. 163—164], что сразу привело к строительству железных дорог «Чад—Судан», «Лагос—Калабар», «Найроби—Момбаса» и др.

Начиная с 2016 года установки между китайским правительством и государствами африканского континента, выработанные на форуме, приняли форму активной реализации, что, таким образом, привело ко множеству встреч, переговорам в различных областях в рамках проекта «Один пояс и один путь» и Форума сотрудничества Китай — Африка, по итогам которых было подписано огромное количество соглашений и началось еще более серьезное углубление двусторонних связей.

Китайская Народная Республика стремится построить крепкие отношения и достигнуть продуктивного и взаимовыгодного сотрудничества при помощи инициативы «Один пояс и один путь» с большинством стран Африки. Ранее маршрут Великого Шелкового пути не обходил стороной Африку, а наоборот, пролегал через нее. Одним из первых государств, которое предстает и может иметь весомую роль на Морском Шелковом пути из Китая, выступает Мадагаскар, с которым уже давно есть сотрудничество. Сейчас экономика Мадагаскара развита не сильно, поэтому участие в китайском проекте может весьма поменять такое положение дел, притом что Мадагаскар имеет очень удобное географическое расположение, что может дать ему преимущество и превратить его в важный транспортный центр. Во время визита министра иностранных дел КНР две страны определили план работы в направлениях энергетики, туризма, медицины, рыболовства, сельского хозяйства, инфраструктуры и др. [1].

Также благодаря своему географическому положению Республика Маврикий имеет все шансы, чтобы быть активным участником Нового Шелкового пути и стать не менее важным логистическим узлом, чем Мадагаскар.

Партнерство с Танзанией главным образом ориентировано на модернизацию ее железных дорог, строительство соответствующей инфраструктуры, а также развитие морских портов и их состыковки с железнодорожными ветками.

Республика Конго прежде всего привлекает китайское правительство сотрудничеством в проектах развития логистических и промышленных центров, а также партнерством в экономической зоне в Пуэнт-Нуаре [1].

Китай сотрудничает не только с государствами, которые имеют выход к морю. Замбия находится внутри континента, но это не мешает ей в дальнейшем стать участницей Нового Шелкового пути. Поднебесная уже инвестировала в строительство железной дороги Замбия — Танзания и не намерена на этом останавливаться, так как считает Замбию надежной в сотрудничестве и хочет больше вкладывать в развитие страны, тем самым приближая ее к более активной внешней торговле.

В Эфиопии на данный момент весьма низкая стоимость труда, в связи с чем одним из основных пунктов взаимодействия являются человеческие ресурсы. Например, в последнее время идет увеличение инвестиций в текстильную промышленность, так как стоимость пошива одежды в Эфиопии обходится в несколько раз дешевле, чем в Поднебесной. Однако партнерством в этой области страны не ограничиваются, а идут к совместному прогрессу, развиваясь в таких областях, как безопасность, управление, производство.

Интересным китайским партнером является Зимбабве. На данный момент это африканское государство, которое пребывает в состоянии воздействия западных санкций, вследствие чего его экономическое сотрудничество со многими странами весьма ограничено, поэтому Китай для Зимбабве выступает хорошей альтернативой и уже стал ее крупнейшим торговым партнером. КНР оказывает огромную помощь экономике Зимбабве, предоставляя большой объем инвестиций (порядка 9,41 млрд долларов [1]), кадры, кредиты и т.д.

Ведут работу по расширению и развитию дружественного, открытого и взаимовыгодного сотрудничества, политического доверия, партнерства с финансовой, промышленной, инфраструктурной и др. сферах Мозамбик и Китай, Гана и Китай. ЮАР высказал готовность выйти на совершенно новый уровень развития и укрепления взаимодействия и доверия.

Нельзя не отметить активность и серьезный сдвиг в политических и экономических отношениях между Китайской Народной Республикой и Гамбией, с которой в 2016 году были восстановлены после более чем двадцатилетнего перерыва дипломатические отношения [5].

Несмотря на такое большое количество стран, вовлеченных в проект «Один пояс и один путь», есть несколько государств, которые играют более весомую роль для китайской стратегии.

Одной из таких стран является Кения. Здесь Пекин привлекают кенийские порты. Морской Шелковый путь, проходя Малайзию, Индийский океан, достигнет портов Кении (Момбасу и Ламу), после чего сможет, пересекая Красное море и Суэцкий канал, выйти к государствам Средиземноморья, а затем перейти в сухопутный маршрут Нового Шелкового пути. Кроме того, Кения интересна КНР своей наземной частью. Китайская сторона уже построила новую железную дорогу в стране, соединяющую Найроби и Момбасу, которая в конечном итоге должна достигнуть и связать Уганду, Руанду и Демократическую Республику Конго.

Среди важных стран сотрудничества, без которых невозможна реализация Морского Шелкового пути в XXI веке в его основном варианте, следует выделить Египет. Все понимают, что без Суэцкого канала, с помощью которого грузы из Индийского океана транспортируются в Средиземное море и быстрее достигают

Европы, морская часть проекта становится нерентабельной. Поэтому Си Цзиньпин предложил президенту Египта достичь консенсуса в стратегиях развития государств, сделал Египет ключевым элементом в маршруте Морского Шелкового пути.

Таким образом, китайская инициатива все больше захватывает африканский континент, подключая все время новых участников. Под эгидой проекта Нового Шелкового пути сотрудничество, основываясь на доверии, дружбе, взаимной выгоде, политической стабильности, уважении и открытости продвигается на новый уровень. С каждым днем растет влияние КНР на прогресс в экономике государств Африки, благодаря возросшим инвестициям почти в восемнадцать раз (в 2016 году показатель достиг 36,1 млрд долларов) [5]. Происходит реализация огромного количества проектов в рамках «Одного пояса и одного пути». Все это приводит к тому, что такое количество финансовых вложений не может оставаться незащищенным. Поэтому здесь внимание переключается на еще одну важную для китайской стратегии страну — Джибути.

1 августа 2017 года Китай открыл в Джибути первую военную базу за рубежом [8]. Реакция Запада была незамедлительна и несла негативный оттенок. В его глазах Китай приступил к реализации своих геополитических интересов, сдерживая США и другие страны. Официальные причины создания за пределами Поднебесной первого военного объекта — это поддержание безопасности и мира в Африке, содействие китайскому флоту в сопровождении судов около Сомали, обеспечение гуманитарной помощи [4]. Также китайская сторона делает акцент на том, что на этой базе не будут происходить крупные учения и т.д., и использоваться она будет как некая поддержка.

Выбор основания первой китайской зарубежной военной базы на Джибути пал неслучайно. Если посмотреть на географическую карту, то первая причина окажется видна сразу. Джибути имеет важнейшее геостратегическое положение, соединяя Европу, Азию и Африку, являясь воротами в Красное море на самом важном морском торговом пути в мире. Проблема заключается в том, что это крайне нестабильное и небезопасное место. Дело в том, что здесь очень узкая территория, на которой цветет террористическая активность, пиратство с Сомали и война в Йемене, в следствии чего прохождение судов в этом месте — это всегда опасно. Поэтому Китаю весьма важен контроль безопасности логистических путей этого участка Морского Шелкового пути.

Однако КНР не единственная, кто проявляет интерес к этому месту на карте. В Джибути уже давно помимо нынешнего Китая расположила свои силы военная база США, имеющая довольно большое количество военных и техники, а также в регионе находятся японские, немецкие, итальянские военнослужащие. В силу такого активного присутствия других государств Поднебесная просто не может остаться равнодушной к данной точке на карте мира, где пересекается множество стратегических интересов как политического, так и экономического характера.

Как уже говорилось выше, одной из причин основания китайской военной базы в Джибути является поддержание мира и безопасности в Африке. Однако это предполагает участие китайской стороны не только в разного рода миротворческих мероприятиях, но также и помощь в подготовке африканских вооруженных сил

(Си Цзиньпин в 2015 году обещал выделить около 60 млн долларов на формирование Африканских сил постоянной готовности) [4]. Плюс ко всему в силу того, что проект «Один пояс и один путь» активно реализуется и уже на африканском континенте находится более 1 млн китайских граждан, а Африка — это не самое безопасное место в мире, то вопрос об эвакуации на случай непредвиденных ситуаций встает сам собой.

На данный момент у КНР и Эфиопии товарооборот составляет около 1,5 млрд долларов [4], на инвестиции Поднебесной (4 млрд долларов) построена и введена в эксплуатацию первая электрифицированная железная дорога на африканском континенте Аддис-Абеба — Джибути, поэтому Джибути — это такое окно в Эфиопию, которое Китай не может закрыть и оставить без внимания.

Военная база в Джибути для Китая представляет большой интерес в силу того, что Поднебесная весьма озабочена безопасностью Баб-эль-Мандебского пролива, через который идет транспортировка нефти из Южного Судана и Судана.

Таким образом, в результате мы видим, что Джибути сейчас выступает одним из ключевых элементов на Морском Шелковом пути XXI века, который будет получать много выгоды от китайского проекта, а именно: большие инвестиции, развитие транспортной инфраструктуры, сферы услуг, производства и т.д. Несмотря на очевидный выигрыш Джибути, КНР, реализуя свои национальные интересы, выиграет в несколько раз больше.

Однако также следует отметить, что военная база в Джибути — это не логическое завершение в китайском проекте (решение вопроса безопасности), а это только начало. По плану КНР необходимо создать «Жемчужную нить», которая представляет из себя целых двадцать военно-морских баз, находящихся вдоль Индийского океана и в Южной Азии [3. С. 165], чтобы обеспечить надежную защиту Морского Шелкового пути XXI века от различных видов угроз.

В целом, от сотрудничества с Китаем в рамках инициативы «Один пояс и один путь» Африка получает множество плюсов, таких как модернизация и строительство инфраструктуры, предоставление военной помощи, развитие медицины, образования, информационных коммуникаций и технологий, содействие в уходе от сырьевой зависимости и переходе на промышленное производство, обеспечение работой местного населения, что должно привести государства на африканском континенте к некой политической, экономической и социальной стабильности. Более половины населения Африки положительно оценивают китайских инвесторов, считая, что их капиталовложения оказывают позитивное влияние на их страну, однако, если посмотреть с другой стороны, то все не настолько просто и есть ряд сложностей.

Сейчас одной из главных африканских проблем выступает безработица. Поэтому возлагаются большие надежды на проект «Один пояс и один путь», так как в его рамках планируется много рабочих во всех сферах этой инициативы, что само собой подразумевает создание новых рабочих мест. В силу того, что работники с африканских государств не обладают теми знаниями, умениями и навыками, которые используют китайские коллеги, а также нежелание Поднебесной делиться своими достижениями — все это приводит к тому, что в Африку приез-

жает огромное число китайских работников (уже более 1 млн человек), а это в свою очередь ставит под сомнение создание новых рабочих мест. Хотя именно помощь по безработице может дать эффективный результат. Если людям дать возможность зарабатывать, то, в первую очередь, их социальная стабильность будет улучшаться, а это значит, что «климат» внутри континента станет более благоприятным.

Помимо вопроса безработицы интересным остается вопрос о людях, тех, кому досталась работа в китайских компаниях. По некоторым сведениям, до пятидесяти процентов африканцев недовольны условиями труда (например, нарушение правил безопасности), что в итоге иногда приводит китайскую сторону к негативным последствиям, таким как лишение прав китайских фирм на добычу полезных ископаемых, изъятие прав на разработку богатых месторождений и т.д. [З. С. 168].

Китайская Народная Республика, благодаря сотрудничеству с государствами Африки, которые в свою очередь имеют дешевую рабочую силу, переносит в них множество своих производственных мощностей. А так как Китай славится своим далеко не высокоэкологичным производством, то сама собой появляется проблема экологического загрязнения.

Из-за мощной экономики КНР и ее огромных объемов продукции местному бизнесу очень сложно выдержать конкуренцию с таким сильным игроком.

Однако несмотря на все эти отрицательные моменты не стоит забывать, что сам Китай, в отличие от многих других стран, которые просто боятся вкладывать в Африку, весьма сильно рискует и будет рисковать в течение всей реализации проекта «Один пояс и один путь», так как Африка славится своей крайней нестабильностью — это частые смены режимов, высокая террористическая активность, политическая, социальная и экономическая дестабилизации, а также неустойчивый инвестиционный климат.

Подводя итог вышесказанному, следует сделать некоторые выводы. С самого выдвижения инициативы Нового Шелкового пути этот проект представлялся только интеграцией Азии и Европы, однако с каждым годом его осуществления данное предположение становится неверным. Африка, ранее казавшаяся весьма далекой от этого процесса, сейчас является активной его составляющей. КНР устанавливает дипломатические отношения, открывает посольства, принимает совместно с африканской стороной план стратегического партнерства на 2016—2018 гг.

В экономической сфере круг интересов КНР сосредоточен в том, чтобы уменьшить замедление роста экономики Китая, создать сырьевую базу за границей, подготовить инфраструктуру и перенести производство за рубеж, сформировать и облегчить логистику продукции и ресурсов в предприятия Китая и других сотрудничающих с ним стран, обеспечение новыми рабочими местами китайских работников. В политической области интересы Поднебесной представляют собой: трансформацию отношений КНР и африканскими странами, распространение китайской модели экономического развития, стремление Китая заявить о себе как о лидере среди развивающихся стран, сделать материальный фундамент для создания у государств Африки, участвующих в инициативе, внешнеполитический

вектор прокитайской направленности, а самое главное установить свое влияние. Имея такую мощную финансовую подушку, перед КНР открывается масса возможностей. Делая огромные инвестиции, Китай наращивает большое количество союзников, друзей, партнеров, которые становятся частью его влияния, таким образом превращая экономическое основание в политическое превосходство.

КНР позиционирует свои отношения с Африкой не как проведение политики помощи, а как сотрудничество и крепкое партнерство. Официально Китай рассматривает Новый Шелковый путь в качестве взаимовыгодного экономического проекта и является сторонником невмешательства во внутреннюю политику стран. Однако несмотря на такую позицию КНР реализует в Африке свои многочисленные геополитические, а также экономические амбиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Африканские горизонты «Нового Шелкового пути» // Новое Восточное обозрение NEO. Режим доступа: <https://ru.journal-neo.org/2017/03/31/afrikanskie-gorizonty-novogo-shelkovogo-puti/>.
2. Коваленко В.Н. Экономическое сотрудничество со странами Африки в глобальной стратегии КНР // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы Тезисы докладов XXII Международной научной конференции. Российская академия наук; ФГБУН Институт Дальнего Востока Российской академии наук; Научный совет РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая. М., 2016.
3. Сафронова Е.И. Проект «Один пояс, Один путь» в контексте стран Африки и Латинской Америки // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2016. Т. 21. № 21.
4. Официальный сайт Российского совета по международным делам. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/>.
5. Официальный сайт информационного агентства REGNUM. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2276109.html>.
6. Официальный сайт Коммерсант.ru. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/?from=logo>.
7. Официальный сайт РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/>.
8. Официальный сайт Lenta.ru. Режим доступа: <https://lenta.ru/>.
9. Официальный сайт Синьхуа новости. Режим доступа: <http://russian.news.cn/>.
10. Официальный сайт Renmin Ribao. Режим доступа: <http://www.people.com.cn/>.
11. Официальный сайт The Chinafrica project. Режим доступа: <http://www.chinaafricaproject.com/>.
12. Ekman A., Nicolas F., Seaman J., et. al. Three years of China's New Silk Roads: From Words to (Re)action? // Ifri, February 2017.
13. China's new silk road gets off the mark // African business. Режим доступа: <http://africanbusinessmagazine.com/sectors/infrastructure/chinas-new-silk-road-gets-off-mark/>.
14. The New Silk Road: a development opportunity for Africa? // Ideas for development. Режим доступа: <http://ideas4development.org/en/the-new-silk-road-a-development-opportunity-for-africa/>.
15. There's one major pitfall for African countries along China's new Silk Road // Quartz. Режим доступа: <https://qz.com/1144387/world-aids-day-south-africa-could-slow-aids-if-more-people-took-treatment-earlier/>.
16. Where Africa fits into China's massive Belt and Road Initiative // The conversation. Режим доступа: <http://theconversation.com/where-africa-fits-into-chinas-massive-belt-and-road-initiative-78016>.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-60-68

AFRICA'S ROLE IN CHINESE PEOPLE'S REPUBLIC INITIATIVE "ONE BELT AND ONE ROAD"

K.M. Mikhaylichenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article analyses the role, place and forms of African countries' participation in the new China's strategy "One Belt and One Road". The author describes the existing partnership between China and African countries and their future interaction within the New Silk Road. China's initiative pays special attention to identification of positive and negative sides of China—Africa cooperation.

Key words: "One Belt and One Road", Africa, China, The Maritime Silk Road, investments, mutually beneficial cooperation

REFERENCES

1. Afrikanskije gorizonty "Novogo Shelkovogo puti". *Novoe Vostochnoe obozrenie NEO*. Available from: <https://ru.journal-neo.org/2017/03/31/afrikanskije-gorizonty-novogo-shelkovogo-puti/>. (In Russ).
2. Kovalenko V.N. Jekonomicheskoe sotrudnichestvo so stranami Afriki v global'noj strategii KNR. *Kitaj, kitajskaja civilizacija i mir. Istorija, sovremennost', perspektivy Tezisy dokladov XXII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Rossijskaja akademija nauk; FGBUN Institut Dal'nego Vostoka Rossijskoj akademii nauk; Nauchnyj sovet RAN po problemam kompleksnogo izuchenija sovremennogo Kitaja*. Moscow, 2016. (In Russ).
3. Safronova E.I. Proekt "Odin pojas, Odin put'" v kontekste stran Afriki i Latinskoj Ameriki. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'*. 2016; Vol. 21; 21. (In Russ).
4. The official website of Russian international affairs council. Available from: <http://russiancouncil.ru/>. (In Russ).
5. The official website of REGNUM information agency. Available from: <https://regnum.ru/news/2276109.html>. (In Russ).
6. The official website Of.ru. Available from: <https://www.kommersant.ru/?from=logo>. (In Russ).
7. The official website of RIA Novosti. Available from: <https://ria.ru/>. (In Russ).
8. The official website of Lenta.ru. Available from: <http://lenta.ru>. (In Russ).
10. The official website of Renmin Ribao. Available from: <http://www.people.com.cn/>.
11. The official website of the Chinafrica project. Available from: <http://www.chinaafricaproject.com/>.
12. Ekman A., Nicolas F., Seaman J., et. al. Three years of China's New Silk Roads: From Words to (Re)action? *Ifri*. February 2017.
13. China's new silk road gets off the mark. *African business*. Available from: <http://africanbusinessmagazine.com/sectors/infrastructure/chinas-new-silk-road-gets-off-mark/>.
14. The New Silk Road: a development opportunity for Africa? *Ideas for development*. Available from: <http://ideas4development.org/en/the-new-silk-road-a-development-opportunity-for-africa/>.
15. There's one major pitfall for African countries along China's new Silk Road. *Quartz*. Available from: <https://qz.com/1144387/world-aids-day-south-africa-could-slow-aids-if-more-people-took-treatment-earlier/>.

16. Where Africa fits into China's massive Belt and Road Initiative. *The conversation*. Available from: <http://theconversation.com/where-africa-fits-into-chinas-massive-belt-and-road-initiative-78016>.

Информация об авторе:

Михайличенко Кристина Михайловна — аспирантка кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: mihailmik@mail.ru).

Information about the author:

Mikhaylichenko Christina M. — postgraduate student of the Department of Comparative Politics of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: mihailmik@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 11.11.2017.

СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-69-75

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ ФРАНЦИИ НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНА ОКСИТАНИЯ

Е.В. Викторова, Д.А. Петренко

Международный информационно-аналитический центр
Санкт-Петербургского государственного экономического университета
ул. Садовая, 21, Санкт-Петербург, Россия, 191023

Статья посвящена анализу социально-политических проблем интеграции мигрантов во Франции на примере региона Окситания. В статье рассмотрены меры и программы по интеграции и адаптации иммигрантов, предпринимаемые негосударственными организациями региона Окситания.

Ключевые слова: миграция, миграционный кризис, интеграция, адаптация мигрантов, регион Окситания, общественные и благотворительные организации

В последнее время проблема внешней миграции значительно политизировалась и стала наиболее актуальной для Франции и Евросоюза в целом. Это связано с тем, что с лета 2014 года Европа страдает от крупнейшего со времен Второй мировой войны миграционного кризиса, причиной которого является многократное увеличение потока беженцев и нелегальных мигрантов в Европу из стран Ближнего Востока, Южной Азии и Северной Африки.

Массовый приток иностранцев поставил под угрозу культурную идентичность европейцев, а в связи с ростом исламского экстремизма и терроризма — и безопасность государств. Таким образом, в последние годы правительства европейских стран стараются как можно быстрее интегрировать мигрантов в общество.

ОПИСАНИЕ РЕГИОНА ОКСИТАНИЯ

В настоящее время во Франции находится около 6 млн легальных мигрантов, они составляют почти 9% от всей численности населения. По количеству иммигрантов страна занимает 6 место в мире и 4 место в ЕС. При этом количество прибывающих увеличивается ежедневно [7].

Негосударственные организации являются важным элементом процесса интеграции мигрантов и беженцев. При их участии реализуются многие национальные и региональные адаптационные программы. Они активно контактируют и сотрудничают с муниципальными властями. Многие программы помощи мигрантам

финансируются благотворительными организациями. Кроме того, общественные организации часто помогают и незарегистрированным мигрантам, в то время как программы государственных органов касаются только легальных мигрантов.

В статье рассматривается роль негосударственных организаций на примере региона Окситания. Данный регион выбран для исследования, поскольку он является лидером во Франции по количеству въездов беженцев и иммигрантов (около 140 тыс. чел. в год начиная с 2014 года). Это связано с географическим положением: Окситания расположена на границе с Испанией и на берегу Средиземного моря. В Окситании проживает 470 388 иммигрантов, что составляет 8,4% всего населения региона. По доле мигрантов в население региона Окситания занимает 5 место после Иль-де-Франс, Корсики, Прованс-Альпы-Лазурный Берег и Овернь-Рона-Альпы.

Окситания входит в число регионов Франции с самым высоким уровнем безработицы и одним из самых низких уровней жизни населения. Кроме того, регион характеризуется крайней неравномерностью территориального развития, т.к. население и экономическая деятельность сконцентрированы в главных агломерациях региона — Тулузе и Монпелье. Поэтому интеграционная политика в Окситании имеет свою специфику, отличную от других регионов Франции. Деятельность региональных общественных организаций учитывает эту специфику и направлена на решение существующих в регионе социальных проблем.

В Окситании большую часть мигрантов составляют выходцы из Европейского Союза (45,2%), среди которых в силу географического положения и исторических особенностей региона преобладают испанцы, португальцы и итальянцы. В регионе большая доля иммигрантов из Африки и Азии — 34,3%. Как и во всей Франции, традиционно в регион мигрировали в основном граждане Марокко, Алжира, Туниса и Турции. Однако в связи с войнами и нестабильной ситуацией на Ближнем Востоке в последние годы к числу мигрантов добавились выходцы из Ливии и Сирии. Остальные 20,5% мигрантов из других стран [4].

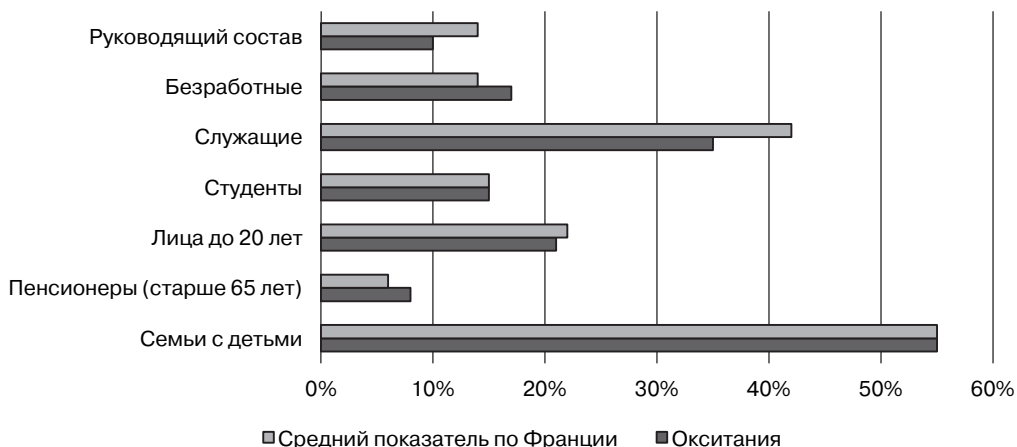

Рис. 1. Состав мигрантов в регионе Окситания в 2015 году [2. С. 2]

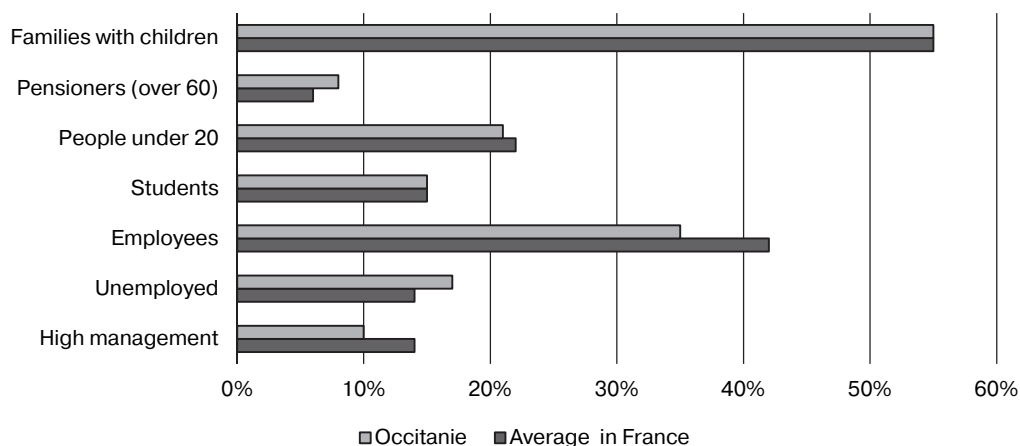

Fig. 1. The makeup of immigrants in the Occitanie region [2. P. 2]

Как видно из диаграммы, больше всего в регион приезжают семьи с детьми и служащие. Число безработных мигрантов и пенсионеров в регионе больше, чем в среднем во Франции, а вот руководителей и служащих проживает меньше, чем в целом по стране.

ПРОГРАММЫ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ДЛЯ ИММИГРАНТОВ

С 2015 года региональный совет региона Окситания активно сотрудничает с ассоциацией «Демократия и благосостояние в Сирии» («*Démocratie et Entraide en Syrie*»). Целью данного сотрудничества является предоставление молодым беженцам возможности начать или продолжить обучение в университетах. В рамках сотрудничества беженцы получают стипендию в размере 500 € в месяц (6 000 € в год) на покрытие стоимости обучения и стоимости общежития. По состоянию на 2016 год такую стипендию получили 20 беженцев из Сирии и Палестины.

Для получения стипендии необходимо иметь подтвержденный статус беженца.

Как и в других европейских странах, этот статус подразумевает под собой преследования, пытки, дискриминацию человека на родине. Для того чтобы получить официальный статус беженца, необходимо представить убедительные доказательства преследования или дискриминации. Существует возможность подать ходатайство на получения статуса беженца, находясь на территории Франции [6].

Важным элементом политики интеграции является понимание законов страны. В Окситании совместно с центром «Гражданская инициатива и юриспруденция» принята региональная бесплатная образовательная программа, направленная на изучение правовых основ Франции. Причем принять участие в программе могут не только жители данного региона, но и желающие со всех регионов страны, единственно, им нужно будет оплатить дорогу.

Программа включает в себя 6 тренингов по трудовому и семейному праву. Знание законов и своих прав крайне необходимо для полноценного проживания в стране.

Но у данной программы есть ряд недостатков. Во-первых, количество участников данного курса строго ограничено, только 15 человек, а значит, далеко не все желающие могут принять участие. Во-вторых, регистрация в программу возможна только онлайн, что также может быть препятствием [8].

В Окситании очень высокий рост безработицы среди иммигрантов. С целью повышения квалификации, развития профессиональных навыков и обеспечения профессиональной безопасности мигрантов в 1985 году в регионе Юг-Пиренеи была создана организация AMS Grand Sud (Большой Юг). Инициатива создания AMS Grand Sud принадлежала представителям профсоюзных организаций и гражданским активистам, которые хотели внести свой вклад в удовлетворение потребностей в обучении рабочих-иммигрантов. Рост организации сопровождался поддержкой государственных органов. За время своего существования организация помогла 9 390 мигрантам, провела 256 704 часов уроков и семинаров. AMS Grand Sud проводит курсы и семинары по следующим направлениям:

- ◆ Изучение французского языка и подготовка к сдаче экзаменов, подтверждающих знание французского языка, DILF и DELF;
- ◆ Развивающие уроки для детей мигрантов;
- ◆ Помощь в профессиональной ориентации мигрантов;
- ◆ Повышение квалификации работников здравоохранения и социальной сферы.

Посещение данных курсов является платным. Например, трехдневные бухгалтерские курсы стоят 215 € на человека. Несмотря на то что организация позиционирует себя как оказывающая помощь мигрантам, подобные цены являются высокими как для мигрантов, так и для среднестатистических жителей Франции [9].

Местные власти региона Окситания поощряют предпринимательскую активность среди иммигрантов. Для стимулирования мигрантов к открытию собственного бизнеса в регионе проводят курсы по основам предпринимательства. Для этого вместе работают несколько организаций:

- ◆ Avenir (Офис по борьбе с безработицей города Тулуза),
- ◆ Arces (Региональная ассоциация развития предпринимательства),
- ◆ Maison de l'initiative (Дом инициативы),
- ◆ Организации, занимающиеся обучением французскому языку,
- ◆ OFII (Французский офис по миграции и интеграции).

Предпринимательские курсы для иммигрантов включают в себя:

- ◆ Лекции (по 2 часа каждая): «Этапы создания бизнеса, Возможные трудности» (документация, финансирование) и «Перспективные направления для бизнеса в регионе»;
- ◆ Углубленные практические занятия (3 часа): «Анализ осуществимости проектов и исследование рынка».

За 2015 год 120 человек посетили лекции и 30 — практические занятия [1].

Для полноценной адаптации мигрантов очень важно предоставление для них возможности получения доступного жилья. На территории Окситании действуют 69 организаций, занимающихся предоставлением социального жилья. Финансирование деятельности данных организаций осуществляется за счет волонтерских взносов и государственных субсидий. В среднем, ежегодно на эту программу тратиться около 8 млн € [5].

Наличие такого большого количества мигрантов из различных регионов мира — представителей разных рас, культур, религий — вызывает иногда негативную реакцию со стороны местного населения. Для того, чтобы способствовать толерантности и уважению к мигрантам, в Окситании проходят культурные мероприятия. Например, в 2013 году в Тулузе прошел форум, посвященный истории миграции в регионе. В форуме приняли участие деятели культуры и искусства, спорта, а также представители регионального бизнеса [1. Р. 12].

Форум был организован Региональным управлением по делам молодежи, спорта и социальной сплоченности. Спонсорами выступили различные региональные коммерческие организации и комитеты.

В рамках форума были проведены лекции, дебаты, концерты, выставки, кинопоказы, конкурсы, обращающие внимание жителей на вклад мигрантов в развитие региона.

Таким образом, в Окситании проводится активная интеграционная и адаптационная политика. В регионе работают как государственные, так и региональные организации, занимающиеся улучшением условий жизни мигрантов и их интеграцией во французское общество и рынок труда, осуществляются разнообразные платные и бесплатные программы.

Однако необходимо отметить, что высока доля мигрантов, которые не хотят или не могут интегрироваться. Одним из основных факторов, препятствующих интеграции, является уровень владения французским языком.

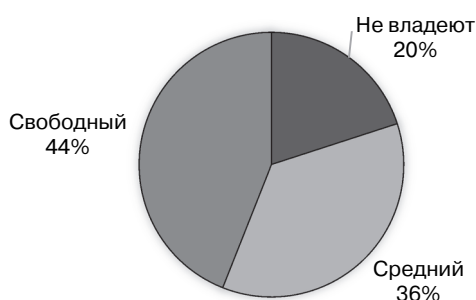

Рис. 2. Уровень образования и владения французским языком мигрантов в регионе Окситания [3]

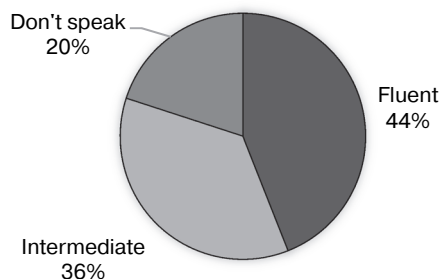

Fig. 2. Level of the knowledge of the French language of the immigrants in the Occitanie region [3]

Значительная доля иммигрантов (38%) не имеет высшего образования, а следовательно, не может рассчитывать на высокооплачиваемую работу. Кроме того, свободно говорят на французском языке только 44% мигрантов, а 20% вообще не знают язык. Это еще более затрудняет интеграцию мигрантов в региональный рынок труда. Поэтому 19% иммигрантов, проживающих в Окситании, являются безработными и живут только за счет пособий от государства.

Таким образом, в рамках единой государственной и региональной политики по работе с иммигрантами в регионе Окситания:

- 1) проводится активная интеграционная и адаптационная политика;
- 2) в регионе сотрудничают государственные и негосударственные организации, занимающиеся улучшением условий жизни мигрантов и их интеграцией во французское общество и рынок труда,
- 3) реализуются платные и бесплатные образовательные программы по изучению французского языка и основам бизнеса;
- 4) проводятся культурные мероприятия для повышения толерантности местного населения к мигрантам;
- 5) организуется помощь в адаптации иммигрантов к реалиям французского рынка труда и улучшению бытовых условий жизни мигрантов;
- 6) несмотря на все проводимые меры по интеграции, многие иммигранты не владеют французским языком и не имеют достаточного образования и необходимого уровня квалификации, чтобы найти работу и стать полноценными членами французского общества, что потенциально создает риски национальной безопасности и политической дестабилизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Actions et dispositifs à l'attention des primo-arrivants // Отчет Департамента по делам молодежи, спорта и социальной сплоченности региона Окситания — 2016 г.
2. INSEE (Национальный институт статистики и экономических исследований Франции), L'Occitanie au regard des autres régions métropolitaines: dynamisme, précarité et contrastes / аналитический обзор. Март 2017. № 40.
3. INSEE Analyses, L'intégration sur le marché du travail des signataires du Contrat d'accueil et d'intégration / Languedoc-Roussillon-Midi-Pyrénées. 10.2015.
4. L'Ofpra en chiffres / Бюро по защите беженцев и апатридов (OFPRA). Режим доступа: <http://www.ofpra.gouv.fr/fr/l-ofpra/l-ofpra-en-chiffres/focus-sur-la-syrie>.
5. L'union social pour l'habitat // Le logement social en Occitanie Chiffres Clés. Режим доступа: http://www.habitat-midipyrenees.org/fichierspublic/chiffres-cles/2016_chiffres-cles_Occitanie.pdf.
6. Occitanie / Pyrénées-Méditerranée aide 20 étudiants réfugiés syriens et palestiniens à poursuivre leurs études sur le territoire régional. Режим доступа: <http://www.laregion.fr/Occitanie-Pyrenees-Mediterranee-aide-20-etudiants-refugies>.
7. Présentation stratégique de la politique transversal, Politique française de l'immigration et de l'intégration — 2015 // Министерство иностранных дел Франции.
8. Programme régional 2015/2016 de de formation des acteurs de l'intégration au droit des étrangers // URL: <http://www.languedoc-roussillon.drjcs.gouv.fr/spip.php?article224> — 2015 г.
9. Официальный сайт организации AMS Grand Sud. Режим доступа: <http://www.ams-grandsud.fr/qui-sommes-nous/nos-references/>.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-69-75

ACTIVITY OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN THE INTEGRATION POLICY OF FRANCE BY THE EXAMPLE OF THE OCCITANIE REGION

E.V. Viktorova, D.A. Petrenko

International Analytic Center, Saint-Petersburg State University of Economics
Sadovaya str. 21, Saint-Petersburg, Russia, 191023

Abstract. The article is devoted to the problem of the integration of migrants in the region Occitanie in France and to the activities of regional non-governmental organizations dealing with this problem. The special focus is on the role of public and charitable organizations in the French integration policy because they directly contact immigrants, including illegal ones, actively participate in the implementation of many state programs, as well as conduct their own activities. The migration situation in France and in Occitanie is examined and measures. The programs for the integration and adaptation of immigrants, undertaken by non-state organizations of the Occitania region, are analyzed in the article.

Key words: migration, migration crisis, integration, adaptation of immigrants, Occitanie region, public and charitable organizations

REFERENCES

1. Actions et dispositifs à l'attention des primo-arrivants. *Report of the Department for Youth, Sport and Social Cohesion of the Occitanie Region — 2016*.
2. INSEE, *L'Occitanie au regard des autres régions métropolitaines: dynamisme, précarité et contrastes*. 03.2017; 40.
3. INSEE Analyses, *L'intégration sur le marché du travail des signataires du Contrat d'accueil et d'intégration, Languedoc-Roussillon-Midi-Pyrénées*. 10.2015.
4. L'Ofpra en chiffres. OFPRA. Available from: <http://www.ofpra.gouv.fr/fr/l-ofpra/l-ofpra-en-chiffres/focus-sur-la-syrie>.
5. L'union social pour l'habitat. *Le logement social en Occitanie Chiffres Clés*. Available from: http://www.habitat-midipyrenees.org/fichierspublic/chiffres-public/chiffres-cles/2016_chiffres-cles_Occitanie.pdf.
6. Occitanie. *Pyrénées-Méditerranée aide 20 étudiants réfugiés syriens et palestiniens à poursuivre leurs études sur le territoire régional*. Available from: <http://www.laregion.fr/Occitanie-Pyrenees-Mediterranee-aide-20-etudiants-refugies>.
7. *Présentation stratégique de la politique transversale, Politique française de l'immigration et de l'intégration — 2015*. Ministry of Foreign Affairs of France.
8. *Programme régional 2015/2016 de de formation des acteurs de l'intégration au droit des étrangers*. Available from: <http://www.languedoc-roussillon.drjcs.gouv.fr/spip.php?article224>.
9. *Official web site of AMS Grand Sud*. Available from: <http://www.ams-grandsud.fr/qui-sommes-nous/nos-references/>.

Сведения об авторах:

Викторова Елена Владимировна — кандидат экономических наук, MBA, директор Международного информационно-аналитического центра Санкт-Петербургского государственного экономического университета (e-mail: elena.viktorova@mail.ru).

Петренко Дарья Александровна — ведущий эксперт Международного информационно-аналитического центра Санкт-Петербургского государственного экономического университета (e-mail: Dept.miac@unecon.ru).

Information about the authors:

Viktorova Elena V. — PhD, MBA, director of International Analytic Center, Saint-Petersburg State University of Economics (e-mail: elena.viktorova@mail.ru).

Petrenko Daria A. — leading expert of International Analytic Center, Saint-Petersburg State University of Economics (e-mail: Dept.miac@unecon.ru).

Статья поступила в редакцию 11.11.20117.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-76-88

ИСПЫТАНИЕ ЦЕННОСТЯМИ: ПРОБЛЕМА БЕЖЕНЦЕВ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ «АЛЬТЕРНАТИВЫ ДЛЯ ГЕРМАНИИ»

А.В. Федина

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России
пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

Статья посвящена анализу причин успеха партии «Альтернатива для Германии» на региональных выборах в 2016—2017 гг., а также на выборах в Бундестаг в сентябре 2017 г.

Используя в качестве аналитического инструмента для классификации идейных позиций немецких партий двухмерную систему координат, помимо традиционного идеологического измерения включающую также ценностную ось, автор показывает, что проблема беженцев, апеллирующая к ценностным установкам нации, поставила многие партии в тупик, поскольку выбор любой однозначной стратегии в отношении беженцев предполагал высокие риски утраты электоральной поддержки. В этой ситуации в выигрыше оказались партии, которым удалось четко артикулировать свои ценностные установки. Это прежде всего «Альтернатива».

Таким образом, подъем «Альтернативы» обусловлен «ценностным вакуумом» в партийной жизни Германии, образовавшимся в результате проводимой канцлером А. Меркель прогрессивной политики «открытых дверей» по отношению к беженцам. Значительное внимание уделяется разбору причин выбора данной политики, нетипичной для преимущественно центристской партии ХДС.

На основании проведенного анализа сделан вывод, что, несмотря на электоральные успехи, политическое влияние «Альтернативы» будет существенно ограничено отсутствием желания других партий устанавливать контакты и налаживать межпартийные связи с малоопытным политическим игроком, склонным пренебрежительно относиться к достижениям немецкой демократии и не вписывающимся в рамки современного политического мейнстрима. С другой стороны, ослабление протестного потенциала немецких избирателей способствует уже стартовавший курс на ужесточение иммиграционной политики.

Ключевые слова: «Альтернатива для Германии», выборы в ФРГ, идейные позиции немецких партий, кризис беженцев в Европе

ВВЕДЕНИЕ

Начавшийся в Европе в 2015 г. кризис беженцев имел колоссальные последствия для Германии. Ожесточенные дебаты касательно политики в отношении устремившихся в ФРГ в поисках убежища мигрантов в основном из стран Ближнего и Среднего Востока не только оттеснили остальные темы политической повестки дня на второй план, но и привели к осязаемым изменениям в политико-партийном ландшафте страны.

Наглядными в этом отношении являются итоги региональных выборов 2016—2017 гг., а также федеральных выборов в сентябре 2017 г. В 2016 г. «Альтернатива для Германии» (далее — «Альтернатива») продемонстрировала впечатляющие ре-

зультаты на выборах в землях Баден-Вюртемберг (15,1% голосов), Рейнланд-Пфальц (12,6%), Саксония-Анхальт (24,3%) и Мекленбург — Передняя Померания (20,8%). В последней земле, от которой избирается канцлер Ангела Меркель, «Альтернатива» обошла партию канцлера — Христианско-демократический союз (ХДС). На выборах в ландтаг Берлина ее поддержали 14,2% избирателей.

В 2017 г. «Альтернатива» прошла в ландтаги Саара (6,2%), Шлезвиг-Гольштейна (5,9%) и Северного Рейна-Вестфалии (7,4%). Наконец, на выборах в Бундестаг она получила 12,6% голосов избирателей, заняв третье место.

Как малоопытной («Альтернатива» основана в 2013 г.) и крайне правой партии, известной своими радикальными антииммигрантскими и ксенофобскими высказываниями, удалось добиться столько впечатляющих результатов и серьезно потеснить старые немецкие партии в борьбе за голоса избирателей? Почему именно тема беженцев стала линией размежевания внутри немецкого общества? Каковы политические перспективы «Альтернативы»?

ВОПРОС БЕЖЕНЦЕВ В СИСТЕМЕ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ НЕМЕЦКИХ ПАРТИЙ

Определенной ясности по поставленным выше вопросам можно достичь, используя аналитический инструмент, предложенный немецкими исследователями Р. Тилсом и Й. Рашке. В своей статье [15] они предпринимает анализ актуальной политической повестки ФРГ с помощью координатной плоскости, использующейся для классификации политического спектра европейских партий. За основу взята двухмерная модель [12], которая, помимо стандартной горизонтальной идеологической оси (левый—правый), включает также и вертикальную ценностную ось (авторитарный—либертарианский), предложенную теоретиком либертарианства Д. Ноланом.

Модель была адаптирована немецкими учеными к специфике национальной партийной системы. Идеологическая ось отражает позиции партий относительно источника материальных благ: ее крайняя левая точка соотнесена с идеей социального государства, социальной справедливости и солидарности, крайняя правая — с верой в примат рыночной экономики, заслуг и труда. Нижняя точка ценностной оси — это авторитарные ценности (традиция, национализм, отделение коренного населения от приезжих, требования ассимиляции и подчинения), верхняя — либертарианские прогрессивные ценности (совместное принятие решений, самореализация, эмансипация, защита прав меньшинств).

Если проанализировать ключевые темы общественно-политического дискурса Германии, то обнаружится однозначный крен в сторону материальных благ. К вопросам, активно обсуждаемым немецкими политиками и получающим широкое освещение в СМИ, относятся в первую очередь проблемы пенсионных выплат, борьбы с уклонением от уплаты налогов, нехватки мест в детских садах и выплат материнского пособия. Направленное выделение этих тем в качестве центральных исходит из приоритетных предпочтений электората и объясняется спецификой

немецких партий: четко сформулированная позиция по любой из вышеупомянутых тем отличает одну партию от другой, является идейным ядром партийных программ.

Идеологическая направленность партии, которую можно достаточно точно обозначить на горизонтальной шкале, и является тем маяком, на который привыкли ориентироваться немецкие избиратели. Так, благодаря своей приверженности идее демократического социализма Левая партия («Линке») располагается на крайнем левом фланге этой шкалы, несколько правее от нее находятся «Союз 90/Зеленые» и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), центральное положение занимает блок ХДС/ХСС, а на крайнем правом фланге можно обнаружить отстаивающую принцип минимального вмешательства государства в экономику Свободную демократическую партию (СвДП).

Нынешняя проблема беженцев вносит неразбериху в сложившиеся правила политической игры в силу своей комплексности. Для ее решения немецкому истеблишменту и обществу необходимо дать себе ответ не только на вопросы привычного материального характера (как государство должно контролировать потоки беженцев? из какого — федерального или регионального — бюджета должны быть выделены ресурсы для их содержания? каким образом должны быть распределены эти средства?), но и на вопросы ценностного характера (должна ли Германия принимать беженцев? должна ли ФРГ ограничить право на получение убежища? имеет ли правительство моральное право закрыть границы в силу того, что федеральные службы не справляются с огромным притоком беженцев?)

О том, что ценностный фактор становится доминирующим, свидетельствуют как уверенный успех «Альтернативы» на выборах 2016—2017 гг., так и раскол в тандеме ХДС/ХСС. Отсутствие каких-либо конструктивных инициатив со стороны других политических сил наглядно продемонстрировало трудность достижения внутрипартийного консенсуса по вопросам ценностной направленности.

КРИЗИС БЕЖЕНЦЕВ И КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ В ЗЕРКАЛЕ ПАРТИЙНОЙ ПОЛИТИКИ

Германия, возможно, больше, чем любая другая европейская страна, чувствительна к вопросу миграции и мигрантов. С одной стороны, в ФРГ на протяжении десятилетий существует практика привлечения рабочих-иммигрантов, а культура гостеприимства в отношении беженцев и гуманитарных иммигрантов давно стала неотъемлемой частью образа Германии на мировой арене. При этом либеральная позиция, основанная одновременно на следовании прогрессивным идеалам, соображениях экономической выгоды и чувстве исторической вины, неизменно встречала отпор со стороны более консервативно настроенной части населения, для которой характерны установка на обособленность от всех групп чужестранцев и осознанное противопоставление себя им, требования ассимиляции и сомнение в принципиальной целесообразности иммиграции. Так, согласно исследованию, проведенному специалистами по вопросам интеграции в Университете Билефельда [21], в 2014 г., за год до начала кризиса беженцев, почти одинаковое число

коренных немцев высказывались за и против укрепления культуры гостеприимства в стране (36% и 31%). Половина немецкого населения приветствовала увеличение культурного многообразия в обществе (47,2%), однако четверть немцев (24,8%) выражала скептицизм по этому поводу. Наконец, разница между респондентами, испытывавшими радость от того, что так много мигрантов выбрали Германию своей новой родиной, и теми, кто ее не разделял, также оказалась невелика (35,9% против 28% опрошенных).

Таким образом, несмотря на широкое распространение либертарианских ценностей в результате массовых движений 1960-х гг., консервативные авторитарные ценности не потеряли своего значения, в том числе в силу ярко выраженного этнического характера немецкой нации-государства. При этом присоединение новых германских земель, не имевших большого опыта совместного проживания с чуждыми немцам в этническом и культурном отношении мигрантами, ощутимо склонило чашу весов в пользу авторитарных ценностей.

Кризис беженцев активизировал неразрешенный внутри немецкого общества конфликт между авторитарными и прогрессивными ценностями. Сложности, связанные с определением соотношения этих ценностей в партийном профиле традиционных политических сил, и обусловили ослабление позиций этих сил на региональном и федеральном уровне, а также успех «Альтернативы» (о программе «Альтернативы» см.: [2]).

Этот кризис стал высшей точкой эскалации латентного ценностного конфликта внутри блока ХДС/ХСС. Корни противоречий лежат в более либеральном направлении развития политики ХДС, который был избран А. Меркель в результате ее назначения на пост председателя партии в 2000 г. (1). Либерализация партийного курса была обусловлена спецификой ХДС как электоральной партии [9] и являлась ответом на вызовы времени (3): в 2010 г. федеральное правительство санкционировало предоставление финансовой помощи оказавшейся в затруднительном положении Греции, в 2011 г. приняло решение об отказе от использования ядерной энергетики и об отмене всеобщей воинской повинности.

Данные меры, в большей степени соответствующие партийному профилю «зеленых», чем ХСС (4), обострили противоречия между партнерами по блоку (5), что нашло яркое отражение в натянутых отношениях между А. Меркель и лидером партии ХСС Х. Зеehoфером, которые неоднократно обсуждались в СМИ. Тем не менее, эффективность избранной стратегии, способствовавшей укреплению позиций блока ХДС/ХСС и сохранению за ним места в составе правительственной коалиции в результате выборов 2013 г., послужила достаточной легитимацией для выраженной прогрессивной ориентации традиционно консервативной политической силы [20].

Проблема беженцев внесла значительные коррективы в сложившийся внутри блока статус-кво. В ходе ежегодной пресс-конференции с журналистами в августе 2015 г. А. Меркель назвала преодоление миграционного кризиса национальной задачей Германии. «Мы справимся!» [8] — такую формулу решения проблемы канцлер предложила немецкой нации и странам ЕС, отдав 5 сентября 2015 г. рас-

поряжение об открытии границы для всех нуждавшихся в помощи. Канцлер рассчитывала на урегулирование кризиса посредством реализации политики «открытых дверей» на общеевропейском уровне за счет введения обязательных квот для справедливого распределения беженцев между всеми странами Евросоюза.

Политические мотивы такого решения довольно прозрачны. Во-первых, выработка приемлемой для всех сторон стратегии по преодолению кризиса обещала репутационный выигрыш для самой А. Меркель. Успешное разрешение кризиса позволило бы ей упрочить свои позиции в качестве негласного, но неоспоримого лидера Евросоюза. Во-вторых, единая общеевропейская стратегия позволила бы снять давление миграционного потока с самой Германии, которая наряду со Швецией и Нидерландами стала самым привлекательным местом назначения для беженцев. Наконец, сложности, связанные с массовым притоком беженцев, воспринимались как потенциальная возможность укрепить проект европейской интеграции, который уже испытал кризис легитимности (это нашло отражение в усилении активности правых партий по всей Европе и оживлении дискуссий о выходе некоторых стран из состава ЕС).

Официальная риторика Берлина опиралась на привычный для Германии «гуманитарный императив». Исчерпывающее в данном отношении заявление сделал министр внутренних дел Т. де Мезьер: «Именно нам, немцам, известно, какие страдания сокрыты в судьбе каждого беженца, поскольку в свое время мы испытали это, причинив страдания другим людям. Отсюда произрастает [наша] особая историческая и гуманитарная ответственность по отношению к беженцам. Я рад, что среди широких слоев общества существует консенсус относительно готовности Германии оказать помощь [беженцам]» [6].

Наличие такого консенсуса подтверждалась опросами общественного мнения, однако беспрецедентный наплыв беженцев существенно поколебал его устойчивость. Согласно данным опросов, еще в январе 2015 г. 73% немцев демонстрировали желание принимать такое же или большее число беженцев; к августу их доля сократилась до 57%. За тот же период число немецких граждан, высказывающихся за прием меньшего числа беженцев, увеличилось почти в два раза — с 21% до 38% [4].

Вердикт лидера ХСС Х. Зеehoфера в отношении принятого А. Меркель 5 сентября решения об открытии границ был однозначным: «Это ошибка, над которой еще долго придется работать» [14].

Как можно полагать, справедливость данного высказывания довольно скоро подтвердилась результатами социологических опросов (6), поскольку уже 12 сентября федеральное правительство отдало полиции приказ о недопущении в страну беженцев. Эти подробности раскрываются в расследовании Р. Александра, который в своей книге «Ведомые» воссоздал события первых 180 дней со дня открытия границ (о книге см.: [3]).

По словам немецкого журналиста, меры для реализации вышеупомянутого приказа были уже предприняты, когда глава МВД ФРГ Т. де Мезьер озвучил канцлеру возможные юридические последствия данного шага [7]. В ответ А. Меркель

потребовала заверения в том, что закрытие границ не сможет быть оспорено в суде и что в СМИ не просочатся какие-либо неприглядные свидетельства задействования сил Бундесвера против беженцев. Поскольку подобных заверений министр предоставить не смог, решение о закрытии границ было отозвано.

Эта информация вписывается в логику последовавших изменений в политике «открытых дверей» (7) и не противоречит вышеупомянутым политическим мотивам, повлиявшим на выбор стратегии. Поскольку канцлер рассчитывала на повторение успеха по сценарию спасения еврозоны, основанного на принципах солидарности и единства, политика «открытых дверей» представлялась ей наиболее выгодным решением проблемы беженцев. Однако в связи с наличием серьезных репутационных рисков, сопряженных с возможными последствиями закрытия границ, А. Меркель в решающий момент не стала брать на себя ответственность за шаг, необходимость принятия которого была продиктована осложнившейся политической ситуацией. Тем самым канцлер, возможно впервые за свою блистательную карьеру отказалась от фундаментального принципа, которым лидер электоральной партии должен руководствоваться в процессе принятия решений, — всегда опираться на мнение большинства.

Эта ошибка незамедлительно отразилась на уровне поддержки избирателей: в октябре 2015 г. рейтинг популярности А. Меркель упал почти на 10% по сравнению с сентябрем — с 63% до 54% [19]. Поскольку логика сотрудничества внутри блока ХДС/ХСС как союза электоральной партии и партии политики во многом определяется формулой «поддержка в обмен на высокие рейтинги», неспособность ХДС выполнить свои негласные обязательства привела к углублению раскола внутри тандема ХДС/ХСС (8).

Таким образом, политика «открытых дверей», обусловленная политическими соображениями немецкого канцлера, привела к резкому сдвигу позиций ХДС вверх по вертикальной шкале идейно-политического спектра. Однако, вопреки ожиданиям А. Меркель, данный политический курс не нашел поддержки ни со стороны избирателей, ни в рядах союзников партии, ни среди партнеров по Евросоюзу.

ПРОБЛЕМА БЕЖЕНЦЕВ И ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛИТИКО-ПАРТИЙНОМ ЛАНДШАФТЕ ФРГ

Вероятно, в более благоприятных социально-политических условиях появление консервативной силы, традиционно придерживающейся умеренных ценностных позиций, не спровоцировало бы существенного изменения в расстановке сил на региональном и федеральном уровне. Однако сопряженные с беспрецедентными масштабами миграции беженцев финансовые опасения и проблемы внутренней безопасности привели к возникновению мощного протестного потенциала, направленного против политики канцлера и отстаиваемых ею прогрессивных идеалов.

Закономерным образом наиболее благоприятные перспективы в сложившейся ситуации открывались для политических сил, расположившихся у нижней точки вертикальной ценностной оси. На момент выборов к этому полю однозначно

можно было причислить консервативную партию Христианско-социальный союз (ХСС), правопопулистскую «Альтернативу» и праворадикальную Национал-демократическую партию Германии (НДПГ).

Максимальные политические выгоды из образовавшегося политического расклада удалось извлечь «Альтернативе». Укреплением своих позиций она обязана, помимо прочего, тому, что в отличие от баварского ХСС действует во всех федеральных землях, а по сравнению с НДПГ держится в рамках немецкого правового поля.

Некоторую пользу из сложившейся ситуации смогла получить пребывавшая долгое время в кризисном состоянии СвДП. Потерпевшие сокрушительное поражение на парламентских выборах 2013 г. свободные демократы, которые много лет не проявляли интереса к вопросам ценностного характера, обрушились с жесткой критикой на политику канцлера в сфере миграционного кризиса. Эта тактика помогла им укрепить политическое влияние на региональном уровне, а в земле Рейнланд-Пфальц способствовала возвращению в ландтаг в составе правительственной коалиции вместе с социал-демократами и «зелеными».

Другие крупные партии испытывали трудности с определением своей ценностной позиции, что было обусловлено противоречивостью взглядов их электората. Это в равной степени верно для СДПГ и Левой партии, одна часть сторонников которых ориентируется на авторитарные, а другая — на прогрессивные ценности. В абсолютном значении обе партии в наибольшей степени пострадали по результатам региональных выборов.

В общую логику, согласно которой прогрессивно ориентированные политические силы теряют свои позиции на региональном уровне, вписываются и показатели принципиальных защитников либертарианских ценностей — «зеленых». Однако здесь имеется исключение: региональные позиции партии «Союз 90/Зеленые» ухудшились везде, кроме Баден-Вюртемберга, где она одержала победу, набрав на четверть больше голосов (рост на 6,1 процентных пункта (п. п.) по сравнению с предыдущими выборами. Тем не менее, этим триумфом «Союз» в большей степени обязан не вкладу партийных функционеров в политический дискурс по разрешению кризиса беженцев, а личности действующего премьер-министра земли В. Кречманна, действия которого во многом более созвучны консервативной политике христианских демократов и зачастую идут вразрез с ценностными установками экологической партии (о позиции Кречманна (См.: [5]).

На общем фоне потери самих христианских демократов оказались не столько драматичными, как можно было ожидать, что объясняется в том числе своевременной сменой вектора политического курса в отношении беженцев на более консервативный. Корректировка позиции было осуществлено ХДС по настоянию партнера по блоку, партии ХСС. В 2016 г. лишь в Баден-Вюртемберге потери ХДС по сравнению с предыдущими выборами превысили четверть процентов голосов избирателей (12 п. п.), в остальных землях и Берлине они составили от 2,8 до 5,7 п. п. В 2017 г. партия даже несколько улучшила свои позиции в тех землях, где прошли выборы, но на федеральном уровне тренд на снижение ее популярности выразился в уменьшении числа отданных за нее голосов на 8,6 п. п.

Таким образом, налицо значительные изменения в политико-партийном ландшафте Германии, обусловленные сдвигом позиций ХДС по вопросу беженцев вверх по ценностной шкале. Этот сдвиг привел к образованию вакуума в идейно-политическом спектре (который «Альтернативе» как носителю авторитарных ценностей удалось успешно заполнить) и обусловил электоральные потери старых политических партий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящий период «Альтернатива для Германии» представлена в 13 из 16 региональных парламентов ФРГ, однако нигде не входит в правительство. Она также не рассматривается ХДС как партнер по коалиции в федеральном правительстве. Отношение традиционных политических сил ФРГ к молодой партии колеблется от вежливого игнорирования до выражения открытого пренебрежения и отвращения, что демонстрирует в том числе страх перед крайне правыми популистами.

Этот страх обусловлен тем, что молодой политической партии в первую очередь благодаря четкой артикуляции своих позиций по наиболее острой для Германии в последние годы проблеме удалось привлечь под свои знамена весомое количество немецких избирателей. Однако дальнейший рост влияния «Альтернативы» будет объективно сдерживаться уже стартовавшим курсом на ужесточение миграционной политики.

Помимо этого, на федеральном уровне у партии имеется серьезный соперник — ХСС, традиционная консервативная сила, наиболее близко по сравнению с остальными партиями расположенная к тому нижнему авторитарному концу ценностного спектра, к которому тяготеет и «Альтернатива» [18]. В ходе кризиса беженцев ХДС продемонстрировал высокую готовность отстаивать консервативные идеалы, вплоть до потенциального разрыва со своим традиционным партнером по блоку.

Также нет сомнений в том, что пока тема беженцев будет оставаться актуальной и пока «Альтернатива» действует в легальном демократическом поле, традиционные политические силы будут вынуждены до определенной степени ориентироваться на заданный ею тренд на формулировку четких ответов на волнующие нацию вопросы.

Однако поиск этих ответов и сопряженная с ним необходимость определения своего места на ценностной шкале идейно-политического спектра неизбежно спровоцируют ожесточенные дискуссии и разногласия внутри старых партий и грозят дальнейшей потерей голосов избирателей. Поэтому многие политические силы в Германии предпочитают придерживаться линии изоляции евроскептиков или игнорировать сам факт существования альтернативной позиции.

Помимо нежелания старых партий корректировать стратегию политической борьбы, налаживанию диалога с «Альтернативой» препятствуют господствующие в общественно-политическом дискурсе либертарианские установки, ориентация на которые считается неоспоримым достижением демократии. В Германии, где

обсуждение потенциальной возможности коалиции слевой партией имеет тенденцию бросать тень на репутацию политиков (см.: [1; 13]), намерение вести предметные дебаты с «Альтернативой», которая еще менее, чем левые, вписывается в русло общественно-политического мейнстрима, несет с собой высокие риски для традиционных политических партий.

Таким образом, следует ожидать, что «Альтернатива», несмотря на электоральные успехи, продолжит оставаться на периферии общественно-политической жизни страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Взлетом по партийной лестнице А. Меркель обязана в первую очередь своим прогрессивным взглядам по внутриполитическим вопросам, которые стали известны в 1998 г. в результате ее назначения на должность генерального секретаря ХДС. В дальнейшем эти слишком либеральные для консервативного костяка партии позиции нашли поддержку среди молодых функционеров ХДС, которые способствовали выдвижению Меркель на пост председателя партии и в качестве кандидата на пост канцлера (подробнее см.: [11]).
- (2) Современные компаративисты активно используют новую классификацию политических партий на основе их ориентации, выделяя партии *политики* (policy-seeking parties), заинтересованные в реализации определенного политического курса, *электоральные* партии (vote-seeking parties), ориентирующиеся на завоевание симпатий максимальной доли электората, а также *офисные* партии (office-seeking parties), стремящиеся получить офисные портфели в рамках правительственной коалиции. ХДС является классическим примером электоральной партии, главной целью которой является победа на выборах, что исключает наличие четких и раз и навсегда зафиксированных политических позиций [17].
- (3) Прежде электорат христианских демократов составляли консервативно настроенные жители сельской местности, однако сегодня их прослойка заметно сократилась. Интенсификация процессов урбанизации, секуляризации и глобализации вынуждает ХДС к либерализации своей политики с целью увеличения привлекательности для широких слоев избирателей крупных немецких городов.
- (4) На ценностной шкале позиции первых тяготеют к крайней верхней (либертарианские ценности) точке, последних — к крайней нижней (авторитарные ценности).
- (5) Данные разногласия заложены в несходстве природы обеих партий. Как электоральная партия ХДС может позволить себе — а подчас вынуждена — значительно корректировать свои позиции положение на ценностной оси, что для ХСС как партии политики, отстаивающей консервативные (авторитарные) ценности, является неприемлемым.
- (6) В СМИ Ангела Меркель снискала славу политика, чутко прислушивающегося к советам социологов, но сама канцлер этот факт отрицает [10].
- (7) Формального отказа от политики «открытых дверей» от немецкого канцлера не последовало, однако фактически стратегия была существенно модифицирована. Оставив границу открытой, А. Меркель предприняла ряд законодательных мер по ограничению притока беженцев: в октябре 2015 г. Албания, Косово и Черногория были включены в список «надежных стран происхождения» (граждане этих стран лишались права подачи заявления на предоставления убежища в ФРГ), в марте 2016 г. было достигнуто соглашение с Турцией о реадмиссии нелегальных мигрантов. Также федеральное правительство приняло два пакета изменений в закон о предоставлении убежища (октябрь 2015 г. и март 2016 г.), ужесточившие требования для получения убежища в Германии.
- (7) Конфликт достиг критической точки в результате теракта в Берлине в декабре 2016 г., когда глава ХСС Х. Зеehoфер сделал введение годовой квоты приема беженцев в раз-

мере 200 тысяч человек в течение текущего законодательного периода главным условием для выдвижения ХСС на федеральные выборы вместе с ХДС (См.: [16]). Неприемлемое для А. Меркель условие могло стоить ей номинации на пост канцлера от ХСС, если бы не появление М. Шульца на национальной политической арене в качестве кандидата от СДПГ. В ситуации резкого подъема рейтингов социал-демократов члены блок ХДС/ХСС были вынуждены забыть о разногласиях и объединиться в свете предстоящих парламентских выборов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бицков Г.Т.* Типологии систем избирательных органов // *Избирательное законодательство и практика*. 2017. № 1. С. 25—29.
2. *Ладыгин М.С.* «Альтернатива для Германии» — одно из проявлений немецких «новых правых»? // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2017. № 1. С. 60—68.
3. Angela Merkel: Grenzen der Kanzlerin // *Zeit Online*. 30.03.2017. Режим доступа: <http://www.zeit.de/2017/14/angela-merkel-die-getriebenen-fluechtlingspolitik-robin-alexander-komplettansicht>.
4. ARD-DeutschlandTREND Februar 2016. Infratest dimap. Режим доступа: <https://www.infratest-dimap.de/umfragen-analysen/bundesweit/ard-deutschlandtrend/2015/august/>.
5. Der grüne Realist // *Tagesschau*. 13.03.2016. Режим доступа: https://www.tagesschau.de/inland/portraet-kretschmann-101~_origin-630b4951-3acc-4de9-8cda-9654f90b33f2.html.
6. Deutschland übernimmt eine besondere Verantwortung für Flüchtlinge. Bundesministerium des Innern. 20.06.2014. Режим доступа: <http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2014/06/weltf1%C3%BCchtlingstag.html>.
7. Fast hätte Merkel die Grenze geschlossen // *Die Welt*. 05.03.2017. Режим доступа: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article162582074/Fast-haette-Merkel-die-Grenze-geschlossen.html>.
8. Flüchtlingsfrage: Merkel: „Wir schaffen das“ // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 31.08.2015. Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/politik/angela-merkels-sommerpressekonferenz-13778484.html>.
9. *Hornig E.* The Genetic Origin of the CDU and its Developmental Path to a Catch-All Party // *German Politics*. 2013. № 22. P. 82—96.
10. Kanzler: Regieren nach Zahlen // *Spiegel Online*. 08.09.2014. Режим доступа: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-129095167.html>.
11. Kanzlerin in der Flüchtlingskrise: Angela Merkel und die Kunst der Normalität // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 20.09.2015. Режим доступа: http://www.faz.net/aktuell/politik/portraits-personalien/kanzlerin-in-der-fluechtlingskrise-angela-merkel-und-die-kunst-der-normalitaet-13811079-p3.html?printPagedArticle=true#pageIndex_4.
12. *Slopm H.* European Politics into the Twenty-First Century: Integration and Division. Westport: Praeger Publishers, 2000. 208 p.
13. *Steinke J.* Umgang mit der Linken. Seit der Hessenwahl streiten darüber Politiker, Kommentatoren und Wissenschaftler // *GWP*. 2008. H. 57. P. 239—251.
14. Streit über Flüchtlingspolitik: Seehofer wettert gegen Merkel — und lädt Orbán ein // *Spiegel Online*. 11.09.2015. Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/horst-seehofer-wettert-gegen-angela-merkel-in-fluechtlingspolitik-a-1052455.html>.
15. *Tils R., Raschke J.* Große und kleine Übel. Parteistrategien vor der Bundestagswahl 2017 // *Forschungsjournal Soziale Bewegungen*. 2016. Jg. 3(29). P. 218—222.
16. Trotz Flüchtlingsstreit: Merkel ruft CSU zu gemeinsamem Wahlkampf auf // *Spiegel Online*. 14.01.2017. Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/fluechtlings-und-cdu-angela-merkel-ruft-csu-zu-gemeinsamem-wahlkampf-auf-a-1129995.html>.

17. *Walter F., Werwath C., D'Antonio O.* Die CDU: Entstehung und Verfall christdemokratischer Geschlossenheit. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2011. 261 p.
18. *Weigl M.* Etappensieg, nicht Zieleinlauf. Die CSU auf halbem Weg zur Erneuerung / *Niedermayer O.* (ed.) Die Parteien nach der Bundestagswahl 2013. Springer Fachmedien Wiesbaden, 2015. P. 71—101.
19. Wie zufrieden sind Sie mit der Arbeit von Angela Merkel und Sigmar Gabriel? Anteil der sehr zufriedenen bzw. zufriedenen Befragten. Statista. Режим доступа: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1126/umfrage/zufriedenheit-mit-der-arbeit-von-angela-merkel-und-sigmar-gabriel/>.
20. *Wolinetz S.* Beyond the Catch-All Party: Approaches to the Study of Parties and Party Organization in Contemporary Democracies. / *Gunther R., Montero J.R., Linz J.* (eds). *Political Parties: Old Concepts and New Challenges*. N.Y.: Oxford University Press, 2002. P. 136—165.
21. *Zick A., Preuß M.* Zugleich. Zugehörigkeit und (Un)Gleichwertigkeit / Zwischenbericht des Instituts für interdisziplinäre Konflikt- und Gewaltforschung. Universität Bielefeld. Mercator Stiftung. Режим доступа: http://www.uni-bielefeld.de/ikg/projekte/ZuGleich/ZuGleich_Zwischenbericht.pdf.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-76-88

TESTING WITH VALUES: THE REFUGEE PROBLEM AND POLITICAL PROSPECTS OF THE “ALTERNATIVE FOR GERMANY”

A.V. Fedina

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO-University)
Prospect Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454

Abstract. The article analyses the reasons for the electoral success of the “Alternative for Germany” party at the federal and state levels in 2016—2017.

Looking at the ideological spectrum of German political parties through the research lens of a two-dimensional coordinate system that, alongside the traditional ideological dimension includes the value axis, the author points out the fact that the problem of the refugees, which appeals to the values of the nation, perplexed German parties, as the choice of a particular strategy in regard to the refugees involved high risks of losing a significant number of votes. As a result, those parties, which managed to clearly articulate their system of values, above all the “Alternative”, benefited from this situation.

The author states that the rise of the “Alternative” was caused by the “value vacuum” in the party life in Germany stemming from the progressive “open-door” refugee policy introduced by Chancellor Merkel in order to resolve the European refugee crisis. Much consideration is given to the reasons that led the CDU to adopt such an unusual strategy for a predominantly centrist party.

In conclusion the author suggests that, in spite of its electoral success, political influence of the “Alternative” will be seriously limited by the unwillingness on the part of other parties to establish contacts and build inter-party ties with an inexperienced political player, which is prone to neglect the achievements of German democracy and does not fit into the framework of modern political mainstream. From the other hand, the tightening of the immigration policy weakens the protest potential of German voters.

Key words: “Alternative for Germany”, elections in Germany, German parties’ ideological positions, European refugee crisis

REFERENCES

1. Bicoev G.T. Tipologii sistem izbiratel'nyh organov. *Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i praktika*. 2017; 1: 25—29. (In Russ).
2. Ladygin M.S. «Alternativa dlja Germanii» — odno iz projavlenij nemeckih «novyh pravyh»? *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Politologija*. 2017; 1: 60—68. (In Russ).
3. Angela Merkel: Grenzen der Kanzlerin. *Zeit Online*. 30.03.2017. Available from: <http://www.zeit.de/2017/14/angela-merkel-die-getriebenen-fluechtlingspolitik-robin-alexander-komplettansicht>.
4. *ARD-DeutschlandTREND*. Februar 2016. Infratest dimap. Available from: <https://www.infratest-dimap.de/umfragen-analysen/bundesweit/ard-deutschlandtrend/2015/august/>.
5. Der grüne Realist. *Tagesschau*. 13.03.2016. Available from: https://www.tagesschau.de/inland/portraet-kretschmann-101~_origin-630b4951-3acc-4de9-8cda-9654f90b33f2.html.
6. Deutschland übernimmt eine besondere Verantwortung für Flüchtlinge. *Bundesministerium des Innern*. 20.06.2014. Available from: <http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2014/06/weltfl%C3%BChtlingstag.html>.
7. Fast hätte Merkel die Grenze geschlossen. *Die Welt*. 05.03.2017. Available from: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article162582074/Fast-haette-Merkel-die-Grenze-geschlossen.html>.
8. Flüchtlingsfrage: Merkel: „Wir schaffen das“. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 31.08.2015. Available from: <http://www.faz.net/aktuell/politik/angela-merkels-sommerpressekonferenz-13778484.html>.
9. Hornig E. The Genetic Origin of the CDU and its Developmental Path to a Catch-All Party. *German Politics*. 2013; 22: 82—96.
10. Kanzler: Regieren nach Zahlen. *Spiegel Online*. 08.09.2014. Available from: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-129095167.html>.
11. Kanzlerin in der Flüchtlingskrise: Angela Merkel und die Kunst der Normalität. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 20.09.2015. Available from: http://www.faz.net/aktuell/politik/portraits-personalien/kanzlerin-in-der-fluechtlingskrise-angela-merkel-und-die-kunst-der-normalitaet-13811079-p3.html?printPagedArticle=true#pageIndex_4.
12. Slopm H. *European Politics into the Twenty-First Century: Integration and Division*. Westport: Praeger Publishers; 2000. 208 p.
13. Steinke J. Umgang mit der Linken. Seit der Hessenwahl streiten darüber Politiker, Kommentatoren und Wissenschaftler. *GWP*. 2008; 57: 239—251.
14. Streit über Flüchtlingspolitik: Seehofer wettert gegen Merkel — und lädt Orbán ein. *Spiegel Online*. 11.09.2015. Available from: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/horst-seehofer-wettert-gegen-angela-merkel-in-fluechtlingspolitik-a-1052455.html>.
15. Tils R., Raschke J. Große und kleine Übel. Parteistrategien vor der Bundestagswahl 2017. *Forschungsjournal Soziale Bewegungen*. 2016; Jg. 3(29): 218—222.
16. Trotz Flüchtlingsstreit: Merkel ruft CSU zu gemeinsamem Wahlkampf auf. *Spiegel Online*. 14.01.2017. Available from: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/fluechtlings-und-cdu-angela-merkel-ruft-csu-zu-gemeinsamem-wahlkampf-auf-a-1129995.html>.
17. Walter F., Werwath C., D'Antonio O. *Die CDU: Entstehung und Verfall christdemokratischer Geschlossenheit*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft; 2011. 261 p.
18. Weigl M. Etappensieg, nicht Zieleinlauf. Die CSU auf halbem Weg zur Erneuerung / Niedermayer O. (ed.) *Die Parteien nach der Bundestagswahl 2013*. Springer Fachmedien Wiesbaden; 2015: 71—101.
19. *Wie zufrieden sind Sie mit der Arbeit von Angela Merkel und Sigmar Gabriel? Anteil der sehr zufriedenen bzw. zufriedenen Befragten*. *Statista*. Available from: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1126/umfrage/zufriedenheit-mit-der-arbeit-von-angela-merkel-und-sigmar-gabriel/>.

20. Wolinetz S. Beyond the Catch-All Party: Approaches to the Study of Parties and Party Organization in Contemporary Democracies. Gunther R., Montero J.R., Linz J. (eds). *Political Parties: Old Concepts and New Challenges*. N.Y.: Oxford University Press; 2002: 136—165.
21. Zick A., Preuß M. Zugleich. Zugehörigkeit und (Un)Gleichwertigkeit. *Zwischenbericht des Instituts für interdisziplinäre Konflikt- und Gewaltforschung*. Universität Bielefeld. Mercator Stiftung. Available from: http://www.uni-bielefeld.de/ikg/projekte/ZuGleich/ZuGleich_Zwischenbericht.pdf.

Сведения об авторе:

Федина Алена Васильевна — соискатель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России (e-mail: alyona.fedina@me.com).

Information about the author:

Fedina Alyona V. — postgraduate student at the Department of Comparative Politics of MGIMO-University (e-mail: alyona.fedina@me.com).

Статья поступила в редакцию 30.10.2017.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-89-95

ФОРМИРОВАНИЕ СУБКУЛЬТУРЫ БЕДНОСТИ В РОССИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ*

Т.В. Карадже

Московский педагогический государственный университет
проспект Вернадского, 88, Москва, Россия, 119571

В статье рассматриваются психологические и ценностные основания субкультуры бедных. Анализируется опыт западноевропейских и отечественных исследований в этой области, а также предпосылки формирования субкультуры в российском обществе. Оцениваются политические импликации данных процессов.

Ключевые слова: субкультура бедных, маргинализация, социальная эксклюзия, критерий бедности

В современной России сформировались ряд тревожных тенденций, среди которых: маргинализация социальных групп, которые ранее относились к обеспеченным; социальная эксклюзия, т.е. фактическое исключение определенной доли населения из нормальных условий жизнедеятельности; формирование определенного образа жизни, которое определяется социологами как «субкультура бедности».

В стране за последние десятилетия сформировалась новая социальная группа — бедные. За чертой ниже прожиточного минимума, по данным Росстата, опубликованным в конце октября 2017 года, сейчас находятся более 22 миллионов человек. Это и дети, и пенсионеры, и старики, и инвалиды, и население в трудоспособном возрасте. И среди них 12 миллионов работающих россиян, что составляет 16,8% от общего количества официально трудоустроенных граждан России. Это значит, что каждый шестой россиянин, ежедневно отправляющийся на работу, получает зарплату ниже прожиточного минимума.

Однако, по мнению социологов, официальная статистика далека от действительности. Это число может увеличиться, так как еще треть населения может превратиться в нищих. В ближайшее время бедняками могут стать 28,8% граждан, — такие данные привел Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. И, судя по углублению кризисной ситуации в стране, их количество в обозримое время будет прогрессировать.

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-00644 «Гражданский и религиозный типы общности в современном политическом процессе».

По мнению экономистов, прожиточный минимум в размере 10 тысяч рублей это не критерий бедности, это критерий, который отсекает нищету от бедности. Эти люди находятся в зоне «физиологического вырождения и голодного вымирания». Реальный прожиточный минимум в России после девальвации 2014 года составляет около 20—22 тысяч рублей (а не 10 тысяч рублей, как пишет Росстат). Если брать этот критерий оценки нищеты, то в России, даже по официальным оценкам, за чертой бедности живут ровно 50% населения страны.

Опасность ситуации заключается в том, что бедность становится хронической, консервируется и передается следующему поколению. Состояние психологической подавленности, безысходности и безнадежности связано с утратой надежды на изменение ситуации и прекращением попыток что-либо изменить. Бедность ведет к консервации и воспроизводству определенного образа жизни, которое определяется как «субкультура бедности».

Необходимо отметить, что появление субкультуры бедности возможно только в том обществе, где установилась хроническая бедность, так как формирование специфических психологических установок, ценностей и стереотипов поведения происходит в течение длительного времени.

К сожалению, в современной России проблема исследования субкультуры бедных становится весьма актуальной. Наряду с процессами консервации бедности активно идут и процессы межпоколенческого воспроизводства бедного населения. Как отмечает директор ИС РАН М.К. Горшков, почти половина российских бедных (48%) — это люди, которые с детства принадлежали к «социальным низам». Для них «хроническая бедность» дело привычное: родители передали ее им «по наследству», никакой другой жизни эти люди и не знали. Проецируя свой негативный опыт на возможности своих детей, низко оценивая не только их жизненные шансы в целом, но и возможность вырваться из состояния нищеты, они своими установками создают предпосылки для ее воспроизводства [1. С. 288].

Социологи отмечают, что в «хронической» бедности есть своего рода точка невозврата, после которой человек теряет надежду на перемены к лучшему. Это в среднем три года, прожитых в крайне стесненных обстоятельствах.

В связи с обострением социально-экономических проблем в российском обществе и увеличением численности группы бедных анализ психологических механизмов и ценностных оснований субкультуры бедности позволит учесть и нивелировать негативные последствия ее расширения.

Культурное измерение бедности дает возможность понять, как социальная группа бедных оценивает свою жизнь, как определяет причины своего состояния, каково ее отношение к свободе, к воспитанию детей, как понимает счастье, успех в жизни и т.д. Что мешает детям бедных вырваться из этого состояния? Почему в большинстве случаев бедность будет воспроизводить себя в каждом новом поколении? Эти вопросы сегодня все чаще звучат в российском обществе, заставляя обращаться к опыту исследования зарубежных ученых.

Если для России эта проблема становится актуальной лишь сегодня, то интерес к этой проблеме еще в 50-е годы прошлого века проявили западноевропейские и американские исследователи. Согласно результатам исследования О. Льюиса,

в условиях постоянной нужды низшими слоями населения вырабатываются особые ценности и устойчивые модели поведения, социально наследуемые и способствующие постоянству бедности [5].

Особо акцентировалось внимание на свойстве этой социальной группы формировать психологические установки и ценности, ориентированные на замкнутость и изолированность, что дало возможность социологам использовать понятие «субкультура бедности». Субкультура бедности как совокупность специфических норм, определяющих поведение и образ жизни социальных групп, становится самостоятельной силой, независимо от изменяющихся условий жизни. Вначале под влиянием сложившихся социальных условий, которые в силу объективных, так и субъективных обстоятельств невозможно изменить, формируются определенные психологические установки и модели поведения людей, затем сложившиеся стереотипы уже определяют поведение их детей.

Западноевропейские исследователи отмечают ряд психологических особенностей субкультуры бедности. Среди них особое отношение к деньгам, отсутствие творческой инициативы, убежденность в невозможности вырваться из нищеты, осознанная беспомощность. Специфическое иррациональное отношение представителей данной субкультуры к деньгам, с одной стороны, подтверждает вывод о том, что чем меньше денег, тем более они нужны. Так результаты экспериментов, проведенных в детских учреждениях США, продемонстрировали различное отношение детей к поощрению за высокие оценки из обеспеченных и бедных детей. Когда детям из обеспеченных семей платили за высокие оценки, то, как оказалось, это практически не повлияло на их успеваемость, однако успеваемость детей из бедных семей возросла. В то же время похвала влияла на успеваемость первых и никак не отразилась на успехах вторых.

С другой стороны, психологами отмечено, что отсутствие или нехватка денег не является поводом для активного поиска заработка для носителей субкультуры бедных. По мнению психологов, причиной такого поведения являются установки конформизма. Невозможность войти в социальную группу обеспеченных и стать там «своим» усиливает страх потерять связи со своей группой. Страх выделиться и быть отвергнутым, «быть не таким как все», заставляет следовать принятым образцам поведения своей среды.

Субкультура бедности формирует инструменты социального контроля и уравнительности в ее негативном значении. Чья-то инициатива изменить ситуацию вызывает раздражение и негатив у окружающих, т.к. успех другого, такого же, как ты, подрывает самоуважение. И, как ни парадоксально, но психологи отмечают противодействие и пресечение инициативности желающих выбраться из нищеты со стороны группы: «если у меня не получилось, то не получится и у тебя». Окружение использует все средства давления, чтобы никого не отпустить, всех уравнять, чтобы никто не выделялся.

Представляются интересными исследования Х. Родмана, свидетельствующие о том, что амбиции социальной группы бедных соответствуют амбициям и запросам среднего класса. Молодые люди — носители субкультуры бедности видят себя обладателями дорогих автомобилей, роскошных домов и других благ, но не пред-

ставляют, как это можно приобрести цивилизованным путем. Когнитивный диссонанс, нереализованные стремления, завышенные амбиции, чувство несправедливости вызывают фрустрацию, что нередко приводит к отклоняющемуся поведению.

Для изменения ситуации необходимо придумать нестандартный ход, иную линию поведения, отличающую его от неуспешного окружения. Однако здесь возникают серьезные проблемы. Эксперименты, проводимые в детском саду, подтвердили предположение о различных жизненных стратегиях детей из бедных семей и детей из семей среднего класса. Игровые ситуации показали, что у детей обеспеченных родителей хорошо развита фантазия, дети бедных до последнего ждут указаний, желательны даже образцы, которые следует воспроизвести. Если же воспитатель проявляет упорство, то ребенок начинает украдкой подглядывать за тем, что делает его творчески раскрепощенный сосед.

В процессе длительных экспериментов был получен необычайно ценный материал, показывающий, как социальные различия влияют на развитие креативных способностей детей. Все наиболее примечательные достижения принадлежали исключительно детям из обеспеченных семей, которые работали независимо. Работы же, выполненные детьми из необеспеченных семей, оказались намного примитивнее, и, что самое досадное, — равнение дети держали на наименее одаренного. Психологи сделали вывод, что даже в состоянии эмоционального подъема, созданного игрой, маленькие дети не могут преодолеть заложенную в них от рождения социальную норму, запрещающую «выделяться», «быть другим». Дальнейшие наблюдения показывают, что это внутреннее табу с годами усиливается, захватывая все более и более широкий круг жизненных проявлений [2].

Отсутствие творческой инициативы, смелости, деловых качеств, низкая самокритичность и убежденность в невозможности вырваться из нищеты социально приемлемыми способами приводит либо к агрессивности, культу силы, склонности к авантюрным и рискованным действиям, либо к апатии и обвинению других в собственных несчастьях. Считая себя обиденными жизнью, люди предъявляют повышенные требования к обществу, обвиняя окружающих в своих бедах, пытаются «осуществить распределение богатства и справедливости», считают социально приемлемым воровство и грабеж. Особенностью субкультуры бедных является отсутствие долгосрочных планов и преувеличение ценности настоящего в противоположность ценности будущего.

Психология бедности способствует адаптации к условиям нужды, а не активному поиску выхода из нее. Формируются установки либо вечного просителя работы, пособий, милостыни, либо маргинала и преступника [8. Р. 16].

Анализируя психологические основания субкультуры бедных, необходимо отметить также хроническое беспокойство, страх и агрессию, которые легко переориентируются на «чужого». У такой социальной группы, как бедные, ярко проявляются архетипы магического и религиозного сознания, а при появлении реальной или мнимой опасности активизируются архетипы «борьбы и защиты».

О. Льюис выделяет ряд социальных, политических, экономических критериев «субкультуры бедности», среди них: отсутствие участия в деятельности основных

социально-политических институтов общества (профсоюзах, общественных организациях, политических партиях и т.д.); критические установки по отношению к институтам власти; девиантное поведение: наркомания, алкоголизм, проституция; экономическая и социальная зависимость; отсутствие детства, ранние сексуальные контакты, свободные браки, высокая частота аборт; повышенная конфликтность внутрисемейных отношений (грубость, ссоры родителей и детей, частые разводы); преобладание таких установок, как беспомощность, зависимость, униженное положение, что связано с низкой мотивацией к труду и достижениям; ориентация на сегодняшний день, неспособность к планированию. Подобные установки и поведение делают бедность неизбежной [5. Р. 49].

Однако по мнению европейских социологов, система ценностей субкультуры бедных радикально отличается от общепринятой, только лишь в 2% от общего числа находящихся за «чертой бедности». Поэтому, по мнению специалистов, перенесение характеристик субкультуры бедных на бедных вообще необоснованно и некорректно [7. Р. 140.]. В то же время отмечается, что отдельные свойства культуры могут проявляться у той части населения, которые находятся в состоянии хронической бедности и не имеют надежды выйти из этой ситуации.

Для понимания общей картины бедности в России важное практическое значение имеют как замеры психологического отношения общества к бедным, так и замеры психологического состояния и особенностей норм и ценностей бедных. Сама нормативно-ценностная система, характерная для социальной группы бедных, не является основной причиной их бедности, однако, закрепляя их маргинальный статус, лишает возможности их передвижения вверх по социальной лестнице, а психологическое состояние данной социальной группы значительно влияет на эмоционально-психологическое состояние всего российского общества.

Трансформация ценностных ориентиров и системы ценностей в современной России изменили отношение к бедности как социокультурному феномену. По итогам социологического опроса можно сделать вывод о том, что если раньше россияне с неким вызовом говорили «бедные, зато честные», то сейчас скромная и честная жизнь не считается достоинством, а скорее признаком лени и глупости. Сегодня возможность зарабатывать немалые средства становится целью индивида, а его социальная успешность стала определяться материальным благополучием. В этих условиях российской реальности чувства ущербности и стеснения своего социального положения стала испытывать большая часть населения. Попытка исправить ситуацию, вырваться из нищеты приводит к демонстрации различных жизненных стратегий, начиная от попыток решить проблему за счет банковских кредитов и заканчивая проявлениями криминального характера.

И хотя 71% россиян считает, что бедные люди «точно такие же, как все, просто им не везет», уже почти 30% уверены, что во многом виноваты и сами люди. Чаще стали обвинять бедных людей в злоупотреблении спиртным и наркотиками, плохом воспитании детей, неподобающем поведении и т.п.

Для анализа эмоционально-психологического состояния бедных представляют также интерес результаты социологического исследования, проводимые ИС РАН. Рассматривая эмоциональный профиль бедных, социологи получили следующие

результаты: 22% опрошенных бедных россиян постоянно ощущают чувство тревоги и надвигающейся беды; 15% находятся в состоянии безразличия и апатии; 19% ощущают раздраженность; 5% озлобленность и агрессию [4. С. 194]. К сожалению, можно констатировать, что в стране сложилась достаточно удручающая психологическая ситуация.

Социологические опросы представителей российского сегмента бедных также подтверждают выводы западноевропейских ученых. Как правило, причину своих несчастий они склонны видеть не в себе, а во внешних обстоятельствах. Так, российские бедные сегодня выделяют три причины собственной бедности: длительная безработица, недостаточность государственных пособий и семейные несчастья. При этом гораздо реже, чем россияне в целом, говорят о таких причинах бедности, как лень, алкоголизм, нежелание менять привычный образ жизни. Для них характерно весьма яркое проявление таких особенностей поведения, как апатия, пассивность, уверенность в невозможности изменения ситуации.

Длительное пребывание в бедности изменяет круг общения и круг интересов, что способствует усвоению новых моделей поведения, характерных для хронически бедных. Противопоставление «мы» (бедные) и «они» (богатые) принимает характер осознанного противостояния. В рамках субкультуры бедных начинают формироваться социальные мифы, объясняющие причины сложившейся ситуации, а также особая ценностная система, закрепляющая отношение к государству, обществу и миру в целом [3. С. 7].

В то же время исследователями отмечается, что сегодня, к счастью, в российском обществе нельзя говорить о сложившейся устойчивой субкультуре бедных, что подтверждают результаты исследования. Результаты социологического исследования такого сегмента российского населения, как бедные, свидетельствует о том, что нормативно-ценностные системы, характерные для бедного населения, не особенно отличаются от небедного населения.

Какие поступки и действия, по мнению бедных россиян, не могут быть оправданы? Результаты опроса показывают, что лидерами списка аморальных действий являются употребление наркотиков (около 97% опрошенных бедных); плохое воспитание детей (89%); жестокое обращение с животными. По мнению более 70% бедных, не могут быть оправданы гомосексуализм, проституция, обогащение за счет других, алкоголизм. Большую терпимость бедные проявляют к таким действиям, как взяточничество, сопротивление полиции, уклонение от уплаты налогов, присвоение найденного [1. С. 288].

Поэтому говорить, по мнению социологов, о ценностном расколе между бедными и небедными в российском обществе пока не приходится. Тем не менее, сегодня уже активно формируются по ряду позиций количественные различия между бедным и небедным населением, что свидетельствует об актуализации проблемы субкультуры бедности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Изд-во «Весь мир», 2014.
2. Белкин А. Почему бедные беднеют. Режим доступа: http://polbu.ru/belkin_money/ch19_all.html.

3. *Karadje T.V.* Проблема определения «политического» в политической науке // Вопросы политологии. 2013. № 3.
4. *Седова Н.Н.* О социально-психологическом состоянии бедных // Бедность и бедные в современной России. М.: Изд-во Весь мир, 2014.
5. *Lewis O.* Five families: Mexican case studies in the culture of poverty. London: Souvenir press, 1975.
6. *Lewis O.* La Vida. New York: Random House, 1966.
7. *Marklund St.* Structures of modern poverty // Acta Sociologica. 1990. Vol. 33. № 2.
8. *Rodman H.* Class culture // The International Encyclopedia of the Social Science. New York, 1968.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-89-95

THE FORMATION OF THE SUBCULTURE OF POVERTY IN RUSSIA: MYTH OR REALITY

T.V. Karadje

Moscow Pedagogical State University
Vernadskogo prosp., 88, Moscow, Russia, 119571

Abstract. In the article the psychological and valued grounds of the subculture of the poor are examined. The author analyzes the experience of West-European and Russian researches in this area, and also pays special attention to pre-conditions of forming of subculture of poverty in Russian society. The author assesses the political implications of these processes.

Key words: the subculture of the poor, marginalization, social exclusion, a measure of poverty

REFERENCES

1. *Bednost' i bednye v sovremennoj Rossii.* Ed. by M.K. Gorshkova i N.E. Tihonovoj. Moscow: Izd-vo "Ves' mir"; 2014. (In Russ).
2. *Belkin A. Pochemu bednye bednejut.* Available from: http://polbu.ru/belkin_money/ch19_all.html. (In Russ).
3. *Karadzhe T.V.* Problema opredelenija «politicheskogo» v politicheskoi nauke. *Voprosy politologii.* 2013; 3. (In Russ).
4. *Sedova N.N.* O social'no-psihologicheskom sostojanii bednyh. *Bednost' i bednye v sovremennoj Rossii.* Moscow: Izd-vo "Ves' mir"; 2014. (In Russ).
5. *Lewis O.* *Five families: Mexican case studies in the culture of poverty.* London: Souvenir press; 1975.
6. *Lewis O.* *La Vida.* New York: Random House; 1966.
7. *Marklund St.* Structures of modern poverty. *Acta Sociologica.* 1990; Vol. 33; 2.
8. *Rodman H.* Class culture. *The International Encyclopedia of the Social Science.* New York; 1968.

Сведения об авторе:

Karadje Tatjana Васильевна — доктор философских наук, профессор и заведующая кафедрой политологии Московского педагогического государственного университета (e-mail: karadzhe@yandex.ru).

Information about the author:

Karadje Tatiana V. — PhD, full professor and head of the Department of Political Science of Moscow State Pedagogical University (e-mail: karadzhe@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 10.12.2017.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-96-104

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ (на примере отображения событий Великой Отечественной войны в видеоиграх)

С.И. Белов

Центральный музей Великой Отечественной войны 1941—1945 годов
ул. Братьев Фонченко, 10, Москва, Россия, 121170

Представленная работа посвящена изучению практики использования компьютерных игр как инструмента политики памяти. Актуальность данного исследования обуславливает как сам рост значимости видеоигр как средства формирования представлений о событиях прошлого, так и низкая степень изученности данной темы. В качестве цели изысканий автора выступает выявление перспектив использования компьютерных игр как инструмента реализации политики памяти в рамках кейса представлений о событиях Великой Отечественной войны. Эмпирическая база работы была сформирована за счет обобщения контента таких видеоигр, как «Call of Duty 1», «Call of Duty 14: WWII», «Company of Heroes 2» и «Commandos 3: Destination Berlin». Методологическая база исследования сформирована за счет привлечения элементов дескриптивного политического анализа, теории оперантного обусловливания Б.Ф. Скиннера и концепции социальной идентичности Г. Тэшфела и Дж. Тернера. Автор приходит к заключению, что ознакомление пользователей с обозначенными играми способствует закреплению в их сознании негативных стереотипов относительно участия Красной Армии в Великой Отечественной войне. Процесс интеграции отрицательных образов осуществляется посредством использования методов оперантного обусловливания. Интеграцию системы негативных образов в массовое сознание жителей постсоветского пространства затрудняет сохранение остатков советской политической символики и элементов конструируемой ранее на их основе идентичности. Автор выдвигает гипотезу, что в случае полной десовветизации пространства публичной политики в государствах, возникших в результате распада СССР, задача ревизии истории Великой Отечественной войны будет существенно облегчена, а с последующим уход из жизни последних очевидцев соответствующих событий достижение этой цели станет лишь вопросом времени. Предположительно, нивелировать эти риски можно путем гармоничного встраивания наследия советского политического и исторического мифа в модели политики памяти, выработанные в России и прочих постсоветских государствах.

Ключевые слова: политика памяти, историческая память, компьютерные игры, видеоигры, Великая Отечественная война

Введение. На сегодняшний день мы можем наблюдать существенный рост интереса к изучению политики памяти в рамках российской академической науки. Причины этого вполне очевидны и связаны в первую очередь со стремительным ростом влияния «мемориальных войн» на формирование внутри- и внешнеполитической повестки России. Информационные войны вокруг процесса декоммунизации на Украине и темы уничтожения памятников советским воинам в Польше. Скандалы, возникшие вокруг установки памятных досок К. Маннергейму и А.В. Колчаку, памятников Ивану III, Ивану IV и М.Т. Калашникову.

Конфликт между Кремлем и Бельведерским дворцом, порожденный появлением на катынском мемориале табличек с именами погибших красноармейцев. Перечисленные эпизоды наглядно подтверждают то, что историческая память и ее фиксация в символическом поле стали одним из ключевых факторов, определяющих содержание и динамику политического процесса как внутри России, так и в сфере выстраивания взаимоотношений между официальной Москвой и ее зарубежными партнерами.

Актуализация исследований в области мемориальной политики закономерным образом поставила экспертное сообщество перед задачей усовершенствования и расширения исследовательского инструментария. Последнее потребовало, помимо прочего, привести выработанные ранее концепции в соответствие с изменениями, произошедшими в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Традиционно круг акторов политики памяти ограничен достаточно кратким перечнем институтов, таких как государство, общественные организации, СМИ и т.д. Этот подход был вполне адекватен в момент создания, однако с течением времени стало очевидным, что список структур, продуцирующих историческую память, нуждается в расширении.

Активное развитие информационных технологий повлекло за собой трансформацию культуры потребления знаний, в силу чего возникли новые каналы и средства трансляции символов, выполняющих роль структурной основы для мемориальной политики. Наиболее ярко это проявилось через создание видеоигр, посвященных исторической тематике.

Значимость компьютерных игр как средства формирования исторической памяти проистекает из присущей им специфики подачи и построения контента. С одной стороны, игры разрабатываются на основе различных комбинаций подкрепления в соответствии с моделью оперантного обусловливания Б.Ф. Скиннера. С другой стороны, уровень развития компьютерных технологий уже в 2000-х гг. позволил обеспечить для игроков глубокое погружение в виртуальную реальность. За счет этого эмоции и впечатления, пережитые в игре-симуляции, воспринимаются сознанием геймера как реальные [6].

Эффективность воздействия видеоигр подкрепляется широтой охвата аудитории. Общий тираж романа А. Фадеева «Молодая гвардия» за 1946—2017 гг. составил 27 млн экземпляров. За период 2003—2014 гг. через залы Лувра прошло более 100 млн посетителей. Для сравнения, количество реализованных копий игр серии «Call of Duty» за 2003—2016 гг. достигло планки в 250 млн [13]. При этом не учитывается число пиратских версий, скачанных интернет-пользователями бесплатно. На одном лишь сайте <http://torrentiko.net> на конец ноября 2017 г. зафиксировано скачивание более 200 тыс. копий игр серии «Call of Duty».

Наряду со школьными учебниками истории видеоигры выступают в роли одного из основных инструментов формирования картины событий прошлого в массовом сознании. При этом практика создания игр зачастую подразумевает крупномасштабные искажения истории или ее политизацию. Например, в игре

«Call of Duty 14: WWII» в принципе отсутствуют миссии, в которых игрок выступал бы на стороне Советского Союза.

Несмотря на высокую значимость обозначенной темы, степень ее изученности характеризует наличие многочисленных лакун. По большей части роль компьютерных игр как инструмента политики памяти исследуется косвенным образом, в контексте более широких тем либо в рамках изучения отдельных аспектов смежных вопросов [1; 4; 5; 7—10; 12; 14—19].

В совокупности это обуславливает необходимость проведения дальнейших изысканий по данной тематике.

Целью представленного исследования является выявление перспектив применения видеоигр как средства осуществления мемориальной политики в рамках кейса представлений о событиях Великой Отечественной войны.

Материалы и методы. В качестве конкретного исследовательского кейса выступает отображение истории Великой Отечественной войны в видеоиграх «Call of Duty 1», «Call of Duty 14: WWII», «Company of Heroes 2» и «Commandos 3: Destination Berlin». Методологическую базу исследования формируют элементы дескриптивного политического анализа, концепций оперантного обусловливания Б.Ф. Скиннера [6], социальной идентичности Г. Тэшфела и Дж. Тернера [20], исторической памяти Ю.А. Никифорова и С.И. Белова [2; 3; 11]. Также нами были проведены 12 экспертных интервью (в качестве респондентов выступили политологи, психологи, специалисты в области организации работы с молодежью и патриотического воспитания, преподаватели истории и обществознания, а также представители индустрии по производству видеоигр).

Обсуждение. Внимательное ознакомление с содержанием перечисленных выше видеоигр показало, что в структуру игрового контента интегрирован ряд сюжетов, призванных воздействовать на историческую память геймеров и тем самым содействовать переформатированию идентичности пользователей, проживающих на постсоветском пространстве. Позиционирование событий Сталинградской битвы в обозначенных играх способствует делегитимации политических символов, связанных одновременно и с советским строем, и с победой СССР в Великой Отечественной войне.

Антиобраз советской стороны выстраивается за счет использования системы негативных стереотипов, ранее выработанных в иных сферах массовой культуры, в первую очередь — в кинематографе и литературе (в качестве конкретного примера можно привести фильм «Враг у ворот»).

В частности, в игре «Call of Duty 1» миссия игрока в Сталинграде начинается с получения информации о том, что боевое оружие он может получить лишь одним образом: забрав с тела погибшего сослуживца уже в процессе сражения. Аналогично в игре присутствует сцена расстрела отступающих красноармейцев заградотрядом. Обязательным элементом прохождения миссии является ликвидация солдатами политука, воплощенного в образе шаблонно-негативного «комиссара с наганом».

В игре «Commandos 3: Destination Berlin» битва за Сталинград отображена в виде достаточно вялотекущего и малозначимого сражения (в разгар битвы

в город даже приезжает для ведения переговоров американский генерал). В самом Сталинграде в роли основных действующих лиц со стороны союзников выступают бойцы спецвойск США.

В игре «Companу of Heroes 2» геймеру дается совет не шадить новобранцев, так как это было закреплено в военной доктрине Красной Армии. Согласно сюжету игры, в миссии, связанной с битвой за Москву, игрок должен сжечь несколько жилых домов, в том числе как минимум один — с его обитателями, представителями гражданского населения. В конце данной миссии один из главных героев также без явной необходимости взрывает мост вместе с находящимися на нем советскими солдатами, чтобы не дать переправиться на другой берег реки появившимся много позже немцам. Во время другой миссии солдаты спасают своего командира из-под завала и возвращают в часть, после чего их расстреливают (на осуществление спасательной миссии не было отдано приказа). Итоги Великой Отечественной войны главный герой игры расценивает как смену одной тирании (нацистской) другой (советской), что подразумевает приравнивание СССР к гитлеровской Германии.

Как отмечает большинство опрошенных экспертов, описанную выше модель позиционирования нельзя однозначно оценивать как результат преднамеренной фальсификации. Вероятнее всего, речь идет о воспроизводстве устойчивых стереотипов, включенных в парадигму западной политики памяти еще в период «холодной войны» и закрепленных в последствии произошедшей в России ревизии собственного прошлого.

«Создатели только транслируют стереотипы, существующие в сознании западных обывателей еще со времени противоборства между СССР и США. Нужно учитывать, что разработчики ориентировались преимущественно на западную аудиторию, и потому “запаковали” в игру привычную для среднестатистического потребителя картину событий прошлого.»

«Американские, канадские и европейские видеоигры с историческим подтекстом, конечно, весьма и весьма конъюнктурны (этим грешит даже недавний “Вульфенштейн 2”). Но не нужно усматривать в их версии изложения событий войны какой-либо конспирологии (по крайней мере, в большинстве случаев). Люди просто воспроизводят привычную картину прошлого, впитанную через учебники, кино и телевизор. Даже Оливер Стоун искренне считает, что под Сталинградом немецкое наступление было просто остановлено (окружения и уничтожения 6-й армии будто и не было). Чего же вы хотите от простых “игроделов”?»

В ходе прохождения игры геймер получает как прямые задачи (успешное завершение миссии и продвижение по сюжетной линии), так и дополнительную мотивацию (уникальные игровые предметы, звания, присуждаемые за достижение определенного рекорда, и т.д.). Это сочетание подталкивает геймера продолжать игру даже в том случае, если ему необходимо совершать в игре неприятные для него же действия (например, как уже было указано, поджигать дома с мирными жителями). Характерная для оперантного обусловливания генерализация стимулов приводит к возникновению устойчивых ассоциативных связей, транслируемых из виртуального мира игры на восприятие реально имевших место событий про-

шлого. В результате модели поведения, характерные для игровых персонажей, начинают рассматриваться как присущие их реальным прототипам. Аналогично выстраиваются четкие модели реагирования на определенную символику (форму, знаки различия, награды и т.д.).

Участники экспертного опроса солидарны относительно того, что описанные эффекты представляют собой побочный продукт реализации разработчиками сверхзадачи — формирования у геймеров зависимости от игры. Достичь этого можно лишь путем применения манипулятивных психотехник, использование которых подразумевает в том числе трансформацию мировоззрения игрока.

«Игры изначально создаются таким образом, чтобы процесс обрел для игрока особое, личное значение. Это гарантирует, что потребление продукта станет частью его образа жизни, гарантируя производителю наличие ниши на рынке сбыта. Достичь этого позволяет практика оперантного обусловливания, вызывающая у геймера состояние зависимости. Она способствует переходу человека в определенное психологическое состояние, облегчающее подачу информации через внушение. Как итог, нарратив, включенный в игровой контент, начинает восприниматься как абсолютно достоверный источник информации».

«Человек на пути становления фанатом игры (а это одна из главных задач ее создателей) специально проводится через череду стрессов, что ослабляет рациональную составляющую его сознания. Находясь в таком состоянии, он, как губка, легко, некритично впитывает большую часть поданной ему информации».

Впрочем, эффективность переформатирования исторической памяти игроков должен нивелировать ряд факторов, связанных со спецификой идентичности постсоветских наций. Со времени распада СССР исторически прошел лишь краткий период времени. Абсолютное большинство геймеров имеет опыт взаимодействия со своими родными — носителями советской идентичности. Процесс социализации игроков сопровождался тесным знакомством с продукцией советской массовой культуры (в первую очередь кинофильмами). За счет этого наследие советской политической символики (в особенности — та его часть, которая имеет отношение к главному историческому событию XX в. для граждан Советского Союза — Великой Отечественной войне) продолжает играть большую роль в формировании идентичности жителей постсоветских государств. Эту связь укрепляет наличие эмпатии к ближайшим предкам — жертвам либо героям войны. За счет наличия данных факторов советская сторона продолжает восприниматься даже далекими от политики представителями молодежи как «свои», «наши». Это подразумевает обязательное воздействие на сознание механизма ингруппового фаворитизма (представители собственного сообщества априори воспринимаются как превосходящие во всех выходцев из прочих групп). Как следствие, автоматически начинает работать механизм селективного, выборочного восприятия фактов. Сообщения, в рамках которых представителей «нашей» общности позиционируют в негативном свете, отсеиваются как изначально недостоверные (клевета, вражеская пропаганда). Благодаря этому даже механизмы оперантного обусловливания начинают давать серьезные сбои.

Заключение. На основании изложенного выше можно заключить, что исследованные компьютерные игры представляют собой инструмент реализации политики памяти (применяемый, вероятнее всего, не вполне осознанно). Ознакомление геймеров с перечисленными играми способствует закреплению в их сознании негативных стереотипов относительно истории Великой Отечественной войны, формированию и закреплению демонизированного антиобраза советских граждан в целом и представителей Красной Армии в частности. Процесс имплантации негативных имиджей осуществляется в том числе при помощи методов оперантного обусловливания, обладающих высокой эффективностью. Данная процедура запускается как своеобразный побочный эффект, порождаемый психотехниками, призванными сформировать у геймеров зависимость от игры. Соответствующее воздействие на сознание игроков снижает критичность восприятия, способствует переживанию виртуального как реального, причем — на уровне эмоций. Благодаря этому представленная в игре система интерпретации событий прошлого прочно закрепляется в персональной исторической памяти геймера.

В то же время следует отметить, что интеграция соответствующей системы образов в массовое сознание жителей государств, образовавшихся в результате распада СССР, затрудняется сохранением остатков советской политической символики и элементов конструируемой на их основе идентичности. Последнее позволяет предположить, что в случае полной десоветизации пространства публичной политики задача ревизии истории Великой Отечественной войны будет существенно облегчена, а с последующим уходом из жизни последних очевидцев соответствующих событий достижение этой цели станет лишь вопросом времени. Избежать обозначенных рисков можно лишь путем гармоничного встраивания наследия советского политического и исторического мифа в модели политики памяти, выработанные в России и прочих постсоветских государствах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бегларян Г.А.* Трансформация традиционных ценностей в современных видеоиграх // *Философские вопросы естествознания и технических наук. Материалы международной научной конференции.* 2014. С. 329—332.
2. *Белов С.И.* Взаимоотношения Красной Армии и католической церкви на территории Польши в 1944 г. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2015. № 10-2 (60). С. 28—31.
3. *Белов С.И., Никифоров Ю.А.* Правовое регулирование взаимоотношений военнослужащих Красной Армии и гражданского населения Польши в период 1944—1945 гг. // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы.* 2016. № 4. С. 31—38.
4. *Белянцев А.Е., Герштейн И.З.* Образ страны через компьютерную игру: историко-политический аспект // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* 2010. № 6. С. 279—283.
5. *Вдовиченко С.С.* Фреймовый анализ речевых актов в англоязычном дискурсе видеоигр (на материале видеоигры Dota 2) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2015. № 8-2. С. 27—31.
6. *Зарецкая О.В.* Зависимость от компьютерных онлайн-игр как разновидность аддиктивного поведения // *Социальная психология и общество.* 2016. Том 7. № 3. С. 105—120. doi: 10.17759/sps.2016070308.

7. *Иглин Д.А.* Видеоигры как технология политической коммуникации // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 10. С. 52—54.
8. *Калмыков В.А.* Видеоигры и патриотизм: виртуальные экстрасоциальные практики в формировании образа России // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2014. № 1. С. 296—301.
9. *Калмыков В.А.* Образ России и индустрия компьютерных игр // Коммуникативные платформы для социальных и медийных инноваций Материалы 1-й Международной научно-практической конференции. 2014. С. 87—91.
10. *Маренич Н.А.* Художественные приемы построения открытого произведения в видеоиграх // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 14.
11. *Никифоров Ю.А.* История как технология социального проектирования // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2011. № 2. С. 75—86.
12. *Новикова О.Н.* Виртуальная игра как средство формирования личностной идентичности детей и подростков // Педагогическое образование в России. 2014. № 2. С. 146—151.
13. Продажи игр серии Call of Duty преодолели отметку в 250 миллионов копий. URL: <http://gamebomb.ru/gbnews/14940>.
14. *Репринцева Е.А.* Эволюция современной игровой культуры молодежи // Общество. Среда. Развитие. 2007. № 1. С. 49—70.
15. *Сарна А.Я.* Убить Бен Ладена. Компьютерные симуляции и виртуальная реальность новостей в современных СМИ // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3. С. 80—83.
16. *Скурлатова Е.Д.* Философия войны и ее воплощение в компьютерных играх // Homo holistic: человек целостный сборник научных статей преподавателей кафедры философии ЮУрГУ, студентов, магистрантов и аспирантов вузов. Министерство образования и науки Российской Федерации, Южно-Уральский государственный университет. Кафедра философии. Челябинск, 2015. С. 197—202.
17. *Третьяков В.* Видеоигра как новый тип повествования (обзор англоязычных книг о видеоиграх) // Новое литературное обозрение. 2016. № 1. С. 307—314.
18. *Шаров К.С.* Онлайн-видеоигры как фактор социальных девиаций // Ценности и смыслы. 2015. № 3. С. 52—65.
19. *Galkin D.V.* Techno-art hybrids or art, politics and digital technology in the cultural dynamics of late XX-th century // Гуманитарная информатика. 2008. № 4. С. 52—78.
20. *Tajfel H., Turner J.* The social identity theory of intergroup behavior // The psychology of intergroup relations. Chicago, 1986.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-96-104

**COMPUTER GAMES AS A TOOL
FOR IMPLEMENTATION OF MEMORY POLICY
(on the example of displaying events
of the Great Patriotic war in video games)**

S.I. Belov

Central Museum of the Great Patriotic War 1941—1945
Bratiev Fonchenko str., 10, Moscow, Russia, 121170

Abstract. The presented work is devoted to the study of the practice of using computer games as a tool of the memory policy. The relevance of this study determines both the growth of the importance of video games as a means of forming ideas about the events of the past, and a low degree of study of this topic.

As the goal of the author's research, the research is to identify the prospects for using computer games as an instrument for implementing the memory policy within the framework of the case of the events of the Great Patriotic War. The empirical base of the work was formed due to the generalization of the content of such video games as “Call of Duty 1”, “Call of Duty 14: WWII”, “Company of Heroes 2” and “Commandos 3: Destination Berlin”. The methodological base of the research is formed due to the involvement of elements of descriptive political analysis, the theory of operant conditioning B.F. Skinner and the concept of social identity H. Tajfel and J. Turner. The author comes to the conclusion that familiarization of users with the designated games contributes to the consolidation in the minds of users of negative stereotypes regarding the participation of the Red Army in the Great Patriotic War. The process of integration of negative images is carried out using the methods of operant conditioning. The integration of the system of negative images into the mass consciousness of the inhabitants of the post-Soviet space makes it difficult to preserve the remnants of Soviet political symbols and elements constructed on their basis identity. The author puts forward the hypothesis that in the case of complete desovietization of the public policy space in the states that emerged as a result of the collapse of the USSR, the task of revising the history of the Great Patriotic War will be greatly facilitated, and with the subsequent departure from the life of the last eyewitnesses of the relevant events, achieving this goal will be only a matter of time. Presumably, these risks can be eliminated by harmonious integration of the legacy of the Soviet political and historical myth into the model of the memory policy developed in Russia and other post-Soviet states.

Key words: memory policy, historical memory, computer games, video games, the Great Patriotic War

REFERENCES

1. Beglaryan G.A. Transformatsiya traditsionnykh tsennostei v sovremennykh videoigrakh. *Filosofskie voprosy estestvoznaniya i tekhnicheskikh nauk Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. 2014. (In Russ).
2. Belov S.I. Vzaimootnosheniya Krasnoi Armii i katolicheskoi tserkvi na territorii Pol'shi v 1944 g. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2015; 10-2. (In Russ).
3. Belov S.I., Nikiforov Yu.A. Pravovoe regulirovanie vzaimootnoshenii voennosluzhashchikh Krasnoi Armii i grazhdanskogo naseleniya Pol'shi v period 1944—1945 gg. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*. 2016; 4. (In Russ).
4. Belyantsev A.E., Gershtein I.Z. Obraz strany cherez komp'yuternuyu igru: istoriko-politicheskii aspekt. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2010; 6. (In Russ).
5. Vdovichenko S.S. Freimovyi analiz rechevykh aktov v angloyazychnom diskurse videoigr (na materiale videoigry Dota 2). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2015; 8-2. (In Russ).
6. Zaretskaya O.V. Zavisimost' ot komp'yuternykh onlain-igr kak raznovidnost' addiktivnogo povedeniya. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. 2016; Vol. 7(3). (In Russ). doi: 10.17759/sps.2016070308.
7. Iglin D.A. Videoigry kak tekhnologiya politicheskoi kommunikatsii. *Sborniki konferentsii NITs Sotsiosfera*. 2015; 10. (In Russ).
8. Kalmykov V.A. Videoigry i patriotizm: virtual'nye ekstratsotsial'nye praktiki v formirovanii obraza Rossii. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*. 2014; 1. (In Russ).
9. Kalmykov V.A. Obraz Rossii i industriya komp'yuternykh igr. *Kommunikativnye platformy dlya sotsial'nykh i mediinykh innovatsii Materialy 1-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. 2014. (In Russ).
10. Marenich N.A. Khudozhestvennye priemy postroeniya otkrytogo proizvedeniya v videoigrakh. *APRIORI. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2014; 1. (In Russ).
11. Nikiforov Yu.A. Istoriya kak tekhnologiya sotsial'nogo proektirovaniya. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Istoriya i politologiya*. 2011; 2. (In Russ).

12. Novikova O.N. Virtual'naya igra kak sredstvo formirovaniya lichnostnoi identichnosti detei i podrostkov. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2014; 2 (In Russ).
13. *Prodazhi igr serii Call of Duty preodoleli otmetku v 250 millionov kopii*. Available from: <http://gamebomb.ru/gbnews/14940>. (In Russ).
14. Reprintseva E.A. Evolyutsiya sovremennoi igrovoi kul'tury molodezhi. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*. 2007; 1. (In Russ).
15. Sarna A.Ya. Ubit' Ben Ladena. Komp'yuternye simulyatsii i virtual'naya real'nost' novostei v sovremennykh SMI. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury*. 2012; 3. (In Russ).
16. Skurlatova E.D. Filosofiya voyny i ee voploshchenie v komp'yuternykh igrakh. Homo holistic: chelovek tselostnyi sbornik nauchnykh statei prepodavatelei kafedry filosofii YuUrGU, studentov, magistrantov i aspirantov vuzov. Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii, Yuzhno-Ural'skii gosudarstvennyi universitet Kafedra filosofii. Chelyabinsk; 2015. (In Russ).
17. Tretyakov V. Videoigra kak novyi tip povestvovaniya (obzor angloyazychnykh knig o videoigrakh). *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2016; 1. (In Russ).
18. Sharov K.S. Onlain-videoigry kak faktor sotsial'nykh deviatsii. *Tsennosti i smysly*; 2015; 3. (In Russ).
19. Galkin D.V. Techno-art hybrids or art, politics and digital technology in the cultural dynamics of late XX-th century. *Gumanitarnaya informatika*. 2008; 4. (In Russ).
20. Tajfel H., Turner J. *The social identity theory of intergroup behavior. The psychology of intergroup relations*. Chicago; 1986.

Сведения об авторе:

Белов Сергей Игоревич — кандидат исторических наук, заместитель заведующего научно-методическим отделом Центрального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 годов (e-mail: belov2006s@yandex.ru).

Information about the author:

Belov Sergey I. — PhD, deputy head of scientific-methodical department of Central Museum of the Great Patriotic War 1941—1945 (e-mail: belov2006s@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 08.11.2017.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-105-113

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИИ НА ВНУТРЕНнюю ПОЛИТИКУ В БАНГЛАДЕШ

Ислам Мд Сазедул

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая 6, Москва, Россия, 117198

Исследование отношений между политикой и религией представляется важным для понимания современного состояния общества в Бангладеш. Считается, что причиной разделения индийского субконтинента на две части — Индию и Пакистан — явился религиозный фактор. Восточная Бенгалия стала частью Пакистана, которая была названа Восточным Пакистаном. В Пакистане ислам стал государственной религией, что отразилось и на всей социальной жизни бенгальцев. Основное население Восточного Пакистана — это бенгальцы, говорящие на языке бенгали (бенгальский), чья культура, традиции и образ жизни исторически связаны с народами Индии. В Пакистане государственный язык урду. Власти ввели обязательное изучение урду в учебных заведениях, в том числе и Восточного Пакистана, пытались принизить значение бенгальского языка, ограничив ведение журналистской деятельности на бенгальском, включая газеты, радио, что вызывало недовольство населения. Значительное время в учебных заведениях отводилось изучению религии. Многие решения местных властей принимались и исполнялись от имени ислама. На сопротивление народа такой политике власти Пакистана отвечали массовыми репрессиями. Особенно кровавые репрессии против бенгальского народа были совершены в 1971 году. В результате народного восстания, вооруженной борьбы и изгнания войск Восточная часть Пакистана стала независимой страной. Одним из основополагающих принципов Конституции Народной Республики Бангладеш, когда только она формировалась в 1972 году, стал секуляризм. В статье анализируется политический процесс, посредством которого религия становится частью политики, используя исторический метод исследования. Несмотря на то, что в Конституции написано, что религия отделена от государства, но до сих пор религия является очень важным фактором в политике Бангладеш.

Ключевые слова: секуляризм, экстремизм, демократия, социализм, национализм, политика, меньшинства, колония, национальность, исламизация, легитимность, дискриминация

Секуляризация — это процесс освобождения от сферы религиозного сознания, деятельности, поведения людей, общественных отношений и институтов. Процесс секуляризации выражается в изменении места религии и религиозных организаций в жизни общества и личности, сужении круга выполняемых им функций. Термин «секуляризация» впервые был использован в 1646 году французским посланником Лонгвиллом в ходе переговоров, которые предшествовали заключению Вестфальского мира, и означал возможность удовлетворить интересы победителей путем конфискации монашеских владений. И первоначально термин «секуляризация» означал акт отчуждения церковного имущества в пользу монарха, государственных или частных лиц. Секуляризация в этом смысле выступает в качестве правового акта в сфере отношений собственности.

Как известно, в средние века католическая и православная церкви были основными владельцами земельных владений и собственности. Между церковью

и государством периодически возникала борьба за передел собственности. В результате этой борьбы часто проводилась секуляризация имущества церкви и монастырей. Но если в эпоху феодализма этот процесс носил случайный, спорадический характер, то формирование буржуазных отношений поставило этот процесс на логическую основу.

Реформация в Западной Европе также означала усиление процесса секуляризации. Реформация дала мощный импульс другой, политической стороне процесса секуляризации. В процессе Реформации область властных отношений освобождается от контроля церкви. Северогерманские князья отказывались подчиняться власти папы и проводили независимую внешнюю и внутреннюю политику [2].

Этот процесс происходил в форме замены духовенства мирянами в государственных учреждениях, передачи юридических полномочий от церковных судов в светские суды, передачи контроля над образованием государственным органам, открытия светских школ, университетов. С развитием светского образования процесс секуляризации начал охватывать широкую область науки и культуры. На основе этого принципа разделяются формируются светская наука и философия. Ф. Бэкон, Р. Декарт, Г. Галилей, И. Ньютон формировали новую научную картину мира, свободную от влияния сверхъестественных сил [2].

Какое влияние оказывает религия на современные западные страны? По словам профессора социологии и светских исследований (Питцерского колледжа) Фила Цукермана, каждый год религия теряет свои позиции. В любом случае теперь можно последовательно отделить церковь от государства.

Варка приводит некоторые примеры политической секуляризации, которые показывают, как сферы действия религии и государства становятся все более четко разграничены. Например, в Швеции официальное отделение церкви от государства произошло в 2000 году. В Великобритании растет сопротивление религиозному влиянию на школы. В Израиле наблюдаются усиление оппозиционных настроений против поддержки государством религиозных институтов и уклонение религиозных фундаменталистов от обязательной военной службы. Во Франции отделение церкви от государства достигло самых широких масштабов, а ограничения в отношении религии в общественной сфере усиливаются [1].

Статистика показывает, что если сто лет назад в Канаде только 2% населения заявляли, что они не принадлежат к какой-либо религии, то сегодня 30% говорят, что не верят в Бога. Сто лет назад в Австралии только около 1% населения было не религиозным. Сегодня около 20% австралийцев заявляют, что они нерелигиозны. Сто лет назад в Голландии 10% населения были религиозно не аффилированными, а сегодня более 40% населения заявляют о своей нерелигиозности, то же самое относится и к Швеции [1].

Более того, 61% чехов, 49% эстонцев, 45% словаков, 34% болгар и 31% норвежцев не верят в Бога. Во Франции они составляют 33%, в Бельгии 27%, в Германии 25%. Этот процесс затронул не только европейские страны. Последние сведения по Японии показывают значительный рост секуляризации. Шестьдесят лет назад около 70% японцев были религиозно убежденными. Сегодня это число составляет около 20%. Такие уровни атеизма, агностицизма и общей нерелигиозности являются не только удивительными, но и исторически беспрецедентными [1].

Процесс секуляризации проник на исламский Ближний Восток через действия европейских держав. На рубеже 19-го и 20-го веков европейские колониальные державы начали перестройку на Ближнем Востоке. Это не было началом контактов между Западом и Ближним Востоком. Широкие торговые и политические связи этому предшествовали. Но ситуация изменилась при несоразмерно громадной политической, экономической и военной мощи Европы. Французы прибыли в Египет в 1798 г., англичане установили аванпосты на Аравийском полуострове в 1799 году, французы оккупировали Алжир в 1834 году, а затем в 1882—1922 годы британцы взяли под свой контроль Египет.

Секулярный национализм был взят с Запада на Ближний Восток, который привел к отказу в некоторых странах от религиозных символов и практик ислама. В частности, Мустафа Кемаль Ататюрк, основатель современной Турецкой республики, начал настаивать на использовании латинского алфавита вместо арабского применительно для турецкого языка, чтобы четко провести границы между светской Турецкой республикой и ее исламским и османским прошлым. Хотя Ататюрк представлял собой крайность, но он был не исключением. Светско-националистические режимы возникли в Иране при правлении династии Пехлеви, начиная с 1925 года, в Египте в виде движения свободных офицеров 1952 г. и в Ираке с основанием Республики в 1958 году.

Хотя светские националистические режимы утверждали, что сохраняют явную дистанцию между националистическими проектами и исламом, некоторые факты могут доказать обратное [10].

Субконтинент Индостан в течение длительного времени был колонией Великобритании. Индия и Пакистан получили независимость от Британского владения в 1948 году. В Пакистане одним из основополагающих принципов конституции стало объявление ислама в качестве государственной религии. Конституция также содержит положения, предусматривающие соблюдение правовой системы с исламскими предписаниями, содержащимися в Коране и Сунне. Бангладеш завоевал независимость от Пакистана в 1971 году, и секуляризм был принят в качестве принципа конституции.

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РЕЛИГИЕЙ И ПОЛИТИКОЙ В БАНГЛАДЕШ

Бангладеш расположена в Южной Азии, граничит с Индией и Мьянмой. По последним данным, население 164 млн [4]. Большинство населения по своему вероисповеданию — мусульмане. По данным переписи населения в 2010 году, мусульмане-сунниты составляют 89,5% населения, а индуисты — 9,5%. Остальная часть населения в основном христианская (0,3%) и буддистская (0,7%) [6].

Согласно Лахорской резолюции было создано два государства: Пакистан и Индия [7]. Несмотря на большие расстояния и большие культурные различия, ислам был общим стимулирующим фактором для существования Восточной Бенгалии в составе Пакистана. После получения независимости в период правления первого Президента Бангладеш шейха Муджибура Рахмана политические партии религиозного толка были запрещены. Однако в настоящее время в стране наряду

с ведущими политическими партиями — Авами Лиг (AL), Национальной Партией Бангладеш (BNP), Партией Джатиа (BJ), активно действуют и несколько политических партий, основанных на религии. Фактически это малочисленные исламские партии, но они являются очень важным фактором для крупных политических партий в период выборов. BNP пользуется поддержкой большинства исламских партий, одной из которых является Джаамат-и-Ислами (Джамаат). Политические партии Авами Лиг и Партия Джатиа также выручатся поддержкой со стороны исламских партий, чтобы укрепить свои позиции.

Как говорилось ранее, в структуре государственности в Пакистане религия использовалась как инструмент доминирования над населением в Бангладеш. Трагическим проявлением этого в 1971 году явился геноцид населения Восточного Пакистана. Таким образом, объявление секуляризма как принципа государственного устройства Бангладеш стало логическим результатом националистического движения. В пункте 2 преамбулы Конституции Бангладеш, принятой Парламентом в ноябре 1972 года, говорится о «национализме», «социализме», «демократии» и «секуляризме» как о принципах государственного устройства страны. В пункте 2 статьи 38 Конституции далее говорится: «ни одно лицо не имеет права создать или быть членом или иным образом участвовать в деятельности какого-либо общинного или иного объединения или союза, основанных на какой бы то не было религии, которые имели бы своей целью реализовать какие либо политические цели» [5].

Итак, первый Президент Бангладеш шейх Муджибур Рахман запретил политическую деятельность, основанную на религии. Тем не менее, в силу того, что 80% всего населения Бангладеш является мусульманами, и они питают ревностное отношение к своей религии, на практике влияние ислама на политику остается фактором, которого нельзя исключить. Поэтому, добиваясь согласия большинства населения страны, первый Президент выдвигал законопроект конституции в парламент в 1972 году с заявлением, что секуляризм не означает нерелигиозность. 10 января 1972 года он объявил Бангладеш второй по величине исламской страной. Стремясь к налаживанию сотрудничества с исламским миром, Муджибур Рахман в 1974 г. принимал участие на собрании ОИС (Организация исламского сотрудничества) и восстановил исламский фонд в 1975 году. Но несмотря на все это, в течение определенного периода религия не могла оказывать доминирующего влияния на политику. Однако Президент был убит группой офицеров армии в ночь на 15 августа 1975 года. После его смерти религия снова начала играть большую роль в политике Бангладеш. Руководители путча стремились извлечь выгоду из существовавшего настроения людей, которые все больше довольствовались адаптацией исламских ценностей. Религия использовалась для обеспечения узаконивания положения путчистов. Поэтому неудивительно, что переворот августа 1975 года был объявлен от имени «Исламской республики Бангладеш». Бангладеш, таким образом, сняла с себя одежду секуляризма и начала двигаться к исламизации [3].

В апреле 1977 года, после кратковременного военного правления, генерал-майор Зия Ур Рахман стал Президентом Бангладеш. Он создал другую модель

национализма для бенгальцев. В этой новой модели он решил подчеркнуть тот элемент национализма, который бы в наибольшей степени соответствовал настрою доминирующей общины на тот момент. Этот элемент оказался религией, а новая модель нации стала известна как бангладешский национализм. Исламизация, очевидно, была направлена на то, чтобы успокоить мусульманскую общину, которая составляет большинство населения. Более того, благодаря этой новой форме национализма ему удалось противопоставить свой режим политике Авами Лиг. Он открыл дверь для создания религиозных партий и для осуществления их деятельности. Джамаат (ведущая партия, поддерживавшая Западный Пакистан во время войны за независимость) получила возможность принять участие в выборах в 1979 году. Исламские идеалы также были учтены в Конституции. В 1977 году в преамбуле Конституции была вставлена исламская фраза «бисмиллахир рахманир рахим» (во имя Аллаха, благодетельного, милосердного).

И в Конституцию было включено положение о «принципах абсолютного доверия и веры всемогущему Аллаху, национализма и социализма, означающих экономическую и социальную справедливость, вместе с принципами, вытекающими из них. Они должны составлять основополагающие принципы государственной политики» [5].

Зиаур Рахман был убит в мае 1981 года группой офицеров армии. Его смерть принесла еще одно изменение в контур государственного национализма, который перешел от либерального исламского национализма к «исламскому национализму» под руководством генерала Х.М. Эршада, который в марте 1982 года осуществил бескровный переворот, свергнув избранное всенародным голосованием правительство БНП Абдуса Саттара. Эршад превратил либеральную бангладешскую модель нации в более жесткую и тоталитарную, придав ей полностью исламскую ориентацию. Его целью было привлечь к себе людей с помощью религии. Этот шаг якобы был предпринят для обеспечения легитимации государственного переворота. Он основал свою политику исламизации на двух положениях.

1. Общество, ориентированное на мечети: Эршад в 1986 году передал исламским структурам большие государственные средства. Байтул мукарам (мечеть, расположенная в Дакке) была объявлена государственной, а по всей стране были построены тысячи мечетей. Правительство поощряло иностранную помощь, в основном арабскую, для развития мечетей.

2. Ислам как государственная религия: путем принятия восьмой поправки в Конституцию Бангладеш в июне 1988 года ислам был объявлен государственной религией (статья 2, глава А) с положением о том, что другие религии могут существовать в стране в мире и согласии.

Несмотря на то, что Эршад узаконил захват власти, значительная часть общества не рассматривала его как законного правителя. Оппозиция продолжала борьбу против этого режима. Стремясь ослабить критику в свой адрес, он, выдавая себя за последователя Зиаура Рахмана, использовал исламскую религию как удобное оружие в идеологии оправдания своей деятельности. В результате религия стала кардинальной чертой национализма Бангладеш [3].

После Эршада Халеда Зия вдова Зиаура Рахмана стала премьер-министром Бангладеш. Она возглавляла правительство три раза. Все это время она использовала ислам для привлечения людей в свою сторону. Оппонентом выступала партия Авами Лиг, имевшая хорошие отношения с Индией. БМП — национальная партия утверждала, что ислам ожидают трудности, если власть получит Авами Лиг [9].

В 2001 году БНП заключила договор о создании альянса с участием четырех других исламских партий и снова смогла прийти к власти. На этот раз эти исламские партии получили возможность оказывать влияние (давление) на правительство. Несколько лидеров этих партий становились министрами правительства. Образование, полученное в медресе (исламские религиозные школы), было признано и принято правительством в качестве квалификации для трудоустройства. В этот период исламские экстремистские группы проявили активность в политической жизни страны. Среди них оказались такие группировки, как Джамаатул Муджахидин Бангладеш, Джагрото Муслим Йоната, Хоркатул Джихад и другие.

Для борьбы с такими группировками правительство формировало особое карательное армейское подразделение под названием РАБ, которое имеет самое современное оружие и технику, подходящие для борьбы с террористами. Некоторые из лидеров террористов были арестованы и приговорены к смерти.

Длительное время Авами Лиг не была у власти. Но в 1996 году эта партия одержала победу на выборах, и дочь шейха Муджибура Рахмана Хасина стала премьер-министром правительства. Авами Лиг на выборах поддержали религиозные меньшинства, в том числе и индуистское население. Во второй раз Хасина пришла к власти в 2008 году и правила страной до 2013 года. Парламент страны вносил изменения в Конституцию и снова внес в нее понятие «секуляризм». Авами Лиг заключила союз с 14 небольшими партиями, включая некоторые из исламских, таких как Лига Олама, Партия Закер. В третий раз на срок с 2014 по 2019 годы Авами Лиг снова стала правящей партией в стране.

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ВЛИЯНИЯ РЕЛИГИИ НА ГОСУДАРСТВО В БАНГЛАДЕШ

1. Люди с уважением относятся к религии. В стране почти 90% населения является приверженцами ислама. Но на самом деле все люди не слишком религиозны, они гибки в практике ислама. В тоже время они готовы защищать ислам, если чувствуют, что исламу грозит опасность. В 1992 г. экстремистами-хинду в Индии была разрушена мечеть Бабри, а в ответ мусульмане разрушили ряд индуистских храмов. Политические партии используют религиозные чувства людей в своих собственных целях.

2. После военного переворота и смерти лидера страны Муджибура Рахмана важным вопросом для захвативших власть генералов армии стал вопрос о легитимности своей власти. Они использовали религию для того, чтобы получить поддержку населения.

3. Религия используется как орудие для получения политических предпочтений. Перед выборами лидеры политических партий часто посещают религиозные

центры, мечети и медресе, прося людей молиться за них. Они показывают людям свою религиозность, тем самым стремясь получить поддержку большинства людей.

4. Коррупция — одна из основных проблем в политической жизни страны. Политические лидеры используют свое положение для заполнения своих карманов, а перед выборами начинают жертвовать деньги религиозным центрам, мечетям и медресе, чтобы ослабить обвинения их в коррупции.

5. В Бангладеш демократия подвергается критике. В парламенте страны нет оппозиционных политических партий. Политику определяют правящие партии, зачастую преследуя и ограничивая деятельность оппозиционных групп, средств массовой информации. В стране отмечаются случаи политического насилия, убийства, ложные обвинения против противоборствующих сторон, забастовки, привлечение к уголовной ответственности несогласных с деятельностью властей. Правящие партии, когда им выгодно, привлекают служителей церкви для ослабления поддержки населением оппозиционного движения.

На основе вышеизложенного можно предложить ряд рекомендаций:

1. Для обеспечения равенства и процветания для всех граждан страны религия не должна использоваться как инструмент политики.

2. Следует практиковать демократические принципы, терпимость к политическим оппонентам и добиваться национального единства.

3. Необходимо обеспечить независимость судебной системы, политику, свободную от коррупции, подотчетность и прозрачность правительства.

4. Религиозная система образования должна быть модернизирована и контролироваться властями с целью недопущения пропаганды среди молодежи религиозного экстремизма.

5. Следует исключить дискриминацию религиозных меньшинств в стране.

ВЫВОДЫ

В демократической стране влияние религии в политике может разрушить систему государственного управления, верховенство закона и демократию. В этом случае религия может стать фактором разделения нации. Судан является одним из лучших примеров негативного влияния религии на политику. Когда религия смешивается с политикой, малочисленные религиозные общины могут стать жертвой дискриминации. Два государства, Пакистан и Индия, были образованы по принципу их разделения на основе религии, и до сих пор они считаются врагами друг для друга. До независимости на территории нынешнего Бангладеш распространялась и доминировала государственная идеология Пакистана, где религия и власть составляли единое целое. После образования Бангладеш «секуляризм» был выбран в качестве одного из принципов конституции. С течением времени религия начала оказывать влияние на политику Бангладеш. Это осознается образованными слоями населения, и поэтому они требуют отделения религии от политики, т.е. религию от государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Варка С.Г. Понятие секуляризма и его теоретические основания // FB.ru. 26.08.2016. Режим доступа: <http://fb.ru/article/263413/sekulyarizm---eto-ponyatie-sekulyarizma-i-ego-teoreticheskie-osnovaniya>.
2. Радугин А.А. Введение в религиоведение: теория, история и современные религии: курс лекций. М.: Центр, 2000. 240 с. Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/4482396/page:40/>.
3. Amana A.M. Religion, politics and security: The case of Bangladesh. 1984. Режим доступа: <apcss.org/.../ReligiousRadicalism/PagesfromReligiousRadicalismandSecurityinSouthA>.
4. Bangladesh Population 2017 (Demographics, Maps, Graphs). 30.09.2017. Режим доступа: <worldpopulationreview.com/countries/bangladesh-population/>.
5. Constitution of the People's Republic of Bangladesh. Режим доступа: bdlaws.minlaw.gov.bd/pdf_part.php?id=367.
6. Demographics of Bangladesh // Wikipedia.org. Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Demographics_of_Bangladesh.
7. Lahore resolution. Режим доступа: <storyofpakistan.com> › Timeline › 1940—1947 › 1940—1944 Events.
8. Md Iftakharul I., Kaniz M. Abuse of the religious sentiment to gain political purpose in Bangladesh // IOSR Journal of Humanities and Social Science (IOSR-JHSS). 2013. Vol. 8. Issue 4 (Mar-Apr-2013). P. 15—20. Режим доступа: <www.iosrjournals.org/iosr-jhss/papers/Vol8-issue4/D0841521.pdf?id=6069>.
9. Riaz A. Future of religion based parties and politics in Bangladesh // Daily bangla newspaper Prothom Alo. 01.06.2013 Режим доступа: <www.prothom-alo.com> ›.
10. Rock-Singer A. Religion and secularism in the Middle East: a primer // Foreign Policy Research Institute. 25.11.2015. Режим доступа: <https://www.fpri.org/.../religion-and-secularism-in-the-middl..>
11. Sayed Eftekar A. Democracy and Secularism: Bangladesh Perspectives // Protichinta.com. 17.04.2017. Режим доступа: <www.protichinta.com/articles/articleDetails/134>.
12. Ullah M. Religion, secularism and politics // Daily bangla newspaper Jugantor. 25.11.2014. Режим доступа: <www.jugantor.com/old/window/2014/11/25/179203>.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-105-113

INFLUENCE OF RELIGION IN INTERNAL POLITICS OF BANGLADESH

Md Sazedul Islam

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Mikhlukho-Maklaya, 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The study of the relationship between politics and religion is important to understand the current society of Bangladesh. It is believed that the reason for the separation of the Indian subcontinent into two parts: India and Pakistan was a religious factor. East Bengal became part of Pakistan, called East Pakistan. In Pakistan Islam was the state religion, which was reflected in the entire social life of Bengalis. In East Pakistan, most of the people are Bengalis and speak in Bangla, culture, traditions and way of life were historically connected with the peoples of India. In Pakistan, the state language was Urdu. The authorities of west Pakistan pressed the people of East Pakistan to study Urdu in educational institutions, tried to ignore the Bangla language, limiting the activities of newspapers and radio, which caused discontent among the population.

A considerable time in educational institutions was devoted to the study of religion. Many decisions of local authorities were adopted and executed on the behalf of Islam. The authorities of Pakistan suppressed the people with this policy by mass repressions. Particularly bloody repressions against the Bengali people were held in 1971. As a result of a popular uprising, armed struggle and the expulsion of troops, this part of Pakistan has become an independent country. In 1972, after the establishment of the People's Republic of Bangladesh, secularism became one of the fundamental principles of the Constitution of Bangladesh. The article analyzes the political process through which religion becomes part of politics, using the historical method of research. Although the Constitution says that religion is separated from the state, but until now religion is considered a very important factor in the politics of Bangladesh.

Key words: secularism, extremism, democracy, socialism, nationalism, politics, minorities, colony, nationality, Islamization, legitimacy, discrimination

REFERENCES

1. Varka S.G. Ponjatje sekularizma i ego teoreticheskie osnovaniya. *FB.ru*. 26.08.2016. Available from: <http://fb.ru/article/263413/sekulyarizm---eto-ponyatje-sekulyarizma-i-ego-teoreticheskie-osnovaniya>. (In Russ).
2. Radugin A.A. *Vvedenie v religiovedenie: teorija, istorija i sovremennye religii: kurs lekcij*. Moscow: Centr; 2000. 240 p. Available from: <https://studfiles.net/preview/4482396/page:40/>. (In Russ).
3. Amena A.M. *Religion, politics and security: The case of Bangladesh*. 1984. Available from: apcss.org/.../ReligiousRadicalism/PagesfromReligiousRadicalismAndSecurityinSouthA.
4. *Bangladesh Population 2017 (Demographics, Maps, Graphs)*. 30.09.2017. Available from: worldpopulationreview.com/countries/bangladesh-population/.
5. *Constitution of the People's Republic of Bangladesh*. Available from: bdlaws.minlaw.gov.bd/pdf_part.php?id=367.
6. Demographics of Bangladesh. *Wikipedia.org*. Available from: https://en.wikipedia.org/wiki/Demographics_of_Bangladesh.
7. *Lahore resolution*. Available from: storyofpakistan.com › Timeline › 1940—1947 › 1940—1944 Events.
8. Md Iftakharul I., Kaniz M. Abuse of the religious sentiment to gain political purpose in Bangladesh. *IOSR Journal of Humanities and Social Science (IOSR-JHSS)*. 2013; Vol. 8; 4(Mar-Apr-2013): 15—20. Available from: www.iosrjournals.org/iosr-jhss/papers/Vol8-issue4/D0841521.pdf?id=6069.
9. Riaz A. Future of religion based parties and politics in Bangladesh. *Daily bangla newspaper Prothom Alo*. 01.06.2013. Available from: www.prothom-alo.com.
10. Rock-Singer A. Religion and secularism in the Middle East: a primer. *Foreign Policy Research Institute*. 25.11.2015. Available from: <https://www.fpri.org/.../religion-and-secularism-in-the-middl...>
11. Sayed Eftekhar A. Democracy and Secularism: Bangladesh Perspectives. *Protichinta.com*. 17.04.2017. Available from: www.protichinta.com/articles/articleDetails/134.
12. Ullah M. Religion, secularism and politics. *Daily bangla newspaper Jugantor*. 25.11.2014. Available from: www.jugantor.com/old/window/2014/11/25/179203.

Сведения об авторе:

Ислам Мд Сазедул — аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (Бангладеш) (e-mail: sazid.ul.islam2010@gmail.com).

Information about the author:

Islam Md Sazedul — postgraduate student of the Department of Comparative Politics of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Bangladesh) (e-mail: sazid.ul.islam2010@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 03.11.2017.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-114-121

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯПОНИИ

Л.А. Мелконян

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В данной статье раскрыты значение и составляющие компоненты понятия «национальная идея» в японском понимании, взаимосвязь японской идеи с процессом проведения внешней политики государства, а также особенности японской политической системы. Рассмотрены внутренние и внешние факторы, имевшие значительное воздействие на процесс формирования политической культуры Японии, в которой, на первый взгляд, существуют определенные противоречия, но которой удалось посредством синтеза социально-политических элементов внешнего мира и собственных традиций превратиться в современное индустриально развитое демократическое государство.

Ключевые слова: мировая политика, политическая система Японии, японская национальная идея, японская демократия, азиатские демократии

Актуальность исследования национальной идеи в процессе формирования политической системы Японии обусловлена значительным ростом влияния этой страны на международные политические и экономические отношения. Современная модель японской демократии, основанная на принципах японской национальной идеи, на протяжении десятилетий демонстрирует свою эффективность и успешность, более того, в определенных аспектах своего проявления она иногда превосходит западную модель демократии.

В отечественной политической науке тема японской идеи и ее роли в проведении более эффективной внешней политики государства является менее исследованной, следовательно, стоит обратить более пристальное научное внимание и изучить некоторые важные теоретические и практические аспекты этой тематики.

Для более углубленного понимания значения и места японской идеи в осуществлении государственных и национальных интересов страны следует определить понятие «национальная идея». Оно включает в себя совокупность идей и концепций, созданных тем или иным этносом. В случае Японии под «национальной идеей» следует понимать как самобытные и уникальные, так и гармонично адаптированные и усвоенные в результате многовекового процесса взаимодействия компоненты.

Можно заметить, что проблематика национальной идеи более широко и интенсивно обсуждается в политической философии, а также в рамках дисциплин, исследующих внутривнутриполитические дискурсы различных государств. Однако для такого государства, как Япония, национальная идея является самым важным и ос-

новополагающим компонентом внешней политики Японии и, в свою очередь, состоит из многих элементов.

Например, Мотоори Норианага — один из основоположников современной японской национальной идеи, в своем трактате подчеркивает: «Только в божественной стране, где правит император, суть истинного пути передается должным образом из поколения в поколение... все другие страны должны почитать божественную страну и подчиняться ей, следовать ее Истинному пути» [4. С. 56]. Следовательно, осознание национальной самобытной идеи, понятие исключительности японского народа и его места в мире на протяжении столетий являлись краеугольными компонентами в выстраивании отношений с другими странами.

Описывая современную японскую идею и ее место в политической системе государства, следует подчеркнуть, что о японской демократии формально принято говорить начиная с послевоенного периода восстановления и подъема страны как одной из индустриально развитых и ведущих демократий мира.

Известно, что японская модель демократии не имеет общепринятого смысла этого понятия: с политической точки зрения, государственный строй Японии известен своей эффективностью, а также уникальным национальным колоритом, обусловленным именно японской национальной идеей. Японская идея и самобытный колорит в значительной степени отличают политическую культуру Японии от западных моделей классической демократии.

Историю развития западных демократий не следует принимать в качестве критерия для оценки более поздних моделей демократий в восточноазиатском регионе. Если на Западе успехи демократии были связаны в основном с социально-демократической моделью развития, то в Японии процесс демократизации и модернизации изначально происходил силовыми методами и в условиях оккупации США [2. С. 117]. Однако это противоречие с объективным ходом событий (распространение демократических ценностей и демократизации силовыми методами) в Японии вовсе не препятствовало успешному осуществлению реформ, так как их проводило именно японское правительство [3. С. 97].

Именно на этом фоне сложившаяся в Японии политическая система отличается от действующих систем на Западе. Следовательно, в контексте политической науки, без всяких сомнений, более объективно и правомерно не отождествлять японское понимание демократии с западным.

Японской политической идее присущи множество характерных черт, которые представляют особый интерес с точки зрения политической науки. Рассмотрим, например, одно из отличий японской и западной демократических культур: интенсивность и специфику проявления таких понятий, как индивидуализм и коллективизм. Принято считать, что для азиатской политической культуры характерен коллективизм, а западному обществу, наоборот, присущи черты индивидуализма. Однако следует подчеркнуть, что в системе ценностей демократии понятия «коллективизм» и «индивидуализм» изначально не противопоставлены друг другу. Точно так же не противоречат рыночное начало и государственное вмешательство, отличаются лишь интенсивность их проявления в той или иной политической культуре. В целом, неправомерны также суждения о том, что для

восточных культур необходима вестернизация или механическая трансплантация западных политических идей и ценностей, так как, например, американская демократия с ее социальными проблемами и трудностями в согласовании прав и свобод индивида с интересами общества не может служить образцом для японского общества.

Краеугольным событием, значительно повлиявшим на формирование основ современной политической идеи Японии, является Вторая мировая война, которая принесла Японии не только множество человеческих жертв и значительный материальный ущерб, но и ущерб в сферах политики и морали общества. Поражение в войне нанесло тяжелейший удар по всему государственному строю страны.

В Японии после безоговорочной капитуляции в один момент были поколеблены и поставлены под сомнение все основные ценности национальной идеи: небесное происхождение императорского дома, вера в исключительность миссии японского народа и «государственного организма» (кокутай) в мире, а также непобедимость японской армии.

В подобных условиях в находящемся под оккупацией войск США государстве на первый план руководящих кругов вышли видные и опытные дипломаты довоенной эпохи, принадлежавшие в МИДе к группировке реалистов [5. С. 95], которые считали необходимостью сотрудничество с великими державами и избежание столкновения с ними. Им и предстояла разработка японской национальной идеи в сложившихся новых условиях.

Итак, перед послевоенной Японией стояла задача преодоления вестернизации страны, для решения которой властители государства нашли наиболее применимое решение — «золотую середину» между двумя крайностями: отказом от всего иностранного или же полного копирования иноземного опыта. Японцы, несмотря на тягу копирования западного опыта, в свою политическую культуру внесли собственный вклад, одухотворяя западную, точнее, европейскую науку японской идеей.

Как во внешней, так и во внутренней политике Японии можно проследить политический реализм и прагматизм. Во имя сохранения власти в руках собственной политической элиты японцы не отказались даже от идеи демократизации и ее воплощения в жизнь. В условиях тотальной модернизации и демократизации общественной жизни политической элите государства предстояло вычислить золотую середину и найти свое достойное место на современной арене мировой политики и международных отношений.

Осознание национальной идентичности и соблюдение традиций были исторически присущи в политике Японии в выстраивании отношений с другими государствами.

На протяжении исторического развития и становления Японии как государства компоненты национальной идеи играли значительную роль в формировании не только внутренней, но и внешней политики страны.

Одним из компонентов японской национальной самобытности следует считать синтоизм — традиционную религию этой нации, который в этой стране воспринимается не просто как религия в ее традиционном смысле, а скорее особен-

ный тип мировоззрения, что тем или иным образом отображалось и на внешней политике Японии.

Другим компонентом, формирующим японскую политическую идею, является теория «почитания императора», который идентифицируется с небом, а, согласно философу XX века Вацуджи Тецуру, «...Император не является Сыном Неба, который получает Мандат Неба... он — само Небо, которое дает этот мандат» [1. С. 217].

Так, исключительность и избранность Японии, ее положения и места в мире является следующим компонентом японской идеи.

Главными аспектами, образующими японскую идею на протяжении последних столетий, являлись идеи гармонии, сочетания политики и теологии, а также политизация «национальной науки». В результате политизации национальной науки исторически была сформирована «школа национальных наук», которая идеологически ориентировалась на проблемы не только религиозного и исторического, но и общественно-политического характера.

На современном этапе Япония представляет собой одну из ведущих и индустриально развитых демократий. Особенность пути, пройденного Японией, состоит в том, что страна приобрела сегодняшний статус, основываясь лишь на самобытных обычаях и традициях политической и общественной жизни.

Исходя из экономической мощи страны, правительство Японии стремится также завоевать активную роль в международной политике. В перспективы политических кругов Японии входит «превращение Японии в великую политическую державу мира» [5. С. 100], что негласно является главной целью внешней политики Японии.

В наши дни правительство Шиндзо Абэ, Либерально-демократическая партия Японии и их сторонники поддерживают тесные связи с представителями правого движения, различных националистических организаций, таких как Японская конференция (Nihonkaigi) и Ассоциация духовного лидерства синто (Shinto Seiji Renmei) [7].

Совместными усилиями они стремятся в краткосрочной перспективе осуществить «Стратегию возрождения Японии» [6]. Власти уверены, что для возрождения Страны восходящего солнца необходимо воспринимать и считать страну «красивой и гармоничной» не только в географическом смысле, но еще и социальном, историческом и культурном аспектах: «Исконно японские, оригинальные характеристики, такие как монархия, правильны и должны применяться для дальнейшего развития Японии» [7].

Власти Японии не желают часто вспоминать о поражении во Второй мировой войне, предпочитают не импортировать, особенно в сферу образования, права человека в западной интерпретации, которая чаще всего неадаптируема в местных условиях. Вместо этого правильным считается подчеркивание истинных прав и обязанностей японского народа, в частности обязательства к своему государству и императору.

Однако на пути осуществления данной цели есть ряд препятствий, среди которых можно упомянуть такие, как территория страны, ее обеспеченность при-

родными ресурсами и сырьем, малочисленность вооруженных сил, ограничение возможности самостоятельных действий, напряженные отношения непосредственно с соседними государствами, проблемы во внутреннем рынке.

Учитывая наличие подобных проблем во внешнеполитической системе и на внутригосударственном уровне, в реализации своих внешнеполитических целей Японии приходится время от времени маневрировать и учитывать интересы не только великих держав мировой арены, но и развивающихся стран, которые для нее являются источниками сырьевого обеспечения.

Касательно дальнейшего развития и практического применения японской национальной идеи в контексте внешней политики следует подчеркнуть фактор сохранения как внутривнутриполитической, так и внешнеполитической зависимости Японии от США, которую также следует преодолеть, способствуя созданию самостоятельных политических компонентов национальной идеи. Однако на современном этапе военно-политический альянс и отношения с США находятся в центре внимания японского правительства, и так как обе стороны заинтересованы в сохранении данного союза, в краткосрочной перспективе резких перемен в проведении внешней политики Японии ожидать не следует.

В результате исследования были проанализированы содержание, особенности национальной идеи в Японии, влияние этой идеи на осуществление не только внутренней, но и внешней политики страны. Были представлены как традиционные компоненты национальной идеи, так и наиболее современные, усвоенные и адаптированные с использованием международного опыта. Были проведены параллели между японской и западной политическими идеями, выявлены основные различия национальной идеи в проведении внешней политики. На основе проведенного исследования были также представлены сильные и противоречивые аспекты японской идеи.

Историю развития западных демократий не следует принимать в качестве критерия для оценки более поздних моделей демократий в восточноазиатском регионе. Страны Азиатско-Тихоокеанского региона успешно и эффективно синтезируют традиции и современные элементы политической системы. Исторически многие азиатские государства, в частности Япония, успешно перешли к демократии именно авторитарным путем, и это является противоречивым явлением и пониманием лишь в понимании Западной цивилизации [2. С. 118].

В целом, неправомерны также суждения о том, что для восточных культур необходима вестернизация или механическая трансплантация западных политических идей и ценностей, так как, например, американская демократия с ее социальными проблемами и трудностями в согласовании прав и свобод индивида с интересами общества не может служить образцом для азиатского, в частности японского общества.

Следует обратить внимание на тот факт, что в целях развития государства и укрепления позиций правящих классов Япония на протяжении всей ее истории с готовностью принимала иностранные новшества, заимствовала западные элементы политической культуры, гармонично интегрируя их в систему японского образа мышления, все же сохраняя собственную самобытность. Осознание националь-

ной идентичности, соблюдение традиций и глубокий консерватизм были исторически присущи политике Японии в выстраивании отношений с другими государствами.

Более того, можно смело сказать, что современная Япония на грани превращения из пацифистской страны в государство, готовое при необходимости начать войну. В данном ключе социальные и политические движения в этой стране привлекают все большее внимание не только академических кругов, но и международного сообщества в целом.

Анализируя результаты исследования, можно сделать вывод, что особенность пути, успешно пройденного Японией, состоит в том, что страна приобрела сегодняшний статус, основываясь лишь на самобытных обычаях и традициях политической и общественной жизни. Несмотря на то, что настоящее правительство Японии, исходя из экономической мощи страны и основываясь на основных концепциях национальной идеи, стремится завоевать активную роль в международной политике и превратить страну в великую политическую державу мира [5. С. 110], на пути осуществления данной цели есть ряд препятствий, которые следует преодолеть.

Учитывая наличие подобных проблем во внешнеполитической системе и на внутригосударственном уровне, в реализации своих идей и внешнеполитических целей Японии приходится время от времени маневрировать и учитывать интересы других великих держав мировой арены.

Дальнейшее развитие и практическое применение японской национальной идеи во внешней политике будут завидеть от фактора сохранения внутривнутриполитической и внешнеполитической зависимости Японии от США. На современном этапе, однако, военно-политический альянс и отношения с США находятся в центре внимания японского правительства, и так как обе стороны заинтересованы в сохранении данного союза, в краткосрочной перспективе резких перемен в японской политической идее, а также в проведении внешней политики Японии ожидать не следует.

Внутриполитические процессы в современной Японии, безусловно, влияют на осуществление внешней политики. Хотя Япония географически и геополитически входит в ту же международную политическую структуру глобализирующегося и модернизирующегося мира, характерные японской идее и политической культуре черты настолько особенны и самобытны, что они скорее отдаляют, нежели сближают Японию с другими развитыми азиатскими демократиями, следовательно, тема политической идеи и культуры Японии, функционирующей весьма необыкновенно и вне любой закономерности, продолжит оставаться довольно интересной с точки зрения политической науки темой для исследований.

Таким образом, обобщая вышеупомянутое, в заключение можно подвести итоги данного исследования.

Осознание национальной идеи и применение традиций исторически были характерны для японской политической системы, а также в выстраивании отношений с другими государствами, следовательно, на протяжении развития и становления Японии как государства компоненты национальной идеи сыграли значительную роль в формировании не только внутренней, но и внешней политики страны.

В целях развития государства и укрепления позиций правящих классов Японии на протяжении всей ее истории с готовностью принимала также иностранные новшества, заимствовала западные политические идеи, элементы иностранной политической культуры, гармонично интегрируя их в систему японского образа мышления, но при этом сохраняя собственную самобытность.

Властям и народу современной Японии предстоит гармонизировать неизбежную в условиях глобализации мировой политики интернационализацию страны, сохранить самобытность японской идеи, культурно-духовные ценности и особенности и одновременно разделять все достижения мирового сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Вацудзи Т.* Философия «почитания императора» и ее традиции. Токио, Shoseki Publishing House, 1943.
2. *Воскресенский А.Д.* Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: АСТ: Восток—Запад, 2007.
3. *Молодяков В.Э.* Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж: монография. М.: Издательство «Моногатори», 2011.
4. *Норинага М.* Драгоценная шкатулка для гребней: трактат. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002.
5. *Панов А.Н.* О Японии. Очерки и исследования дипломата. М.: Олма Медиа Групп/Промсвещение, 2014.
6. About Abenomics. Council for the Realization of Work Style Reform. Prime Minister of Japan and His Cabinet. 27.09.2016. Режим доступа: https://www.japan.kantei.go.jp/97_abe/actions/201609/27article2.html.
7. *Yazawa Sh.* The crisis of democracy in Japan. Open Democracy, ISA RC-47. Open Movements. 16.07.2015. Режим доступа: <https://www.opendemocracy.net/shujiro-yazawa/crisis-of-democracy-in-japan>.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-114-121

THE NATIONAL IDEA IN THE JAPANESE POLITICAL SYSTEM FORMATION

L.A. Melkonyan

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str. 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article reveals the meaning and components of the concept of «national idea» in the Japanese understanding, the relationship between the national idea and the state's foreign policy implementation process, as well as the peculiarities of the Japanese political system. Domestic and external factors that had a significant impact on the process of forming the political culture of Japan, which at first glance has certain contradictions but which through the synthesis of social and political elements of the external world and its traditions made it possible to become a modern industrialized democratic state, are also researched.

Key words: world politics, political system of Japan, Japanese national idea, Japanese democracy, Asian democracies

REFERENCES

1. Vacudzhi T. *Filosofija "pochitanija imperatora" i ee tradicii*. Tokio: Shoseki Publishing House; 1943.
2. Voskresenskij A.D. *Politicheskie sistemy i modeli demokratii na Vostoke*. Moscow: ACT: Vostok—Zapad; 2007. (In Russ).
3. Molodjakov V.Je. *Japonija v menjajushhemsja mire. Ideologija. Istorija. Imidzh: monografija*. Moscow: Izdatel'stvo "Monogatari"; 2011. (In Russ).
4. Norinaga M. *Dragocennaja shkatulka dlja grebnej: traktat*. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie; 2002. (In Russ).
5. Panov A.N. *O Japonii. Oчерki i issledovanija diplomata*. Moscow: Olma Media Grupp/Prosveshhenie; 2014. (In Russ).
6. *About Abenomics. Council for the Realization of Work Style Reform. Prime Minister of Japan and His Cabinet*. September 27, 2016. Available from: https://www.japan.kantei.go.jp/97_abe/actions/201609/27article2.html.
7. Yazawa Sh. The crisis of democracy in Japan. *Open Democracy, ISA RC-47*. Open Movements. 16.07.2015. Available from: <https://www.opendemocracy.net/shujiro-yazawa/crisis-of-democracy-in-japan>.

Сведения об авторе:

Мелконян Лусине Арменовна — аспирантка кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (Армения) (e-mail: loussinneh@gmail.com).

Information about the author:

Melkonyan Lusine A. — postgraduate student of the Department of Comparative Politics of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Armenia) (e-mail: loussinneh@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 29.10.2017.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-122-130

ПРАКТИКИ ПАРТИСИПАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ

А.С. Перезолова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, Россия, 119991

В статье анализируется концепция партисипативной демократии и приводятся возможные методы реализации партисипативного управления в публичной политике, направленные на вовлечение граждан к соучастию в обсуждении бюджета, партисипативного моделирования, публичных консультаций, референдума и других партисипативных практик. Дается обобщение партисипативного управления и приводятся ключевые требования к трансформации политических институтов для успешной реализации публичной политики. Анализируются результаты деятельности локальных инициативных проектов и систематизируются региональные практики вовлечения в публичную политику. В статье обобщаются примеры проектов, направленных на гражданское образование населения и формирование гражданского самосознания. Рассмотренные практики существуют относительно недавно, некоторые из рассмотренных инициатив запущены в России в 2013—2015 гг. в качестве пилотных проектов. Представленные инициативы систематизированы в статье и являются предметом для дальнейшего мониторинга и оценки практики партисипативного управления.

Ключевые слова: партисипативная демократия, публичные консультации, партисипативный бюджет, соучастие, партисипативное моделирование, пилотные проекты, партисипативное управление, электронный референдум

Идея партисипативной демократии имеет политическую природу, но вместе с тем тесную взаимосвязь с социальной сферой, подразумевая большее вовлечение граждан к участию в публичных консультациях и реальном оказании влияния на принятие политических решений. Предметом исследования данной статьи является рассмотрение практик участия населения в городском управлении, обсуждении бюджета, вопросов градостроительной политики и других вопросов, имеющих тесную взаимосвязь с жизнедеятельностью жителей городов. В крупнейших мегаполисах мира в городское пространство внедряются новые технологические решения для улучшения городской инфраструктуры, подобные практики внедряются и в России в виде городских электронных референдумов [6. С. 108—113] и посредством гражданского вовлечения в публичную политику [7. С. 25—31], такие нововведения оказывают неизбежное влияние на институты публичного управления. Таким образом, главенствующим становится процесс большего вовлечения населения в форме делиберации для публичного обсуждения общественных проблем [12. С. 12] и легитимации институциональных решений для их внедрения.

В то же время в концепции партисипативной демократии системообразующими являются три основополагающих компонента: гражданское участие, публич-

ное обсуждение и расширение прав и возможностей граждан. Поэтому важным становится роль гражданской культуры и наличие доступных инструментов для вовлечения населения в публичную политику.

Публичная политика является реализацией публичного управления и представляет собой сеть человеческих взаимоотношений и связанной с ними деятельности, осуществляется многообразием субъектов: от органов публичной власти и до отдельных должностных лиц низового уровня [5. С. 47].

Процесс публичного обсуждения является неотъемлемой частью ведения партисипативной публичной политики. Увеличение активности населения возможно путем расширения гражданских прав на участие в публичной политике [9. С. 55]. Безусловно, в реализации публичной политики задействованы политические институты, однако к их функционированию выдвигаются существенные требования.

В теории партисипативной демократии выдвигается ряд требований к институтам: быть эффективными, справедливыми и открытыми для участия населения. Если говорить о ценностях публичной политики, можно выделить две основные: важность публичного обсуждения и возможность прямого участия для каждого заинтересованного субъекта. Ресурсом для внедрения ценностей партисипативной демократии является усиление гражданской позиции местных жителей и их осведомленность о ситуации в решении местных вопросов. Также важным ресурсом выделим наличие площадок для коллективного обсуждения и учета альтернативных точек зрения. Таким образом, участие — это процесс, изменяющий отношение жителей к локальным вопросам для улучшения качества жизни.

Исследователь теории партисипативной демократии профессор Гарвардского университета А. Фанг считает, что в своей основе теория содержит ключевой принцип «подотчетной автономии», где управление объединяет стратегии децентрализации и местничества. С одной стороны, принципы автономии и подотчетности явно противоречат друг другу, но в этом и заключается идея партисипативной системы управления, где механизмы распределения власти между центральными и местными органами становятся гибридными и возникает процесс группового мышления и группового обучения. В реализации публичной политики система подотчетной автономии может быть реализована посредством институциональных изменений: повышения полномочий должностных лиц местного уровня в отношении формальных правил, но при сохранении подотчетности и открытости для критики со стороны гражданских лиц.

Вышеуказанные требования к открытости в реализации партисипативной публичной политики требуют большей вовлеченности населения. Учитывая, что активизация молодежи в нашей стране связана прежде всего со сменой поколений, готовность к участию не является данностью и требует создания соответствующих условий.

Американский философ и педагог Дж. Дьюи считал участие процессом развития и личностного роста, в основе которого заложен интерес [3. С. 54], вследствие чего основополагающими принципами развития выделял коллективное взаимодействие и постоянное получение опыта.

Таким образом, понятие участия из педагогики обогащает рассматриваемую нами концепцию партисипативного управления для воспитания нового поколения активных граждан, вовлеченных в реализацию публичной политики. Качество демократии зависит от качества ее граждан, а качество граждан в свою очередь зависит от того, как они информированы и разбираются в общественных вопросах и насколько готовы активно участвовать в публичной политике. Безусловно, для реализации партисипативной демократии недостаточным является «время от времени опускать бюллетень» [4. С. 23].

В теории публичного управления выделяют несколько видов партисипативного управления, или «со-участия» [10. С. 28], среди которых: коллективное распределение приоритетов в распределении ресурсов (партисипативный бюджет) [2]; планирование (участие в разработке стратегий, публичные слушания); коллективное привлечение средств и ресурсов (краудфандинг, фандрайзинг); управление местными сообществами; коллективная охрана порядка на общей территории; совместная оценка качества услуг (отзывы и мониторинги); публичная оценка качества предоставляемых государственных услуг и улучшение их качества; участие в разработке картографии.

Оценивая данные практики, можно заключить, что более адресными являются опросы и проведение фокус-групп.

Виду внедрения технологических решений в улучшение городского пространства более инновационной практикой является разработка интерактивных вебсайтов, электронных систем голосования и учета мнений граждан (электронных референдумов).

Отметим тесную взаимосвязь процесса публичного обсуждения с необходимостью разрешения конфликтов. Методы для стратегического решения конфликтов описаны Корнером и Ш. Арнштейн (1995). Авторы определяют 12 стадий организации интегрированного партисипативного процесса: от стадии информирования населения, формирования групп интересов, оповещения общественности о вопросах, вынесенных на публичное обсуждение, возможных альтернативах, от критериев выбора и методов оценки до стадии проведения воркшопов, на которых выявляются предпочтения и альтернативы [17. С. 31]. В основе данного подхода лежит тождество объединения групп интересов для создания оппозиции и для учета мнения населения.

Для разрешения конфликтов требуется прежде всего площадки для коллективного диалога, построения доверительных отношений между участниками и организация медиации для сглаживания возможного конфликта интересов. Концепция участия имеет ряд сложностей в практическом внедрении, поскольку изначально считается, что граждане убеждены в том, что способствуют реализации своих интересов, а также они имеют способность принимать участие в деятельности, которая является обязанностью для профессионалов-чиновников.

Данные методы привлечения населения к участию в публичной политике могут быть внедрены в России для реализации публичной политики в рамках компетенции местной власти: в сфере жилищного хозяйства, водоснабжения, строительства и планирования застройки, полицейской и противопожарной охраны,

здравоохранения, социальной помощи, образовательной и просветительской деятельности и в распределении приоритетов городского бюджета.

В России возможность участия населения происходит и на федеральном уровне, внедряются стратегии совместных компетенций между регионами и центром. Опыт общемировых практик показывает, что к совместной компетенции между центром и регионами относятся вопросы экологии и социальной сферы. К региональным компетенциям относится сфера здравоохранения. Также культура преимущественно относится к региональной компетенции. Основная проблема местного самоуправления как политического института заключается в построении сбалансированной системы управления, учитывающей интересы локальных сообществ, региональной власти и власти федеральной.

Наиболее близким к идеалам общественной теории и партисипативной демократии является англосаксонский тип организации местного самоуправления. Организация местного самоуправления в России в своей основе близка к системам местного самоуправления в Великобритании и США. В Великобритании применяются следующие методы партисипативной реализации публичной политики [16. С. 297]: коллективное обеспечение безопасности в районе совместно с полицейскими; представление и защита интересов с использованием петиций, организация местных сообществ и коллективные объединения для обеспечения общественных интересов.

Интерес к внедрению экспериментальных форм политического управления, включающих принципы концепции партисипативной демократии, является общемировым и применяется в ведущих мегаполисах мира. Подобные инициативы в своей основе базируются на утверждении, что «рядовые граждане способны участвовать в публичном дискурсе и оказывать влияние на публичную политику с целью улучшения качества жизни» [12. С. 5]. Самыми старыми формами партисипативного управления являются объединение заинтересованных сторон, встречи в муниципалитетах и опросы граждан. Сравнительно новыми практиками, применяющимися около 20 лет, являются партисипативный бюджет, делиберативные опросы, гражданские жюри и голосования, кроссекторальное сотрудничество и т.д. Безусловно, у каждого из методов есть сильные и слабые стороны, прежде всего некоторые методы весьма дорогостоящие для организации; некоторые из них более или менее инклюзивные или более или менее делиберативные. Наиболее распространенными формами реализации партисипативного управления являются публичное обсуждение, привлечение экспертов и стратегическое планирование.

При партисипативном управлении метод привлечения экспертов является узконаправленным, т.к. вовлечение экспертов несет консультативную функцию, в то время как главенствующим является организация процесса публичного обсуждения напрямую с гражданами [14. С. 19]. Голосование также не является полностью партисипативным, поскольку ограничено волеизъявлением в личных интересах, в то время как в партисипативном подходе требуется учет аргументации всех заинтересованных лиц для учета их мнений и принятия справедливого решения.

Наиболее крупный проект, посвященный обобщению практик партисипативного управления, создал теоретик партисипативной демократии А. Фанг. В 2009 году он создал проект «Партисипедия», являющийся интернет-ресурсом данных о партисипативных практиках, применяющихся в разных городах и странах.

Если говорить о России, в малых и средних городах страны упор делается на удачные практики вовлечения горожан к осуществлению публичных консультаций. Отметим, что в наиболее крупных городах страны и в Москве приоритет отдается внедрению современных технологичных решений и интеграции в городскую среду технологий электронного взаимодействия. На рисунке 1 представлены наиболее известные практики привлечения населения к участию в городской политике.

Рис. 1. Практики привлечения населения к участию в городской политике / **Fig. 1.** The practices of attracting people to participate in urban politics

ПРАКТИКИ ПУБЛИЧНОГО ОБСУЖДЕНИЯ ГОРОДСКИХ ПРОЕКТОВ

Городские проекты имеют основную направленность на улучшение городской инфраструктуры: осуществления капитального ремонта зданий и сооружений, реконструкцию пешеходных зон, работу городского общественного транспорта и реконструкцию общественных пространств. Одним из методов привлечения горожан к участию в обсуждении городских проектов является совместное моделирование, по сути представляющее собой привлечение граждан к обсуждению проектов для коллективного решения общественных проблем [20. С. 406].

Организация совместного моделирования состоит из стадии информирования, публичных слушаний, фокус групп, опроса общественного мнения, форсайт-сессий и т.д. Совместное моделирование — это метод анализа проблемы путем построения причинно-следственной модели с привлечением стейкхолдеров (так называют акторов, влияющих на принятие решения, а также тех, кого затрагивают последствия данного решения) [19. С. 32]. Такими субъектами являются представители власти, бизнеса и гражданского общества.

В частности, в сфере разработки экологической политики практики совместного моделирования и партисипативные методы с привлечением стейкхолдеров необходимы, т.к. имеют комплексное решение. Преимущества привлечения стейкхолдеров очевидны: качество анализа ситуации повышается и увеличивается возможность достижения консенсуса [15. С. 285]. При организации совместного моделирования возникает общее видение проблемы¹ и происходит «групповое обучение», т.е. участники совместного моделирования получают новые знания для понимания сути проблемы. Известно, что еще в 80-е годы руководитель нефтяной компании Де Гейс считал, что феномен «группового обучения» в глобальной перспективе будущего станет главенствующим конкурентным преимуществом крупнейших компаний [20. С. 463].

Таким образом, метод совместных консультаций способствует легитимности решений, увеличивает доверие между участниками и является площадкой для обсуждения спорных моментов. На итоговой стадии организации совместного моделирования публично оглашаются результаты и формируется отчет, содержащий рекомендации для органов исполнительной власти.

В России подобная практика совместного моделирования была использована на конференции по вопросу участия гражданского общества в становлении системы обращения твердых бытовых отходов в России², при участии представителей исполнительной власти федерального уровня, природоохранных организаций и бизнес компаний.

Еще одним методом соучастия в обсуждении городских проектов является соучаствующее проектирование [11. С. 28] как метод проектирования городской среды при участии жителей, бизнеса, инвесторов, представителей администрации и других заинтересованных сторон. Метод применим для архитектурного проектирования и дизайна зданий и территорий, с учетом условий окружающей среды. Такие центры соучаствующего проектирования являются площадкой для информационного взаимодействия местных жителей с архитекторами, инвесторами и органами власти. Важным является учет мнения жителей в их видении дизайна общественных пространств: дворов, скверов, пешеходной и велосипедной инфраструктуры города.

Для вовлечения жителей городских сообществ используются методы организации публичного обсуждения перед принятием решений, поддержка обществен-

¹ Совместное моделирование, экспертная группа. Режим доступа: <http://www.participatory-modelling.com>.

² Конференция «Участие гражданского общества в становлении системы обращения ТБО в России». Режим доступа: <http://musora.bolshe.net/news/events/konferenciya.html>.

ных инициатив, проведение референдумов, а также совместное проектирование общественных пространств. Партиципативными методами осуществления публичной политики можно считать публичные мероприятия: форумы, конференции, воркшопы, семинары, презентации, уличные фестивали и городские праздники. Совместное проектирование реализуется посредством общественных мероприятий, благотворительных акций и социальных проектов. Соучаствующее проектирование является прорывом не только в архитектуре [8. С. 65], поскольку данный метод способствует восприятию городов со стороны пользователей городской инфраструктуры и созданию более дружелюбной городской среды.

В проектировании городской инфраструктуры в российских городах применяются различные методы партиципативного управления в виде пилотных проектов. Например, в архитектурное бюро урбанистики и проектного проектирования в Вологде использует методы совместного проектирования³. Уникальным для России является проект «Остановка как общественное пространство», который реализован благодаря проведению опроса населения, а итоговый проект был выполнен при участии жителей.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПАРТИЦИПАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В первую очередь отметим перспективы большей технологизации управления. Вторая тенденция связана с усилением внимания не только к культуре управления, но и к разным формам создания коллективной ответственности. Третьей тенденцией является возникновение новых институтов, связанных с системами партиципативного публичного управления. Со стороны российских властей требуется адаптация глобальных тенденций увеличения роли гражданского общества в публичном управлении, зачастую на региональном уровне такие практики сталкиваются с укоренившимся бюрократизмом и отсутствием необходимых знаний стратегии управления новыми неинституционализированными системами. Тенденции уменьшения роли государства в реализации социальных программ зарождают процессы трансформации системы публичного управления.

По мнению американского футуролога Дж. Нейсбитта, в будущем сетевые структуры станут логичной заменой для системы иерархии. Также, по мнению футуролога, централизованный способ принятия решений потеряет свою эффективность, а от репрезентативного правительства произойдет переход к партиципативному руководству [18. С. 109]. Сетевая модель организации управления в своей основе схожа с естественной самоорганизацией групп интересов. Такие группы единомышленников становятся основой для распространения сетевых форм общественной организации и партиципативного управления. Новое поколение российской молодежи должно знать основы функционирования демократических институтов России, знать историю страны и ее культуру [5. С. 319]. В данной статье приведены примеры партиципативного управления в реализации публичной политики, безусловно основополагающим является развитие институтов

³ Проектная группа 8. Междисциплинарная команда специалистов в области архитектуры, дизайна, маркетинга и урбанистики. Режим доступа: <http://8architects.com/>.

гражданского общества. Происходит трансформация традиционных политических институтов и возникают неинституциональные структуры, которые приводят к трансформации отношения населения к публичной политике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепция партисипативной демократии подразумевает вовлечение к со-участию и применима для публичного управления, будь то в коммерческой компании или в городском управлении. Неизбежен вопрос о степени зрелости гражданского общества для массовых практик партисипативного управления, тем не менее рассмотренные методы лишь набирают популярность в России и по большей части являются пилотными проектами, направленными на обучение граждан и формирование гражданского самосознания. Качественная трансформация роли гражданина в реализации партисипативной демократии необходима, т.к. для вовлечения требуется сдвиг сознания на уровень индивида и возложение большей личной ответственности и в последствии создания коллективной ответственности за принятие решений. Последние исследования в сфере экономики заставляют переосмыслить роль низовых инноваций как ресурса массового процветания и развития демократических институтов, а внедрение управленческих технологий из теории менеджмента также является аргументом для адаптации партисипативных практик в публичном управлении.

Обобщая методы партисипативного публичного управления, можно говорить о том, что практики партисипативного управления в широком смысле, позволяют участникам быть информированными, вовлеченными и содействовать достижению консенсуса. Результатом партисипативного управления в реализации публичной политики является построение открытой системы управления, путем смещения парадигм: от управления посредством обезличенных институтов и чиновников, к коллективному публичному управлению.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ.
2. Володенков С.В. Эволюция традиционных институтов представительной демократии в условиях постинформационного общества: проблемы и перспективы // Избирательное законодательство и практика. 2016. № 3. С. 47—51.
3. Дьюи Дж. Демократия и образование: Пер. с англ. М.: Педагогика-Пресс, 2000. 384 с.
4. Мюллер Д. Разум, религия, демократия. М.: Мысль, 2015. 560 с.
5. Понкин И.В. Теория публичного управления. М.: Буки Веди, 2017. 728 с.
6. Перезолова А.С. Городские электронные референдумы: опыт проекта «Активный гражданин» // Власть. 2015. № 2. С. 108—113.
7. Перезолова А.С. Практики гражданского вовлечения в публичную политику и опыт управления гражданскими инициативами // Вопросы управления. 2015. № 5. С. 25—31.
8. Снугирева Н. Соучаствующее проектирование обновляет город // Государственная служба. 2014. № 4 (90). С. 63—65.
9. Barnes M., Newman J., Sullivan H.C. Power, Participation and Political Renewal: Case Studies in Public Participation. Policy Press, 2007. 228 p.
10. Dodge C.P., Bennett G. Changing Minds: A Guide to Facilitated Participatory Planning. IDRC, 2011. 192 p.

11. *Fung A.* The Participedia Project: An Introduction // *International Journal of Public Management*. 2011. Vol. 14. № 3. P. 341—362.
12. *Fung A., Wright E.O.* Deepening Democracy: Institutional Innovations in Empowered Participatory Governance. Verso, 2003. 310 p.
13. *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. John Wiley & Sons, 2015. 328 p.
14. *O'Rourke M., Crowley S., Eigenbrode S.D., Wulforth J.D.* Enhancing Communication & Collaboration in Interdisciplinary Research. SAGE Publications, 2013. 464 p.
15. *Rodgers D.T.* Age of Fracture. Harvard University Press, 2011. 360 p.
16. *Sanoff H.* Community Participation Methods in Design and Planning. John Wiley & Sons, 2000. 306 p.
17. *Susskind L., Elliott M.* Paternalism, Conflict, and Coproduction: Learning from Citizen Action and Citizen Participation in Western Europe. Springer Science & Business Media, 1983. 359 p.
18. *Videira N., Kallis G., Antunes P.* Integrated Evaluation for Sustainable River Basin Governance. IWA Publishing, 2007. 188p.
19. *Voinov A.A.* Systems Science and Modeling for Ecological Economics. Academic Press, 2010. 432 p.
20. *Witzel M.* Encyclopedia of History of American Management. A&C Black, 2005. 564 p.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-122-130

PRACTICE OF PARTICIPATORY GOVERNANCE IN PUBLIC POLICY

A.S. Perezolova

Lomonosov Moscow State University
Lomonosov Avenue, 27, b. 4, Moscow, Russia, 119991

Abstract. This article examines the idea of participatory democracy. The article provides case study of pilot projects aimed to engage citizens for public participation in different forms, such as: participatory budgeting, participatory modeling, public consultations and other participatory practices. The concept of public participation implied in most common methods of consultation as local meetings, public hearings, creation of working groups, public dialogue commissions, workshops, discussion forums on Web sites, contests of ideas and projects, crowdfunding projects, cooperation citizens initiatives and more consumerist type as polls and focus groups. The ability to work together becomes a resource for growth of civic consciousness, where citizens become active actors, who able to participate in public policy, resource mobilization, independent projects for realization and formation of social capital. The challenge for participatory democracy is maturity degree of civil society and examined examples of participatory practices are pilot projects that aimed formation of civic consciousness.

Key words: participatory democracy, public consultations, participatory budget, co-governance, participatory modeling, pilot projects, participatory governance, electronic referendum

Сведения об авторе:

Перезолова Алена Сергеевна — аспирантка кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. Ломоносова (e-mail: a_perezolova@mail.ru).

Information about the author:

Perezolova Alyona S. — postgraduate student of the Department of History and Theory of Politics of Lomonosov Moscow State University (e-mail: a_perezolova@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 10.01.2017.